

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

на правах рукописи

Бердинских Иван Викторович

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ
СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В СССР В 1930-1940-х ГГ.**

Специальность 07.00.02. – отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель -

доктор исторических наук, профессор

А.А. Тронин

Киров 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Политико-правовые основы возникновения и развития советской системы спецпоселений в 1930-1940-е годы	23
1.1 Возникновение массовой политической ссылки в Советском Союзе: «кулацкая ссылка».....	23
1.2. 1941-1944 годы: период этнических депортаций.....	42
1.3. 1945-1950 годы: стабилизация системы спецпоселений и предпосылки распада.....	65
Глава II. Особенности инфраструктуры системы спецпоселений	83
2.1. Особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях.....	84
2.2. Экономическая эффективность спецпоселений.....	103
2.3. Спецпоселение как среда обитания.....	123
2.4. Человек в спецпоселении.....	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
ПРИМЕЧАНИЯ	166
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	203
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	217
ПРИЛОЖЕНИЯ	225

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой результат научного исследования одной из самых закрытых до недавнего времени тем новейшей отечественной истории – темы широко практиковавшихся в 1930-1940-е гг. насильственных переселений больших масс людей и даже целых народов.

Депортации можно определить как насильственные переселения, которые осуществлялись специальными службами и ведомствами (ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ). Подавляющее большинство людей, подвергавшихся депортациям, направлялось на спецпоселения. К середине 1930-х годов они сформировались в особую систему - со своей нормативной, производственно-хозяйственной и социально-бытовой инфраструктурой.

Актуальность данной темы подчеркивается своеобразием той исторической ситуации, которая сложилась после распада Советского Союза. Концептуальную и методологическую актуальность настоящего исследования определяют особенности возникновения и развития спецпоселенческой инфраструктуры на фоне жизни и деятельности миллионов людей, насильственно переселенных из родных мест, как правило, в отдаленные и малообжитые (или необжитые вообще) регионы СССР, ограниченных в гражданских правах и имевших нарицательный статус «спецпереселенцев» («трудпоселенцев», «спецпоселенцев»).

Российская Федерация как мультиэтническое государство при проведении своей современной национальной политики, особенно, на Северном Кавказе, ряде других регионов, обязано учитывать последствия этнических депортаций 1930-1940-х годов. Недооценка влияния пережитых депортаций некоторыми народами на их этническое самосознание привела в 1990-х годах к двум внутренним военным конфликтам, созданию постоянной зоны нестабильности на Юге России.

Система политической ссылки в Советском Союзе сталинского периода показывает противоречивость процессов развития формирования Российского правового государства. В наше время крайне важно эффективно гарантировать и реализовывать права граждан.

Объектом настоящего исследования является инфраструктура системы спецпоселений в Советском Союзе 1930-х-1940-х годов. При этом в инфраструктуре системы спецпоселений мы выделяем три основных уровня: политико-правовой, уровень управления и надзора, и, наконец, экономический.

За рамками нашего исследования остаются спецпереселения, к которым применимы названия эвакуация, реэвакуация, репатриация и другие: хотя в них также присутствовали элементы насилия, но к системе спецпоселений они имели лишь косвенное отношение.

Значительная часть депортированных (помимо спецпоселенцев) наделялась режимным статусом «ссыльнопоселенцев», «ссылных», «высланных» и «административно высланных». Самый жестокий режим и надзор применялись к ссыльнопоселенцам (так называемые «шпионы», «диверсанты», «троцкисты» и прочие «социально опасные элементы»), которые подвергались поражению в гражданских правах.

В отличие от них спецпоселенцы формально сохраняли статус полноправных граждан СССР, за исключением права покидать установленное государством место жительства. Несмотря на некоторые различия в положении отдельных категорий депортированных, объединяло их (в политическом и социально-демографическом плане) гораздо большее, поскольку все они были насильственно выселены, находились в «местах обязательного поселения» под надзором и не могли их покинуть.

Тематическая специфика настоящего исследования предполагает, что в нем рассматривается история не депортаций вообще, но в основном только инфраструктура системы спецпоселений.

Предметом настоящего исследования является формирование инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930-х-1940-х годов.

Хронологические рамки исследования охватывают двадцать лет: от начала массовой «кулацкой ссылки» (1930-й год) до конца 1940-х годов. Этот

период включает в себя этапы организационного становления, структурного развития и стабилизации системы спецпоселений.

Территориальные рамки исследования ограничиваются территорией СССР – в ее довоенных и послевоенных пределах. Международные аспекты проблемы депортаций в данной работе не рассматриваются - как находящиеся вне круга вопросов, определенных ее основной темой.

Степень изученности темы определяется совокупностью существующих исследований. Историография данного вопроса условно делится на пять больших хронологических периодов.

1. В 1930-1953 гг. проблема массовых депортаций и спецпоселений находилась в запретной зоне для исторического исследования. Исследователи не имели доступа к базам источников, поскольку вся соответствующая документация была строго засекречена. Не допускалась публикация никаких материалов, в которых упоминались бы депортации, спецпоселения и спецпоселенцы. Не издавались не только научные исследования, но и мемуарная, художественная литература, хотя бы косвенно затрагивавшие эту закрытую тему.

Даже просто упоминание в открытой печати таких терминов, как «кулацкая ссылка», «выселение народов», «спецпоселенческая система» и т.п., категорически запрещалось. Наряду с ГУЛАГом, не было, пожалуй, другой темы, исследование которой табуировалось бы в столь тотальной форме.

2. В период «оттепели» (конец 1950-х – начало 1960-х годов) появились некоторые надежды на изменение ситуации. Однако вскоре стало ясно, что проблема депортаций и спецпоселенчества по-прежнему наглухо закрыта для исторического исследования и все наложенные прежде табу оставались в силе. Впервые о принудительных переселениях в СССР открыто заговорили за рубежом.

Первые специальные издания, постановочные и обобщающие исследования, посвященные этим вопросам, появились в Западной Европе и в США, причем очень рано (в 1950-х – 1960-х годах). При этом зарубежные

исследователи пытались раскрыть эту тему, несмотря на ограниченность имевшейся в их распоряжении источниковедческой базы.

Основным источником для них служили воспоминания очевидцев, поскольку среди советских перемещенных лиц (бывших военнопленных, оstarбайтеров, власовцев и др.), оставшихся после войны на Западе, находились и бывшие кулаки, и представитель депортированных народов, и другие люди, подвергавшиеся в СССР репрессиям, включая водворение в спецсылку. Сбором соответствующей информации занимались также различные эмигрантские организации и комитеты, причем наибольшую активность проявляли представители некоторых национальных диаспор (калмыцкой, латышской и др.).

Так, уже в 1956 году в Стокгольме (Швеция) была опубликована книга находившегося в эмиграции латышского общественного деятеля А.Шилде «По следам депортированных», посвященная судьбам депортированных советскими властями жителей Латвии (1).

В 1960 году в США вышла книга британского историка Р.Конквеста «Советская депортация народов». В этой книге автор основывался на крайне скудных источниках: советских официальных изданиях (включая сравнения административно-территориальных карт и энциклопедий, материалы переписей 1926, 1939 и 1959 годов, и даже перечни подписных изданий Союзпечати); показаниях бывших австрийских военнопленных, репатриированных из Казахстана (где они сталкивались со спецпоселенцами, по крайней мере, с чеченцами); отчете английских альпинистов об экспедиции 1958 года в Приэльбрусье (куда уже начали в то время возвращаться депортированные балкарцы); признаниях советского перебежчика, подполковника Бурлицкого, участника всех операций по этническим депортациям (кроме балкарской); выдержках из «секретного» доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года (в котором, кстати, умалчивалось о депортациях советских немцев и крымских татар) и т.п.(2).

Несмотря на это, Р.Конквесту удалось воссоздать достаточно близкую к реальности хронологию и статистику депортаций, а также (хотя и не совсем точную) их географию. Причем все сталинско-советские депортации он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и сухопутностью (континентальностью) Российской Империи (3).

3. В третьем периоде (1965-1985 гг.) о раскулачивании и об этнических депортациях поведал А.И.Солженицын в своем трехтомном опыте художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ», впервые изданном в Париже в 1973-1975 годах (4). В главе второй первой части «Архипелага» автор дал картину депортационных потоков в СССР в период 1918-1956 годов.

В повествовании А.И.Солженицына присутствовал ряд неточностей и преувеличений, обусловленных как отсутствием документальной базы, так и общей резко обличительной антисталинской и антисоветской публицистической направленностью этого произведения.

Тем не менее «Архипелаг ГУЛАГ», переведенный впоследствии на многие языки, вывел проблему массовых насильственных переселений, практиковавшихся в СССР, на уровень планетарного масштаба, привлек к этой проблеме внимание мировой общественности, вызвал дополнительный интерес к ней в научно-исследовательских кругах.

Из работ, выходящих за рубежом, следует назвать также изданную в 1978 году на русском (в 1979 году – на английском) языке в Нью-Йорке (США) книгу бывшего советского гражданина, профессионального историка А.Некрича «Наказанные народы» (5). Рукопись этой книги была подготовлена автором еще в первой половине 1970-х годов, когда он жил в СССР и, в отличие от Р.Конквеста, имел возможность личного общения с бывшими спецпоселенцами, сбора их устных и письменных свидетельств о периоде пребывания в спецпоселении – от начала и до конца, с момента депортации в 1943-1944 годах и до освобождения в 1956-1957 годах.

Впервые этнические депортации в СССР рассматривались А.Некричем как целостная, малоизученная и, что особенно значимо, научная проблема. Отдельные главы книги посвящены депортациям из Крыма, Калмыкии и Северного Кавказа, пребыванию наказанных народов в статусе спецпоселенцев и процессу их возвращения (или невозвращения) на покинутые земли.

Фактографической основой для А.Некрича послужили: немногочисленные советские и зарубежные публикации по истории второй мировой войны (архивные материалы по этой теме в те годы были совершенно недоступны даже для большинства официальных и «особо доверенных» историков-партийцев); работы по истории партийного строительства в национальных окраинах СССР в годы войны и в послевоенное время, содержавшие подчас «крупницы» сведений, ценных для проблематики «наказанных народов»; устные свидетельства представителей самих репрессированных народов.

В этот период, несмотря на прочность закрытия темы спецпереселений для исследований в СССР, на практике в окружавшей эту проблематику броне выявлялись отдельные слабые места, которые удавалось пробить советской исторической науке. Это касалось прежде всего освещения ряда аспектов истории спецпереселенческой системы в виде «кулацкой ссылки» в 1930-е годы.

Под прикрытием исследования проблемы «коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса» рядом историков в публикациях 1960-1970 годов были предприняты попытки проследить дальнейшую судьбу «раскулаченных» в местах высылки и в общих чертах обрисовать «кулацкую ссылку», по крайней мере, в период первой половины 1930-х годов.

В 1972 году вышла монография Н.А.Ивницкого «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.)» (6). В книге использованы материалы Архива Политбюро ЦК КПСС, в который автор имел доступ летом 1964 года. Все эти публикации не ставили под сомнение целесообразность и правомерность «раскулачивания» и депортаций, их авторы

не употребляли «подцензурную» терминологию, не прибегали к нетрадиционной интерпретации фактов.

Важно иное – впервые в отечественной историографии были сделаны шаги в изучении вопроса о дальнейшей судьбе депортированных, пробита брешь (пусть узкая и мало заметная) в «запретной теме» - посредством освещения (хотя бы отчасти) истории спецпоселенчества, опираясь в основном на собранные буквально по крупицам факты из крайне ограниченного круга доступных тогда документов, выявленных в центральных и территориальных архивах.

Однако отсутствие доступа к массовой источниковедческой базе (и прежде всего к архивам спецслужб) давало о себе знать, и о всестороннем освещении истории той же «кулацкой ссылки» и речи быть не могло.

4. Первые научные статьи и публикации советских авторов непосредственно по проблематике депортаций и системы спецпоселений появились только в конце 1980-х годов – начале 1990-х годов, во время «перестройки».

Среди этих изданий, включая публикации мемуарного характера, в которых освещались вопросы насильственного переселения народов, пребывания их в местах высылки, можно выделить работы Г.Вормсбехера (7), Х.Бокова (8), Х.М.Ибрагимбейли (9), К.А.Керсновской (10), А.Н.Кичихина (11), С.Кима (12) и др.

Эти публикации, основанные, как правило, на личных воспоминаниях при явном недостатке документальных источников, ценны прежде всего самим фактом их появления в открытой советской печати, что означало прорыв в зону, закрытую прежде для исторического исследования.

В этот период сложилась несколько парадоксальная ситуация, при которой снятие запретов на публикацию работ и материалов по теме политических репрессий сочеталось с традиционным недостатком документальной базы, поскольку соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей.

Из работ этого периода (по сравнительно высокой документальной оснащенности) выделяются статьи В.С.Парсадановой (о депортациях населения западных регионов Украины и Белоруссии) (13) и В.А.Исупова (о демографических аспектах новейшей отечественной истории, включая систему спецпоселений) (14).

Важное значение имело издание в 1989 году сборника «Документы свидетельствуют» (15), посвященного «коллективизации» и «раскулачиванию», в котором четко проявились отход от стереотипов и стремление к коренному переосмыслению этой трагической страницы отечественной истории.

Вместе с тем по своему стилю и тональности основная масса публикаций периода «перестройки» (да и более позднего времени) носила, как правило, резко разоблачительный, пафосный характер, не подкрепленный фактологически и документально выверенным содержанием.

В потоке публикаций такого рода иногда проходили просто незамеченными более серьезные работы, имевшие прочную документальную базу и содержавшие взвешенные, выверенные оценки. К таким работам, например, относилась монография А.В.Басова, посвященная истории Крыма в годы Великой Отечественной войны (16). В ней автор затронул, в частности, проблему выселения крымских татар и представителей иных народностей из Крыма. На основе конкретных фактов, аргументировано и убедительно в книге доказывается необоснованность распространения на весь крымско-татарский народ фактов коллаборационизма среди всего лишь какой-то его части.

В целом же, вплоть до конца 1980-х годов историография проблематики насильственных переселений и спецпоселенчества в СССР носила преимущественно постановочный характер – из-за отсутствия архивной (и не только архивной) документальной базы. Ситуация резко изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда начали появляться публикации результатов работы возглавлявшейся Ю.А.Поляковым Комиссии Отделения истории Академии наук СССР по установлению истинных потерь населения СССР.

Членам этой Комиссии был разрешен доступ к хранящимся в спецхране Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации) документам Секретариата НКВД-МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела спецпоселений НКВД СССР и других ранее строго засекреченных архивных фондов. Первая публикация появилась в ноябре 1989 года в еженедельнике «Аргументы и факты» (за подписью члена названной Комиссии В.Н.Земскова) (17). В статье (со ссылкой на рассекреченные архивные документы) впервые приводилась статистика (численность) всех категорий спецпоселенцев, а также ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 года (18).

В конце 1980-х годов и в последующее время Земсковым В.Н. и его коллегами была опубликована серия статей и разделов в коллективных трудах, в которых, опираясь почти целиком на выявленный в спецхране ЦГАОР СССР (ГАРФ) уникальный архивный материал, была предпринята попытка раскрыть как историю спецпоселенчества в целом, так и ряда ее аспектов («кулацкая ссылка», спецпоселенцы из Крыма, депортации из Прибалтики и др.) (19). Завершается эта серия публикаций изданной в 2003 году основательной монографией В.Н.Земскова «Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960» (20).

В становлении и развитии историографии проблемы депортации народов, других групп населения, их жизни в условиях спецпоселения важную роль сыграли научные разработки Н.Ф.Бугая. Фактографической базой его трудов являются прежде всего уникальные документальные материалы, извлеченные из ранее засекреченных архивных фондов. Первая статья Н.Ф.Бугая по теме спецпереселений вышла в свет в 1989 году в журнале «История СССР» (21).

В конце 1980-х и на протяжении 1990-х годов Н.Ф.Бугай опубликовал (преимущественно в академических журналах) серию научных статей, посвященных различным аспектам указанной проблематики (22). Ряд его статей увидел свет также на страницах общественно-политических журналов и иных подобных изданий. (23). В 1990-х годах изданы книги Н.Ф.Бугая, в которых

освещены как проблематика депортаций в целом, так и отдельных этнических и социальных групп (24).

Есть все основания полагать, что на текущий момент Н.Ф.Бугай и В.Н.Земсков являются ведущими фигурами среди исследователей истории депортаций в СССР. Содержание их публикаций во многом перекликается, что, видимо, неизбежно при разработке различных аспектов одной значительной исследовательской проблемы. Вместе с тем у этих авторов наблюдается своеобразное «разделение труда»: в публикациях Н.Ф.Бугая приоритет отдается истории депортаций, в то время как В.Н.Земсков исследует освещает преимущественно проблематику спецпоселенчества.

Появление в конце 1980-х годов первых публикаций, опиравшихся на документы советских спецслужб, открыло принципиально новый этап в развитии отечественной историографии системы спецпереселений и спецпоселений. Во-первых, эта научная проблематика, до этого находившаяся в тупиковом состоянии, получила мощный импульс для дальнейшей ее разработки. Во-вторых, изучение новых архивных источников вскрыло множество таких аспектов и нюансов, о которых ранее (вследствие засекреченности документов) не было известно ничего (или почти ничего).

В-третьих, даже те стороны проблемы, которые прежде не были секретом (в той или иной степени) для исследователей, под воздействием ввода в научный оборот обширного массива архивных документов стали разрабатываться более глубоко и многосторонне. Наконец, освоение нового мощного пласта исторических источников привело не только к радикальному обогащению фактографической базы, но и во определенных случаях – к серьезной корректировке постановки проблем и переосмыслению многих аспектов изучаемой темы.

Вместе с тем работы Н.Ф.Бугая и Н.А.Земскова чаще всего опирались на отчетные документы Отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, которые содержали обобщающую статистику, но не могли дать реальную глубокую

картину формирования инфраструктуры системы спецпоселений 1930-х-1940-х гг.

5. С начала 1990-х и до настоящего времени историография спецпереселений пополнилась целым рядом работ, посвященных этническим депортациям и жизни депортированных в «местах ограничения свободы».

Это и сборники статей, и монографии, авторами которых являются Вольтер Г.А. (25), Гакаев Д. (26), А.А.Герман (27), Гонов А.М. (28), Дизендорф В.Ф. (29), В.И.Пассат (30), В.Убушаев (31), Д.В.Шабаев (32) и др.

Различным аспектам истории депортаций и спецпоселенчества посвящены статьи А.Н.Дугина (33), М.А.Вылцана (34), А.Э.Гурьянова (35), В.А.Иванова (36), А.И.Кокурина (37), Коцониса А.Н.(38), П.М.Поляна (39), Х.П.Стродса (40) и других исследователей... Вышел из печати ряд сборников документов, составителями которых являются С.У.Алиева, В.А.Ауман, Н.Ф.Бугай, О.Л.Милова, В.Г.Чеботарева и др. (41).

Тематика этнических депортаций и спецпоселений активно разрабатывается и в странах СНГ, а также в прибалтийских государствах. Например, только в Латвии в последние годы было издано несколько обстоятельных работ на эту тему (42). Иногда у авторов и составителей таких изданий явственно ощущаются элементы русофобии, что можно объяснить, с одной стороны, болезненным синдромом постсталинизма, а с другой – не всегда адекватным, взвешенным и толерантным отношением к этим проблемам со стороны современных политических элит этих стран.

Серьезным историографическим явлением стал выход в свет в 2001 году монографии П.М.Поляна, посвященной истории и географии принудительных миграций в СССР (43). Эта работа находится на стыке истории и географии. Автор тщательно распределил все категории депортированных и спецпоселенцев по социальному, этническому, конфессиональному и иным признакам. Все принудительные переселения П.М.Полян квалифицирует как специфическую форму политических репрессий.

Им отражены и проанализированы насильственные переселения, имевшие место в XIX – начале XX века в Российской Империи, а также организованные советским руководством «международные» принудительные миграции второй половины 1940-х – начала 1950-х годов. При этом оценки автора во многом созвучны с концепцией Р.Конквеста о преемственности политики царской России и СССР в сфере принудительных миграций. Вместе с тем нельзя не отметить некоторую вторичность использованного П.М.Поляном фактографического материала, хотя в книге присутствует и немало документального эксклюзива.

Фундаментальную монографию, посвященную преимущественно политическим, социально-демографическим аспектам спецсылки опубликовал в 2003 году историк В.А.Бердинских (44). Основным отличием и достоинством этого труда является наличие в нем обширного документально-справочного и нарративного материала, который составлен в основном из первоисточников, обнаруженных в местных архивохранилищах, а также воспоминаний и свидетельств очевидцев кулацкой ссылки и этнических депортаций в Вятском крае.

В последние полтора десятилетия заметно активизировались научные исследования изначальной формы спецпоселенчества – так называемой «кулацкой ссылки». Здесь выделяются работы Н.А.Ивницкого (45), Т.И.Славко (46) и В.Я.Шашкова (47), подготовленные на глубоких и многолетних архивных изысканиях, освещающие многие (прежде неизученные или малоизученные) аспекты репрессивного «раскрестьянивания».

Говоря об издании документов и материалов о «кулацкой ссылке», следует отметить, что первые публикации такого формата появились не в центре, а в регионах (Карелия, Сибирь, Урал, Европейский Север) (48). Отдельные подборки документов публиковались и в других субъектах Российской Федерации. Особое место среди них занимает серия документальных сборников «Спецпереселенцы в Западной Сибири», в которых отражена история «кулацкой ссылки» в этом регионе от ее зарождения в 1930 году до

окончательной ликвидации в середине 1950-х годов (49). Каждый выпуск серии снабжен написанными В.П.Даниловым и С.А.Красильниковым предисловиями, в которых дана не только характеристика публикуемых документов, но также научный анализ и оценка «кулацкой ссылки» и спецпоселенчества в целом как исторического явления.

Заслуживает внимания четвертый том (в двух книгах) Коми республиканского мартиролога жертв массовых политических репрессий «Покаяние», целиком посвященный спецссылке в этом регионе и ее узникам (50). Предпосланная в качестве введения к первой части тома статья (а по существу монография в 10 печатных листов) составителей сборника Г.Ф.Доброноженко и Л.С.Шабаловой, а также предварительные комментарии Н.М.Игнатовой к каждому разделу второго тома обстоятельно освещают как историю «раскулачивания» и спецпоселений в Северном крае, так и (что особенно важно) условия жизни и труда спецпереселенцев на протяжении 1930-1950-х годов. В издание органически включены также десятки воспоминаний бывших спецпоселенцев, что делает эту работу одной из наиболее значительных среди ей подобных.

Из публикаций общесоюзного или общероссийского масштаба следует назвать прежде всего документальную серию «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939», вышедшую в 1999-2001 годах (51), а также изданный в 2005-2006 годах в 2-х книгах сборник «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940» (52). Ценные сведения и свидетельства, касающиеся «кулацкой ссылки», имеются в сборниках «Неизвестная Россия. XX век» (53), а также «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» (54).

К достоинствам как региональных, так и «центральных» публикаций (при всех их недостатках) можно отнести то обстоятельство, что они ввели в научный оборот большое количество ранее секретных материалов партийных, государственных и ведомственных архивов (документы партийных комитетов всех уровней, наркоматов и министерств, органов внутренних дел и

госбезопасности, суда и прокуратуры, письма и жалобы репрессированных и т.д. и т.п.), без чего дальнейшие исследования новейшей отечественной истории было бы просто невозможным.

Проблема депортаций и спецпоселенчества в той или иной мере нашла отражение и в трудах по общей истории ГУЛАГа. Это, прежде всего: изданная в 2004-2006 годах семитомная «История сталинского ГУЛАГА» (55), особенно 4-й ее том («Население ГУЛАГА: численность и условия содержания»), монографии Г.М.Ивановой (56), Н.А.Морозова (57), документальные публикации А.Н.Дугина (58) и М.И.Хлусова (59), справочник, составленный М.Б.Смирновым (60).

В российских публикациях последних лет содержится немалый эмпирический материал, отражающий юридический, этнический, статистический, организационный, народнохозяйственный и многие другие аспекты принудительных переселений (61). Но, как правило, эти публикации остро нуждаются в дальнейшем археографическом и смысловом комментарии, а также в исторической интерпретации. Попытки обобщения накопленного эмпирического материала встречаются гораздо реже.

На фоне потока литературы по проблемам депортаций и спецпоселений, вышедшей в СССР и России с конца 1980-х годов до настоящего времени, до известной степени ушли в тень зарубежные исследования по этой тематике. Можно привести лишь несколько имен иностранных историков, посвятивших ей в последние годы монографическое исследование или хотя бы серию статей.

Но при этом, сочетая анализ вновь открытых на постсоветском пространстве эмпирических данных с традиционной приверженностью к литературным источникам (главным образом мемуарного характера), они нередко ближе, нежели их коллеги из России, СНГ и Прибалтики, подходят к обобщающим оценкам и выводам. Более или менее интенсивно разработка темы спецссылки продолжается в ФРГ и США. Германские историки изучают

проблемы депортации «поволжских» немцев (А.Айсфельд, В.Гердт, Д.Дальман, Г.Хиршфельд) (62), а также «кулацкой ссылки» (С.Мерль) (63).

Высоким уровнем критической проработки самых разнообразных источников отличаются работы американских ученых, в частности М.Гелба (о депортациях корейцев, финнов и других национальных меньшинств) (64) и П.Холквиста (о депортационной политике царской России в годы первой мировой войны, а также большевистской России – в первые годы советской власти) (65). Депортациям (а точнее – депортированным) большое внимание уделяется в монографии Й.О.Поля о тюремной системе СССР (66).

Рассмотрение депортаций чеченцев, ингушей и крымских татар в самом общем и широком контексте этнических чисток в Европе в XX веке, как это сделали Н.Наймарк и Т.Мартин (причем с привлечением и введением в научный оборот и значительного эмпирического материала из российских архивов), также выявило новые и интересные ракурсы подхода к исследуемым проблемам (67).

Перечисленными работами отечественная и зарубежная историография проблемы насильственных переселений и спецпоселенческой системы в СССР не ограничивается. Это всего лишь краткий обзор развития указанного направления исторических исследований и наиболее заметных публикаций в этой области. Вместе с тем во всех вышеуказанных трудах проблема формирования инфраструктуры системы спецпоселений не ставилась как самостоятельная и поэтому глубоко не исследовалась. Таким образом выбор темы настоящего исследования является вполне оправданным и остро необходимым в современных условиях, когда собрано значительное количество как регионального, так и обобщающего материала.

Таким образом, к настоящему времени опубликован значительный массив документов, составляющих нормативную базу политической ссылки в Советском Союзе, что создает предпосылки для его углубленного изучения и проблемного анализа.

Монографически исследованы проблемы депортаций (спецпереселений) целых народов в сталинскую эпоху, но совершенно в тени осталась инфраструктура спецпоселения, как места обитания репрессированных. Закротию этих «белых пятен» и посвящено данное диссертационное исследование.

Целью исследования является изучение особенностей формирования инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930-1940-х годов и эволюции ее качественных характеристик.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели намечены следующие исследовательские задачи:

1. выявление нормативных и директивных документов по отдельным этапам формирования и аспектам функционирования инфраструктуры системы спецпоселений, их систематизация и критическое осмысление;

2. установление алгоритмов формирования инфраструктуры системы спецпоселений по типу: период - правовое основание - контингент депортируемых - регион выселения - регион вселения - нормативный статус в спецпоселении (в хронологическом порядке и, по возможности, с пространственно-географическими ориентирами);

3. анализ влияния инфраструктуры системы спецпоселений на различные стороны ее жизнедеятельности (административное управление и надзор, производственно-хозяйственную и социально-бытовую сферы, режимный статус, материальное положение и моральное состояние спецпоселенцев).

Новизна работы заключается в попытке проведения первого комплексного исследования по истории формирования и функционирования инфраструктуры системы спецпоселений, по выявлению особенностей этой системы на разных этапах ее существования.

Методологическую основу настоящего исследования составляют принципы объективности и историзма, предполагающие учет всех факторов, влияющих на ход исторического процесса, критическое осмысление мнений

исследователей. Эти методы использовались с целью наиболее эффективно решать поставленные исследовательские задачи.

Особенность работы заключается в широком использовании методов количественного анализа. Статистическая обработка содержащихся в источниках сведений была важным исследовательским приемом при анализе состава системы спецпоселений. Вместе с тем, в диссертации используются такие специально-исторические методы исследования как историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный. Указанные методы применяются комплексно, их результаты взаимно дополняют друг друга. Этот путь ведет к выявлению общей инфраструктуры системы спецпоселений со своей внутренней эволюцией.

Источниковая база исследования. Источники, использованные в диссертационном исследовании, могут быть подразделены на следующие группы:

1. Документами фондов центральных архивов, в том числе:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) - фонд 9479 (Отдел, ведавший системой спецпоселений); ПРИМ.: (В разные периоды существования системы спецпоселений руководившая ею спецслужба неоднократно меняла свое название и даже ведомственную подчиненность; фонд 9401 (Секретариат НКВД-МВД СССР); фонд 9414 (ГУЛАГ НКВД-МВД СССР); фонд 9408 (Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР); фонд 5446 (Управление Делами СНК /Совета Министров/ СССР); фонд 9526 (Управление Уполномоченного СНК /Совмина/ СССР по делам репатриации); фонд 9478 (Главное управление по борьбе с бандитизмом НКВД-МВД СССР); фонд 9492 (Министерство юстиции СССР).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) - фонд 644 (Государственный Комитет Оборона СССР).

2. Кроме того, использованы материалы, обнаруженные в территориальных архивах: Государственный архив Кировской области (ГАКО) – фонды 877, 1014, 1259, 1307, 1583, 2333, 2342, 2943, 3058; Государственный архив

социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО) – фонд 5991 (Политотдел Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР); Архангельский областной архив общественно-политических движений и формирований (АОА ОПДФ) – фонд 290; Государственный архив Архангельской области (ГААО) – фонд 621. Партийный архив (ПА) – фонды 101, 1987; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) – фонд П-3; Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (КРГА ОПДФ) – фонд 1; Национальный архив Республики Коми (НА РК) – фонды 3, 136, 140, 143, 144, 318, 374, 488, 605, 937, 938, 968; Архив МВД Республики Коми – фонды 21, 31; ведомственный архив Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР/Учреждения К-231 МВД СССР / Вятского УЛИУ Минюста Российской Федерации.

Архивные материалы, на базе которых преимущественно построено настоящее исследование, представляют разного рода межведомственную и внутриведомственную переписку, докладные записки в ЦК ВКП(б), Правительство СССР, руководству НКВД-МВД-МГБ СССР, заявления, обращения, жалобы, личные письма спецпоселенцев и членов их семей и т.п.

3. В работе использованы также многочисленные издания и публикации по исследуемой проблеме. Особую ценность имеет текущая и сводная статистическая отчетность спецорганов, и в первую очередь спецпоселенческого ведомства – в центре и на местах. Это была закрытая статистика, предназначенная для предельно ограниченного круга особо доверенных должностных лиц, и, хотя она имела свои недостатки, но в целом была значительно полнее и достовернее аналогичных документов других государственных структур.

4. Законодательные и иные нормативные акты, как федеральные, так и региональные. Данные источники востребованы автором как из опубликованных материалов, так и из справочно-правовых систем «Консультант-Плюс», «Гарант», «Кодекс».

5. Электронные базы данных Фонда им. Андрея Сахарова «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы», «Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР».

6. Справочные материалы.

7. Периодическая печать и публицистика.

Таким образом, источники, задействованные в диссертационном исследовании, весьма разнообразны и в своей совокупности позволяют решать поставленные исследовательские задачи.

Научно-практическая значимость этого исследования определяется возможностью применения полученных результатов в дальнейших исследованиях как по истории депортаций и спецсылки, так и по социально-политической, экономической и этнической истории России XX века в целом. Обращение к данной теме в наши дни имеет значение не только для научного познания прошлого. Оно необходимо также и для решения ряда вопросов сегодняшней жизни, поскольку депортации 1930-х – начала 1950-х годов с их социально-демографическими последствиями породили и оставили в наследство немало острых и болезненных практических и юридических проблем, связанных прежде всего с реабилитацией сотен тысяч жертв этих депортаций, членов семей репрессированных. Кроме того, систематизированный и обработанный в настоящем исследовании материал может быть использован для программно-методического обеспечения преподавания курса отечественной истории (советский период) в высших и средних учебных заведениях.

Структура настоящего исследования обусловлена решением поставленных в нем задач. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, библиографии и приложения.

Первая глава посвящена характеристике политико-правовых основ возникновения и развития советской системы спецпоселений 1930-1940-х годов. В ней выявлена также специфика эволюции советской правительственной политики в отношении массовой политической ссылки.

Во второй главе анализируются особенности инфраструктуры системы спецпоселений в сферах управления и надзора, экономической, социальной. Статистический материал систематизирован в таблицах приложения. Цифровые данные способствуют выявлению значения системы политической ссылки в истории Советского Союза 1930-1940-х годов.

Апробация работы. Результаты настоящего исследования апробированы на выступлениях, состоявшихся в ходе научных конференций: «Из истории российских спецслужб» (г.Киров, 21 апреля 2004 года), Всероссийской научной конференции «Гуманитарные ценности общества: история и современность» (Киров, ВятГГУ 24-25 ноября 2005г.), Международной научной конференции «Вторая Мировая война в зеркале исторической памяти России и Германии» (Франкфурт/Одер, университет Виадрина, 30 июня – 2 июля 2005 г.), XIX Международной научной конференции «Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции» (г.Санкт-Петербург 15-16 мая 2006 г.), Летней совместной научной конференции Университета Калифорнии (Сан-Диего, США) и Санкт-Петербургского государственного университета «Россия и мир в XX веке. Социально-этнические миграции и национальные государства» (г.Санкт-Петербург, 6-17 июля 2007 г.).

ГЛАВА I
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И
РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В СССР
В 1930-е – 1940-е ГОДЫ.

**1.1. Возникновение массовой политической ссылки
в Советском Союзе: «кулацкая ссылка».**

В Российской Империи ссылка, высылка и административный надзор являлись достаточно распространенными инструментами карательной политики правящего режима, прежде всего - по отношению к его политическим противникам. Февральская революция 1917 года упразднила ссылку как уголовное и административное наказание. В числе освобожденных большевиков был и И.В.Сталин, находившийся в 1914-1916 годах в ссылке в Туруханском крае. Но почти сразу же после Октябрьского переворота большевики решили восстанавливать ссылку, и в первую очередь - для своих политических противников.

Так, в инструкции Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 года «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» в качестве меры наказания предусматривалось (наряду с денежным штрафом, лишением свободы, конфискацией имущества, присуждением к обязательным общественным работам) «удаление виновного из столиц, отдельных местностей (высылка) или пределов Российской Республики»(1).

Уже в 1918 году в столицах (Москве и Петрограде) власти вновь ввели высылку - на срок от нескольких месяцев до одного года, правда, с правом

проживания в губернских городах Европейской России. При этом сохранялись некоторые черты и традиции дореволюционной ссылки. Так, до места назначения высланные добирались самостоятельно, без конвоя. Они получали небольшое пособие и могли не работать. Но с течением времени сроки высылки увеличивались, регионы обязательного поселения все более удалялись от центра страны, а условия содержания ужесточались и ухудшались.

Практиковалась и высылка политических противников за рубежи страны. Именно такого рода акцией явилась депортация в сентябре 1922 года 160 философов и других ученых-гуманитариев из Петрограда, Москвы и Казани в город Штеттин (Германия) (2). К этим людям был применен уже Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 года. Декретом была создана «Особая комиссия» при НКВД РСФСР, выносившая решения об указанном административном наказании.

Предусматривались три вида высылки как альтернативные аресту меры изоляции «лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям»:

а) высылка с воспрещением проживания в других определенных пунктах РСФСР;

б) высылка в определенные местности РСФСР;

в) высылка за границу.

Срок высылки - в интервале от 2 месяцев до 3 лет.

Решение о высылке принималось в индивидуальном порядке, а высланные передавались в местах обязательного поселения под надзор территориальных органов Государственного Политического Управления (ГПУ) при НКВД РСФСР (с 1923 года - Объединенное Государственное Политическое Управление /ОГПУ/ при СНК СССР). Местный орган ГПУ определял конкретное местожительство высланного, где тот должен был регистрироваться каждые три дня(3).

Эта карательная практика имела под собой определенный законодательный фундамент. Так, статьей 23 Конституции (Основного Закона) РСФСР (1918 год) устанавливалось, что «руководствуясь интересами рабочего класса в целом,

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» (4). Данное установление почти дословно дублировалось статьей 14 Конституции РСФСР, утвержденной 11 мая 1925 года (5).

Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 года были утверждены «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», статья 22 которых предусматривала «удаление из пределов союзной республики или отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без запрещения». Эта мера наказания назначалась судом в отношении лиц, признанных «по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально опасными». Срок поселения мог быть назначен от трех до семи лет (6).

Наконец, в Уголовных кодексах РСФСР 1922-го и 1926 годов высылка и ссылка четко зафиксированы как меры уголовного наказания («социальной защиты судебно-исправительного характера»). Причем между этими двумя понятиями проведено четкое различие (статьи 35 и 36 УК РСФСР 1926 года). «Высылка» («удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях в соединении с исправительно-трудовыми работами») - это основная мера уголовного наказания сроком от трех до десяти лет, а «ссылка» («удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с запрещением проживать в тех или иных местностях или без этого ограничения») – это дополнительное ограничение свободы сроком от одного года до пяти лет, применяемое после отбытия основного уголовного наказания(7).

Вместе с тем статьей 22 принятых в 1924 году «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» допускалось отступление в отношении ссылки и высылки от общего правила судопроизводства, установленного пунктом «д» статьи 6 этого же нормативного акта. Общее

правило заключалось в том, что уголовное преследование могло быть возбуждено лишь в судебном порядке и при наличии определенного преступления, совершенного обвиняемым.

Согласно же упомянутой статье 22 Основ судопроизводства наказание в виде ссылки и высылки могло быть применено приговором суда по предложению прокуратуры к лицам, признанным «социально-опасными», независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, а так же и в том случае, когда они по обвинению в совершении определенного преступления будут судом оправданы. Указанное правило было воспроизведено в уголовных кодексах ряда союзных республик (статья 34 УК Украинской ССР, статья 29 УК Белорусской ССР, статья 32 УК Туркменской ССР, статья 38 УК Узбекской ССР, статья 35 УК Грузинской ССР, статья 35 УК Армянской ССР) (8). Эта норма действовала вплоть до принятия в 1938 году Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и во многом способствовало «передаче» ссылки и высылки, как мер уголовного наказания, из сферы уголовно-процессуального производства в широкую административно-карательную практику, выведенную на долгие годы за рамки судебного и прокурорского контроля и надзора.

Впрочем, и нормативно установленный порядок административной высылки и ссылки, определенный перед началом массовых карательных депортаций, в частности, совершенно секретной инструкцией Народного комиссариата юстиции РСФСР от 11 января 1930 года «О применении положения ОГПУ о ссылке и высылке в отношении различных категорий высылаемых лиц», на практике игнорировался спецслужбами, которые вырабатывали и применяли в этой сфере собственные директивные документы, находившиеся, как правило, вне поля конституционного законодательства и государственно-нормативного регламентирования (9).

Первой относительно массовой социальной группой населения СССР, к которой начали широко применять высылку, стали так называемые «лишенцы». Вначале это «чуждые по происхождению» новой власти представители в

прошлом «имущих классов»: дворянства, купечества, духовенства, дореволюционного государственно-бюрократического аппарата (прежде всего полиции), других (кроме большевиков и их «временных попутчиков») политических партий, «нэпманы» и интеллигенция. Но уже вскоре, с конца 1920-х годов, ряды «лишенцев» массово пополнили люди, в сущности, «социально близкие» новой власти, и прежде всего - зажиточные крестьяне или просто противники развертывавшейся «коллективизации сельского хозяйства». Так, если в 1924 году доля «лишенцев» (лиц, лишенных избирательных прав), составляла (в целом по СССР) в городах - 5,5 процента, а в сельской местности - 1,3 процента, то в 1927 году соответственно - 7,7 и 3,5 процента от общего числа электората (10).

Впервые практика массового выселения целиком социально-компактных групп населения была применена по отношению к казачеству (директива ЦК РКП/б/ от 24 января 1919 года). В апреле 1920 года массовой депортации были подвергнуты 45.000 казаков, выселенных из восьми станиц Терской линии в Украину и на Север Европейской части РСФСР. Позднее такого же рода акция была предпринята в отношении «кулаков-казаков из Семиречья» (постановление Политбюро ЦК РКП/б/ от 29 июня и 5 декабря 1920 года) (11).

И все же 1920-е годы - это период всего лишь поиска советским руководством вариантов создания всеохватывающей системы внесудебных репрессий. Началом целенаправленной политики и практики широкомасштабных спецпереселений и существенного ограничения выселяемых в гражданских правах (во внесудебном порядке) следует считать 1930-й год.

При проведении «коллективизации» политическое руководство страны выдвинуло как непреложный постулат утверждение о том, что без применения элементов прямого насилия, а именно без лишения имущества и высылки определенной части крестьянских семей в каждой конкретной местности (регионе, районе, селе, деревне и т.д.) - приобщить аграрную Россию к «коллективным методам ведения хозяйства» (в трактовке их И.В.Сталиным и

его окружением) невозможно. Судя по проведенным во второй половине 1920-х годов на государственном уровне статистическим обследованиям, количественная база предполагавшегося выселения намечалась первоначально в пределах 900.000 крестьянских хозяйств, составлявших примерно 4 процента к их численности по стране в целом, обладавших 15-20 процентами общей массы средств производства на селе и более чем 30 процентами сельскохозяйственной техники (12).

Именно массовая принудительная высылка крестьян, начало которой было положено на рубеже 1929-го - 1930 годов, из мест постоянного их проживания в малонаселенные и необжитые районы страны и получила название «спецпереселение», закрепившееся впоследствии и в юридической терминологии, и в научно-историческом лексиконе, и в обыденном речевом обиходе.

Необходимо особо отметить следующее обстоятельство, чтобы не возвращаться к нему в дальнейшем тексте: в 1930-1934 годах депортированные «кулаки» именовались в официальных документах «спецпереселенцами», в 1934-1944 годах – «трудпоселенцами», а в 1944-1956 годах – «спецпоселенцами». Причем и в документообороте МВД-МГБ конца 1940-х – начала 1950-х годов термин «спецпереселенцы» употребляется и трактуется нередко более широко, чем понятие «спецпоселенцы», включая в себя всех перемещенных с ограничениями в правах лиц, в том числе (и прежде всего) ссыльных («ссыльнопоселенцев»).

Формально к «спецпереселенцам» («спецпоселенцам») причислялись только те депортированные, которые находились в отдельных «спецпоселках» («спецпоселениях»), ссыльные же («ссыльнопоселенцы») размещались и рассредоточивались более широко - в обычных селах и городах, с запрещением права выезда из них, но с возможностью «собственной инициативы» по части трудоустройства. В служебной переписке местных властей и соответствующих надзирающих органов НКВД-МВД-МГБ в эти годы термины «спецпереселенцы», «спецпоселенцы» и «ссыльнопоселенцы» зачастую

употреблялись как синонимы, а «трудпоселенцами» продолжали именовать только сохранявшиеся «остаточные» контингенты «кулацкой ссылки» (13).

Можно определить спецпереселение как форму принудительной депортации с применением к выселяемым ряда правовых ограничений. Формально-юридически спецпереселенцы не являлись лишенными свободы (судебные решения по их делам не выносились), но фактически были репрессированы в форме «ограничения свободы», поскольку лишались двух важнейших прав - избирательного (признавались «лишенцами») и права на свободное передвижение (им было запрещено под страхом уголовной ответственности покидать «места обязательного поселения» - «спецпоселки», «трудпоселки», «спецпоселения» и т.п.) (14).

Этой широкомасштабной акцией высшее руководство намеревалось (в начале 1930-х годов) решить одновременно несколько взаимосвязанных задач:

- социально-политическую - изъятие оппонентов коллективизации на местах, ликвидация сельской буржуазии;

- социально-психологическую – превращение политики «ликвидации кулачества» в основной метод стимулирования «коллективизации» через нагнетание в деревне страха, демонстрации крестьянам того, что единственной альтернативой вступлению в колхозы может быть только «раскулачивание», арест и высылка в отдаленные районы страны;

- экономическую – создание за счет конфискации имущества крестьянских хозяйств минимальной материальной базы организуемых колхозов; использование принудительного труда репрессированных крестьян для решения задач модернизации экономической системы страны, прежде всего промышленности, освоение в этих целях природно-сырьевых ресурсов отдаленных регионов страны - Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии.

Говоря о нормативной базе системы спецпереселений, следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело со сложным и многоаспектным феноменом, который органически не может быть вписан в

систему координат цивилизованного права. Если исходить из общепринятого определения права как совокупности общеобязательных правил поведения, устанавливаемых государством, то при анализе сталинско-советского общества мы сталкиваемся с весьма специфическим правопорядком, самоназвание которого не отражает его сути. Это был квазиправовой порядок, нормы и правила которого устанавливались и изменялись политическим руководством, не сдерживаемым никакими законодательными и судебными институтами. Сравнивая законодательные системы деспотизма и тоталитаризма, М.Геллер и А.Некрич пришли к выводу, что «характерная черта деспотизма – суровость законодательства, характерная черта тоталитаризма – фиктивность законодательства» (15). В полной мере этот вывод подтверждается практикой «раскулачивания» и «спецпереселения».

Постановления государственных органов, прежде всего СНК СССР и РСФСР, проходили стадию всевозможных межведомственных согласований и подкреплялись всевозможными документами не только инициативного, но и согласовательного, информационного и отчетного характера.

Особенно значительным и обширным бюрократическое творчество было в первый период системы спецпоселений (1930-1931 годы) и ее реорганизации (1933 год). Интенсивность выхода правительственных постановлений четко соотносится с фазами проведения массовых депортаций. При осуществлении высылки 1930 года правящий режим столкнулся с необходимостью разработки и принятия комплекса документов, позволяющих синхронизировать решение правовых (законодательных), режимно-нормативных, экономических, социальных и других вопросов репрессивной политики. Одни из принятых в тот период решений оказались преждевременными и не были реализованы в указанные сроки и в предполагаемом формате, другие оказались слабо или вовсе не корреспондировавшими друг с другом. Из всего комплекса правительственных постановлений 1930-1931 годов наиболее функциональными и результативными оказались те, которые наделяли полномочиями и ресурсами всех видов спецслужбы (органы ОГПУ).

Значительная часть «технических» директив касалась порядка выделения и объемов ресурсов (финансовых и материальных) на депортации, расселение и организацию функционирования спецпоселений. Особую группу составляют правительственные постановления, касающиеся весенней высылки 1932 года и весенне-летней высылки 1933 года(16).

Первым официальным государственно-политическим документом, в котором провозглашался курс на «ликвидацию кулачества как класса», явилось постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Конкретные формы и методы реализации этого курса были определены в директивных документах конца января – начала февраля 1930 года. «Ликвидацию кулачества как класса» в целом предполагалось осуществить через конфискацию имущества («раскулачивание») и арест «раскулаченных» с последующей их высылкой. Именно поэтому первым в ряду выше упомянутых документов значится законодательный акт, закрепивший политику конфискации имущества «кулаков», - постановление ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 года «О мерах борьбы с хищническим убоем скота».

В постановлении указывалось на необходимость «лишать права пользования землей, а также конфисковывать скот и сельскохозяйственный инвентарь тех кулаков, которые сами хищнически убивают скот или подстрекают к этому других» (17). В последующих документах политика «конфискации кулацкого имущества» тщательно детализировалась, определялся и уточнялся порядок ее проведения. Конфискация должна быть проведена «в районах сплошной коллективизации немедленно, а в остальных районах по мере действительно массового развертывания коллективизации». Конфискации подлежали все «средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, производственные и торговые предприятия, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества», а также наличные деньги, сберегательные книжки и облигации государственных займов.

При этом позволялось «оставление в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 рублей на семью), необходимой для проезда и устройства на месте». Конфискация имущества «кулаков» проводилась «особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельских Советов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов». Конфискуемые у «кулаков» средства производства и имущество должны были передаваться колхозам «в качестве взноса бедняков и батраков с зачислением конфискованного в неделимый фонд колхозов с полным погашением из конфискуемого имущества причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам», а жилые постройки – использоваться на «общественные нужды сельсоветов и колхозов и для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков». Указывалось на обязанность всех исполкомов обратить «сугубое внимание» на то, чтобы «кулацкие элементы не успели до конфискации ликвидировать свое имущество (брать немедленно на учет), а также на строгий учет и правильное использование конфискуемого у кулаков имущества» (18).

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило специальное постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В документе подчеркивалась необходимость «провести наиболее организованным путем ... процесс ликвидации кулацких хозяйств». В районах сплошной коллективизации намечалось отменить действие законов об аренде земли и применении наемного труда, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельхозпродукции, кормовые и семенные запасы. Определялись порядок проведения «раскулачивания» крестьянских хозяйств, их удельный вес в общем массиве сельского населения, численность выселяемых семей из так называемых районов сплошной коллективизации и регионы, куда должны высылаться «раскулаченные». Все крестьянские хозяйства, отнесенные к числу

«кулацких», были подразделены на три категории (по критерию лояльности к мероприятиям партии и власти по «социалистической реконструкции хозяйства»):

1) «контрреволюционный кулацкий актив», который предполагалось немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, «не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессий»;

2) «остальные элементы кулацкого актива», которые подлежат «высылке в отдаленные местности Союза ССР», а «в пределах данного края - в отдаленные районы края»;

3) оставляемые в пределах района кулаки, которые «...подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках» (19).

Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» предоставляло краевым (областным) исполкомам, правительствам союзных и автономных республик право выселения кулаков из «зоны сплошной коллективизации сельского хозяйства». В развитие этого постановления издается секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 года «О мероприятиях по проведению раскулачивания».

2 февраля 1930 года ОГПУправление при СНК СССР издало приказ № 44/21, согласно которому по «кулачеству» должен быть нанесен «сокрушительный удар по двум основным направлениям:

1) немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек (первая категория);

2) массовое выселение (в первую очередь) из районов сплошной коллективизации и погранполосы наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, местных кулацких авторитетов и антисоветского актива церковников и сектантов) и их семейств в отдаленные Северные районы СССР с конфискацией их имущества (вторая категория)» (20).

В приказе даны четыре определения кулаков «первой категории»:

«1. Кулаки - наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства.

Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2. Кулаки - активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность организованного порядка.

3. Кулаки - активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4. Кулаки - наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники» (21).

Все перечисленные определения позволяют сделать вывод, что понятие «кулак» трактовалось органами политической власти и ее силовыми структурами весьма широко.

Принятыми в конце января – начале февраля 1930 года директивными документами были определены и контрольные задания по численности подлежащих ликвидации «кулацких» хозяйств. По данным ЦСУ СССР (ноябрь 1929 года) к сельской буржуазии («кулакам») были отнесены 2,3 процента крестьянских хозяйств страны (22). «Количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств, - подчеркивалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года, - должно строго дифференцироваться по

районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе, с тем чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем, примерно, 3-5%» (23). Таким образом, планируемый «контингент» по «раскулачиванию» и по минимуму (почти в полтора раза) и по максимуму (более чем в два раза) превышал официальные статистические данные о численности «сельской буржуазии». В течение февраля-мая 1930 года планировалось ликвидировать как минимум 245.000-250.000 «кулацких хозяйств первой и второй категорий», что непосредственно касалось более одного миллиона человек (24).

Местами поселения для «кулацких хозяйств второй категории» и семей «изъятого кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива» были определены «необжитые и малообжитые местности» отдаленных регионов СССР(25).

Однако в начале февраля 1930 года, когда уже полным ходом шли аресты и концентрация выселяемых на сборных пунктах, выяснилось, что многие районы оказались неподготовленными для принятия такого большого количества людей, и контрольные цифры выселяемых «первой очереди» пришлось уменьшить до 60.000 семей, в том числе из Северного Кавказа – до 10.000 (29 эшелонов), из Белоруссии – до 8.000 (23 эшелона), из Украины – до 20.000 (57 эшелонов), из Нижней Волги – до 8.000 (23 эшелона), из Средней Волги – до 6.000 (17 эшелонов). Выселяемых должны были принять Северный край (45.000 семей) и Урал (15.000 семей), итого – 60.000 семей, то есть 300.000 человек (172 эшелона). Первый эшелон с выселяемыми был отправлен из Северного Кавказа в ночь с 9-го на 10-е февраля 1930 года, одновременно формировались и отправлялись подобные эшелоны из других регионов страны (26).

Ликвидация «кулацких хозяйств первой и второй категорий», «организация доставки и сама доставка кулаков в отдаленные местности Союза ССР» возлагалась на органы ОГПУ. Операцию по «ликвидации контрреволюционного кулацкого актива» («первой категории») органам ОГПУ

предлагалось закончить в «кратчайший срок», до начала развертывания кампании по выселению «кулаков второй группы (категории)» (27).

Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к «высшей мере наказания», депортировались в «отдаленные районы страны», наряду с выселяемыми «кулаками второй категории» (28).

Списки «выселяемых кулацких хозяйств второй категории» устанавливались районными исполнительными комитетами «на основе решений собраний колхозников и батрацко-бедняцких собраний» и утверждались окружными исполнительными комитетами «в соответствии с указаниями вышестоящих органов». Порядок «расселения остальных кулацких хозяйств» (то есть «кулаков третьей категории») устанавливался окружными исполнительными комитетами (29).

В отношении «кулаков» последней категории окружными исполнительными комитетами «должны быть указаны места расселения с тем, чтобы поселение в отдельных местностях допускалось лишь небольшими поселками, управление которыми осуществляется специальными комитетами (тройками) или уполномоченными, назначаемыми районными исполнительными комитетами и утверждаемыми окружными исполнительными комитетами»(30). В общей сложности за 1930-1937 годы были высланы 2.464.250 человек, а всего с начала «сплошной коллективизации» и до начала Великой Отечественной войны – около 4.000.000 человек (вместе с освобожденными из тюрем и лагерей и отправленными на «спецпоселение») (31).

Масштабы «спецпереселения», охватывавшего прежде всего крестьян, расширялись из года в год – как по социально-демографическому, так и по географическому вектору. Основной, если не определяющей, задачей этой системы все более выдвигалось освоение новых территорий и обеспечение их «дешевой рабочей силой». Выселяемые направлялись на предприятия и в организации НКВД (Беломорско-Балтийский комбинат, Воркутлаг, Норильлаг,

комбинат Севникель), на строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение безлюдных районов Казахстана и т.п.

Вместе с тем в середине 1930-х годов в процессе массовых депортаций начинается заметный переход от социально-классового принципа выселения – к этническому. Общее количество депортированных по «национальному признаку» в 1933-1937 годах можно оценить, по имеющимся данным, примерно в 260.000 человек. Подавляющее большинство из них составили выселенные при проведении «пограничных зачисток», при этом около двух третей пришлось на «корейскую» операцию 1937 года (32).

Но несмотря на включение в состав «трудпоселенцев» («спецпоселенцев») десятков тысяч «неблагонадежных элементов» (высланные из крупных городов и погранзон «бывшие люди», финны, поляки, немцы, часть курдов и др.), доминантой «спецпереселенческой» политики властей, основой формирования и функционирования системы спецпоселений в СССР на протяжении всех 1930-х годов была и оставалась «кулацкая ссылка». К началу 1940-х годов в составе «трудпоселенцев» (контингент «бывшие кулаки») 888.449 человек, или 90,9 процента, являлись раскулаченными крестьянами (с членами семей), а 88.661 человек (9,1 процента) – значились как «неблагонадежные элементы» и «нацпереселенцы» (33).

При этом основанием к содержанию в трудпоселке считались: «постановления или выписки из постановлений бывших троек УНКВД или областных, районных исполкомов о выселении», а также «справки президиумов Райисполкомов, подтверждающие раскулачивание и выселение» (циркуляр НКВД и Прокуратуры СССР от 17 ноября 1939 года № 243). О судебных решениях данный циркуляр даже не упоминает (34).

География расселения «спецпереселенцев» («трудпоселенцев») «кулацкой» волны и дислокация спецпоселков (трудпоселков) на 1 июля 1938 года отражены в таблице 1.

Таким образом, к концу 1930-х годов основной поток спецпереселенцев переместился на Европейский и Азиатский Север СССР – в регионы

действительно малоосвоенные и климатически суровые. Урал и Западная Сибирь, вобравшие совместно около 500.000 «раскулаченных», далеко оторвались от лидировавших в начале 1930-х годов Северного края РСФСР, Восточной Сибири и Казахстана.

Примечательно, что за период с 1932-го по 1940-й годы число убывших со спецпоселения (2.563.401 человек) существенно (на 400.000 человек) опережало число прибывших (2.176.600 человек) (35). И дело здесь не только в высокой смертности и естественной депопуляции (число родившихся в спецпоселениях впервые превзошло число умерших лишь в 1935 году, но в целом за период 1932-1940 годов отрицательное демографическое сальдо здесь было весьма значительным – 159.263 человека). Масштабными показателями характеризуются побегі – 629.042 человека (при том, что «возвращенными из бегов» значатся только 235.120 человек, то есть менее 40 процентов) (36).

Детально вопросы административно-хозяйственного устройства спецпоселков, нормативного статуса спецпоселенцев, их трудоустройства и материально-бытового положения рассматриваются в главе второй настоящего исследования. Комплекс нормативных документов, которыми регулировалось решение этих вопросов на рубеже 1930-1940 годов, приводится в подготовленном ГУЛАГом НКВД СССР и датированном 21 февраля 1941 года совершенно секретном «Перечне постановлений Правительства, приказов и циркуляров НКВД по трудссылке за 1931-1941 гг.».

Из 53 названных в данном «Перечне» документов лишь один (1,9 процента) может быть отнесен к законодательным актам (постановление ЦИК СССР), 9 (17,0 процента) – к решениям высших органов государственно-политического управления (постановления СНК СССР, либо ЦК ВКП/б/, либо совместные их постановления). Авторство остальных документов принадлежит: НКВД СССР – 20 (37,7 процента), другим союзным наркоматам – 2 (3,8), Прокуратуре СССР – 2 (3,8), ГУЛАГу – 11 (20,8), другим ведомствам – 4 (7,5), общественным организациям (ВЦСПС) – 4 (7,5 процента). Следовательно, более 80 процентов нормативной базы системы спецпоселений в СССР на

рубеже 1930-1941 годов являлись продуктом административного, а более половины (58,3 процента) – карательно-ведомственного «бумаготворчества», которое не являлось, как правило, легитимным даже с точки зрения советского законодательства (37).

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. «Кулацкая ссылка» коренным образом отличалась от подобного рода акций дореволюционной поры и 1920-х годов.

Во-первых, она была небывало массовой. Большинство депортированных крестьян при этом отправлялось на спецпоселения («спецпереселенцы»), меньшую часть составляли отправленные в ссылку на определенные сроки («ссылные») и высланные навечно («административно-ссылные»). Качественного учета и жесткого контроля численности спецпереселенцев поначалу просто не велось - первая инструкция ОГПУ по этим вопросам была утверждена лишь 10 декабря 1931 года (38). И впоследствии, в 1932-1939 годах, из-за малограмотности и малоукомплектованности надзорного аппарата на местах, высокой смертности и большого числа бежавших поселенцев - этот учет оставался относительным. Часто даже коменданты поселков не знали точно, сколько у них людей «на подотчете». Повсеместными и постоянными были переброски «рабочей силы» с одного «объекта» на другой, что еще более усугубляло неразбериху в учете.

Во-вторых, массовая депортация крестьянских хозяйств не была предусмотрена действующим законодательством. Она проводилась не судебными, а партийно-советскими и административно-карательными органами и, следовательно, подпадала под определение административной высылки и ссылки. Однако по действовавшему тогда законодательству данный вид репрессии носил индивидуальный, а не семейный характер. Административная высылка и ссылка назначалась не более чем на пять лет. Их продление допускалось, но не более чем на год и по специальному решению. Крестьянская же ссылка оказывалась по сути бессрочной. Административная ссылка не предусматривала обязательного привлечения ссылного к труду,

последний сам выбирал род занятий и место работы. Однако депортированному крестьянству труд вменялся в обязанность, а место и род занятий определялись репрессивными и карательными органами.

Таким образом, депортация крестьянства являлась экстраординарной ссылкой, носившей бессрочный, семейный характер в соединении с принудительным трудом. В дореволюционной карательной практике нечто подобное представляли собой высылка по приговорам сельских сходов, ссылка на поселение в Сибирь, но они не были такими масштабными, как репрессии сталинско-советского режима в отношении единоличного крестьянства. Карательные действия властей в силу своей экстраординарности не смогли вписаться в действующее законодательство, а потому как высылка, так и положение репрессированных крестьян и их семей на поселении регулировались не общим законодательством, а подзаконными, нормативными актами.

Правовая неопределенность статуса «раскулаченных» (и особенно - «кулаков второй и третьей категорий»), порожденная хаосом «чрезвычайщины», создала в конечном итоге удобный для властей и «спецорганов» всех уровней законодательный вакуум, позволявший им изменять карательную практику в зависимости от динамично меняющихся обстоятельств.

Третья особенность «кулацкой ссылки» заключается в том, что по своему социальному составу она была исключительно крестьянской.

Четвертое: последствия крестьянской ссылки повлияли на развитие страны в целом. Посредством ее удалось заставить миллионы крестьян войти в колхозы. Таким образом была сформирована система, сделавшая всех крестьян без исключения гражданами второго сорта, наиболее угнетенным сословием в СССР. Есть все основания утверждать, что «раскулачивание» и массовая гибель крестьян - основной производительной силы деревни - в связи с репрессиями, депортациями, от голода, болезней, непосильного труда (число безвозвратных потерь составляет, по разным данным, от 6.000.000 до

14.500.000 человек) (39) обернулись полной деградацией и упадком сельскохозяйственного производства. «Кулацкая» высылка разрушила хозяйственно-трудовую инфраструктуру каждой деревни, каждого села крестьянской России, что привело к крайне негативным социально-экономическим последствиям для всего общества.

Таблица 1.

География расселения трудпоселенцев и дислокация трудпоселков на 1 июля 1938 года (40).

Регион	Человек	Численность Трудпоселков	Среднее число трудпоселенцев на один трудпоселок
Новосибирская область	195 523	517	378
Свердловская область	171 899	243	707
Карагандинская область	91 297	30	3.043
Красноярский край	58 863	120	490
Челябинская область	57 337	40	1.433
Ставропольский край	45 531	10	4.533
Омская область	44 378	113	393
Архангельская область	39 031	82	476
Южный Казахстан	34 453	61	565
Иркутская область	32 211	42	767
Дальневосточный край	29 276	128	229
Белбалткомбинат НКВД (Карелия)	29 181	21	1.390
Ленинградская область	23 131	9	2.570

Читинская область	22 745	73	312
Коми АССР	20 172	37	545
Узбекская ССР	14 307	13	1.100
Башкирская АССР	12 624	13	971
Киргизская ССР	11 845	26	456
Кировская область	7 790	8	974
Северо-Казахстанская область	8 905	9	989
Украинская ССР	7 470	44	170
Карельская АССР	6 167	2	3.083
Якутская АССР	3 988	8	498
Куйбышевская область	3 287	4	822
Алтайский край	2 783	18	155
Оренбургская область	2 532	3	844
Бурят-Монгольская АССР	1 945	5	389
ИТОГО: РСФСР	820 000	1.541	532
Казахстан	134 655	100	1.347
Другие союзные республики	42 674	100	427
ВСЕГО по СССР	997 329	1.741	573

1.2. 1941-1944 годы: период этнических депортаций.

1930-е годы, прошедшие в основном под знаком «кулацкой ссылки», знаменовали собой первый этап в истории спецпоселений в СССР. К 1939 году «раскулаченные» крестьяне в общей численности всех «трудпоселенцев», высланных и ссыльных составляли более 93 процентов. Остальные семь

процентов представляли выселенные, как правило, из крупных и малых городов (в подавляющем большинстве - по политическим мотивам), а также депортированные в результате «приграничных зачисток» (41).

Вторая волна крупномасштабной ссылки и высылки пришлась на период 1940-го – первой половины 1941-го годов. Это время массового выселения «социально чуждого элемента» из присоединенных в 1939-1940 годах к СССР восточных земель Польши (ныне западные области Украины и Белоруссии), трех прибалтийских государств (Литва, Латвия, Эстония), правобережья Днестра (Бессарабия и входившая в нее Придунайская область с городами Измаил и Белгород-Днестровский), Северной Буковины (ныне Черновицкая область Украины), а также участков Карельского перешейка с городом Алакуртти (ныне Мурманская область) и Северного Приладожья с городами Виипури (ныне Выборг Ленинградской области) и Сортавала (в Карелии).

По представлениям советского руководства, массовые репрессии должны были стать здесь главным средством подготовки к предстоящей войне, действенным инструментом борьбы с «контрреволюцией», «шпионами и диверсантами», «антисоветскими настроениями и бандитизмом», а также основной мерой принудительной «советизации» той части местного населения, которая могла быть (и действительно была) недовольна включением в СССР.

В эти годы проведены четыре депортации по четырем категориям населения. Причем каждая из этих категорий фиксировалась органами НКВД-НГКБ в делопроизводстве тех лет по-своему, направлялась на спецпоселение и содержалась там отдельно от других.

Первой, наиболее известной и масштабной категорией высланных стали (февраль 1940 года) так называемые польские «осадники». «Осадники» - это переселенцы из центральной и западной Польши, в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 года, получившие в 1920-1930 годах земельные угодья в восточных

регионах Польши, заселенных преимущественно украинцами и белорусами, и выполнявшие на этих территориях определенные государственно-идеологические и полицейские функции. Причем хотя 85 процентов «осадников» составляли поляки, но среди них было также немало украинцев и белорусов (42).

В апреле 1940 года депортации подверглись так называемые «социально опасные элементы», а в июне-июле 1940 года – беженцы, прибывшие из польских территорий, оккупированных Германией в сентябре 1939 года(43).

Всего за период с февраля 1940 года по июнь 1941 года из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Литовской ССР (в июне 1941 года) были депортированы свыше 300.000 поляков. Большинство из них попало на спецпоселение (именно к ним впервые был применен термин «спецпоселенцы», поглотивший впоследствии термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы»). В момент прибытия на спецпоселение (в феврале-июле 1940 года) были взяты на учет 138.534 «осадника» и 78.615 «беженцев» (в целом – 217.149 человек)(44).

Дискуссионен вопрос о том, следует ли считать этнических поляков депортированным народом. К таковым принято относить народы, которые подверглись насильственному выселению если не тотально, то хотя бы в значительном большинстве. Этому критерию реальная ситуация с этническими поляками не отвечает. К 1940 году в регионах, откуда производилась их депортация (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика), проживали, по неполным данным, не менее 3.000.000 этнических поляков. Из них выселены в 1940-1941 годах не более 300.000 (без учета польских граждан еврейской, украинской, белорусской и других национальностей) (45). Таким образом, основная масса (около 90 процентов) польского населения этих регионов не была депортирована, то есть в данном конкретном случае речь может идти лишь о факте частичной социально-этнической чистки.

Наряду с «польскими» депортациями и примерно в одно и то же время с ними (после окончания войны с Финляндией и присоединения к СССР ряда

участков финской территории) была «зачищена» погранзона на самом крайнем северо-западе страны(46).

В мае-июне 1941 года массовые депортации охватили не только бывшие территории Польши (западные регионы Украины и Белоруссии), но и Прибалтику, правобережье Днестра (Бессарабию, включавшую западную Молдавию и Измаильскую область Украины) и Северную Буковину (Черновицкая область Украины). Эти территории, присоединенные к СССР после начала второй мировой войны в соответствии с советско-германским пактом от 23 августа 1939 года и договором от 28 сентября 1939 года, составляли так называемую «зону пакта».

Самыми существенными директивными документами, относящимися к депортациям из «зоны пакта», являются подписанный начальником Главного управления лагерей НКВД СССР старшим майором государственной безопасности В.Г.Наседкиным и утвержденный 14 июня 1941 года народным комиссаром внутренних дел СССР Л.П.Берией «План мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР», директива НКВД СССР «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии», а также изданные НКВД СССР «Инструкция начальнику эшелона по сопровождению спецпереселенцев» от 5 июня 1941 года, «Инструкция начальникам конвоев по приему заключенных в пунктах формирования эшелонов в Латвийской ССР», «Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению заключенных из Прибалтики» (47).

Непосредственное осуществление операции по месту жительства (аресты, обыски, описи имущества и доставка задержанных к эшелонам) возлагалось на оперативные группы. Старший каждой оперативной группы подавал рапорт начальнику уездного или городского отдела НКГБ, поименно указывая высланных, а также не обнаруженных или по каким-либо причинам оставленных дома лиц. Составлялись также списки оставленных

депортированными вещами и письменные доверенности на их реализацию (хотя официально никаких решений относительно конфискации этого имущества в 1941 году не принималось). При этом в соответствии с различными инструкциями все наиболее ценное имущество изымалось в пользу государства, описывалось и реализовывалось. Иногда в сообщениях указывалось, что «различные вещи взяты для доставки в Народный комиссариат государственной безопасности». В операции принимали участие также коммунисты и «советские активисты»(48).

Четвертая массовая операция по принудительному перемещению вглубь СССР больших групп населения из «зоны пакта» началась: в Западной Украине – 22 мая, в Молдавии (с Черновицкой и Измаильской областями Украинской ССР) – в ночь с 12 на 13 июня, в Латвии, Литве и Эстонии – 14 июня, в Западной Белоруссии – в ночь с 19 на 20 июня 1941 года(49).

В соответствии с упомянутыми выше директивой НКВД СССР «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии», а также со «Сведениями о количестве учтенного антисоветского и социально-чуждого элемента по НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» и «Планом мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР», в 1941 году выселению подлежали следующие категории (формулировки документов):

1) участники контрреволюционных партий и антисоветских националистических организаций;

2) бывшие жандармы, охранники, руководящий состав полиции, тюрем, а также рядовые полицейские и тюремщики при наличии компрометирующих документов;

3) помещики, крупные торговцы, фабриканты и чиновники буржуазных государственных аппаратов;

4) бывшие офицеры и белогвардейцы, в том числе офицеры царской армии и офицеры, служившие в территориальных корпусах Красной Армии

(образованных из частей и соединений бывших национальных армий независимых государств Литвы, Латвии и Эстонии после их включения в состав СССР);

5) уголовники;

6) проститутки, зарегистрированные в полиции и продолжающие заниматься прежней деятельностью;

7) члены семей лиц, учтенных по пунктам 1-4;

8) члены семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к высшей мере наказания либо скрываются и перешли на нелегальное положение;

9) бежавшие из бывшей Польши и отказавшиеся принимать советское гражданство;

10) лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, зарегистрированные на выезд и отказывающиеся выехать в Германию (50).

Для перечисленных выше десяти категорий высылаемых были предусмотрены три вида репрессий: содержание в ссылке под надзором в качестве «ссылнопоселенцев», содержание в лагерях военнопленных и содержание в исправительно-трудовых лагерях. Однако сразу после нападения Германии на СССР лица, вывезенные в лагеря военнопленных или находившиеся в эшелонах на пути в эти лагеря, были переведены или переадресованы в ИТЛ или тюрьмы. Так произошло фактическое слияние второго и третьего видов репрессий. По-видимому, это было вызвано внезапным нападением Германии и стремлением убрать арестованных подальше от приближающегося фронта. Кроме того, возможно, лагеря освобождали в связи с предполагаемым наплывом военнопленных германской армии(51).

Среди депортированных из «зоны пакта» в мае-июне 1941 года имелись представители самых разных национальностей (включая русских, евреев, немцев, гагаузов и т.д.), и национальный признак при проведении этой акции не

обозначался, но на практике она приобретала черты частично этнической (социально-этнической) чистки: подавляющее большинство выселенных из Латвии составляли латыши, из Литвы – литовцы, из Эстонии – эстонцы, из Молдавии – молдаване, из западных областей Украины и Белоруссии – соответственно украинцы и белорусы. И это соответствовало демографическим реалиям, поскольку перечисленные национальности составляли основное население регионов, откуда производилась данная депортация (52).

До настоящего времени нет безусловно точного ответа на вопрос: существовал ли какой-либо «рамочный» партийно-государственный документ относительно депортации 1941 года из «зоны пакта»? Упомянувшиеся выше директивные акты о высылке 1941 года из названной «зоны» - это всего лишь ведомственные документы НКВД, регламентировавшие порядок исполнения некоей неизвестной директивы центрального советского руководства. Но несмотря на все настойчивые поиски российских и зарубежных исследователей (в том числе и автора данной работы), до сих пор не обнаружены в архивах решения высших органов власти СССР, предписывающие проведение этой высылки.

Единственным исключением является совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 года № 1299-526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях У(краинской) ССР». Однако данное постановление относится только к западным областям Украины и определяет разнообразные меры борьбы против ОУН – «Организации украинских националистов» (лишь вскользь упоминая в одном месте «польские организации»). В частности, вторым пунктом этого постановления предусмотрена высылка семей «членов контрреволюционных националистических организаций... в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества» (остальные меры - это «изъятие» участников контрреволюционных организаций, усиление агентурно-оперативной работы НКВД и НКГБ, размещение гарнизонов войск НКВД, укрепление партийно-советских кадров,

запрещение хранения и ношения оружия, откомандирование на Украину заместителя наркома госбезопасности СССР И.А.Серова). В конце этого постановления имеется не очень определенное упоминание еще одного региона: «8. Поручить НКВД и НКГБ СССР и Секретарю ЦК Белоруссии т. Пономаренко обсудить вопрос о проведении аналогичных мер по Западной Белоруссии»(53).

Таким образом, в Постановлении № 1299-526сс не упоминаются территории, присоединенные в 1940 году (Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия с Северной Буковиной), не перечислено большинство категорий лиц, подлежащих высылке в 1941 году из всей «зоны пакта», и не определяется разнообразие видов репрессий.

Представляется, однако, маловероятным, чтобы операции по высылке из Прибалтики и Молдавии, существенно отличающиеся от предшествующих депортаций (на каждую из которых имелись решения Политбюро ЦК ВКП/б/ и постановления СНК СССР), могли проводиться без специального решения высших органов власти СССР, лишь на основании постановления для западных областей Украины. И действительно, в справке Центрального архива КГБ СССР, опубликованной в 1990 году, в качестве основания для операции по высылке, проведенной 14 июня 1941 г. в Литовской ССР, названо «постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 года», но ни номер, ни название постановления не приведены и содержание его не изложено (54).

Другой опубликованный документ - письмо НКВД СССР Наркомздраву СССР от 7 июня 1941 г. с просьбой о выделении медицинских работников для обслуживания эшелонов в пути их следования - содержит ссылку на некое «решение правительства», по которому «в ближайшее время из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской Союзных Социалистических Республик начнется отправка эшелонов со спецпереселенцами» (55). Наконец, в одном из документов 9-го управления МГБ СССР, составленном в 1953 году, зафиксировано следующее: «Выселение (из «зоны пакта». – И.Б.) произведено по распоряжению товарища Берия от 14/У1-1941 года, данного им в

соответствии с указанием Правительства» (56). Однако, несмотря на многочисленные запросы историков-исследователей в центральные архивы России (в том числе в Правительственный архив и в Архив Президента Российской Федерации), ни один директивный документ высшего уровня советского руководства, имеющий отношение к депортациям 1941 года из «зоны пакта», кроме указанного Постановления по западным областям Украины, пока не обнаружен.

В общем итоге, по данным на 15 сентября 1941 года, в ссылку на поселение из «зоны пакта» поступили 85.716 человек, в том числе выселенных: из Западной Белоруссии – 27.887, из Молдавии – 22.648, из Литвы – 12.682, из Западной Украины – 9.9.595, из Латвии – 9.236, из Эстонии – 3.668 человек(57).

Третий этап в истории спецпоселений и спецпоселенцев - это период Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 года - начало 1945 года). Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», принятом 22 июня 1941 года, военным властям в тех местностях, где было объявлено военное положение, предоставлялось право выселять из них в административном порядке всех лиц, признанных «социально опасными». 4 июля 1941 года НКВД СССР разослал на места соответствующую директиву: в ней, правда, указывалось, в частности, что при выселении указанных лиц следует «проявлять осторожность, проверять имеющиеся данные и не выселять нетрудоспособных в возрасте старше 60 лет» (58). Тем не менее заложенная в Указе «О военном положении» идея – убрать подальше всех, кто вызывал «опасения» или «недоверие» - оказалась в годы войны весьма востребованной и продуктивной.

Именно в военное лихолетье приобрело массовый размах тотальное выселение отдельных народов СССР, в том числе – имевших административно-территориальную автономию. В 1941-1942 годах - это этнические немцы. В 1943-1944 годах – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, народы Крыма (татары, болгары, греки) и другие.

Так называемая «кулацкая ссылка» в этот период значительно сократилась. По данным на 1 октября 1941 года, на учет значились 936.547 трудпоселенцев категории «бывшие кулаки» (59). Продолжалось освобождение трудпоселенческой молодежи по достижении 16-летнего возраста – в соответствии с постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 года. Однако с началом войны поток заявлений об освобождении из трудссылки заметно сократился, а от некоторых ранее освобожденных трудпоселенцев стали поступать заявления с просьбой разрешить им вернуться в трудпоселок и снова встать на учет трудпоселений. Скрытая мотивация таких обращений проста: статус трудпоселенца спасал от военной службы и отправки на фронт.

В связи с этим Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР разослал на места директиву с требованием ускорить освобождение трудпоселенческой молодежи и передачу ее на учет военкоматов, за исключением лиц «инонациональностей»: немцев, поляков, финнов, прибалтов, болгар, австрийцев, греков и т.д. (всего перечислялись 22 национальности) (60). В 1944 году действие постановления СНК СССР об освобождении при достижении 16-летнего возраста было прекращено и в отношении спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки», которые являлись по национальности калмыками, чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами, крымскими татарами (61).

За период с 1 января 1941 года по 1 апреля 1943 года по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года были освобождены 136.240 трудпоселенцев (в 1941 году – 62.808, в 1942 году – 63.113, в январе-марте 1943 года – 10.319 человек) (62). Освобождение из «кулацкой ссылки» по указанному постановлению СНК СССР и по другим причинам продолжалось и в дальнейшем. Таким образом численность трудпоселенцев к 1 января 1943 года снизилась до 724.498, а к 1 января 1944 года – до 669.687 человек, то есть до 71,5 процента от предвоенного уровня (63).

Но эти «потери» с лихвой перекрыла депортация целых народов, которые в историко-публицистической литературе нередко называют наказанными.

Именно эти народы стали в 1940-х годах основой «спецпоселенчества», отодвинув на второй план «раскулаченных» крестьян и других «социально опасных элементов».

Официальной версией применения партийно-советскими властями в 1940-х годах тотальных принудительных депортаций к отдельным народам выдвигались либо «наказание» за совершенное ими «предательство» («депортации возмездия»), либо «профилактика» их от соблазна совершения такого «предательства» («превентивные депортации»). Точнее говоря, «превентивные депортации» - это наказание даже не за потенциальное предательство, а за принадлежность к национальности, с зарубежной «прародиной» которой ведется или может вестись война.

В этом заключается принципиальное отличие общей ситуации второй мировой войны (1939-1945 годы) от первой мировой войны (1914-1918 годы), когда депортации угрожали почти исключительно «враждебно-подданным», то есть гражданам государств, с которыми велась война. На этот раз репрессии прошли по собственным гражданам, национальность которых совпала с титульной нацией противника, причем относится это не только к СССР и другим тоталитарным государствам, но и к некоторым странам так называемой «развитой демократии» (США, Великобритания и др.) (64). Примечательно, что в нацистской Германии интернированию подлежали только граждане СССР, тогда как российские эмигранты «первой волны», как правило, репрессиям и ограничениям не подвергались(65).

Приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности являлось не только серьезным нарушением внутреннего конституционного законодательства (прежде всего статей 123 и 127 Конституции СССР 1936 года, действие которой официально не приостанавливалось и не ограничивалось даже в годы войны) (66), но и бесспорным преступлением против человечности (наравне со взятием и расстрелом заложников и т.п.) и вполне подпадающим под определение геноцида в международном праве (67).

Именно бездоказательное подозрение в «вероятном предательстве» легло в основу первой и крупнейшей «превентивной депортации» военных лет - массовой репрессии против этнических немцев(68), которая началась с конца августа 1941 года выселением «лиц немецкой национальности» из районов Среднего Поволжья. Эта операция осуществлялась в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года «О переселении всех немцев Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области», приказом и инструкцией НКВД СССР от 27 августа 1941 года № 001158 и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»(69).

Строго говоря, первыми фактически депортированными среди своих соплеменников в СССР стали не «поволжские», а «крымские немцы». Их уже в августе 1941 года в спешке вывезли из Крыма в Ростовскую область и Ставропольский край. Формально эта акция называлась «эвакуацией», но по сути имела несомненные признаки этнической депортации. Позднее – уже из Ставропольского края – крымских немцев выселили повторно, на сей раз – за Урал (70).

Депортация этнических немцев из других регионов страны происходила на основе:

1) постановлений ГКО СССР:

- от 6 сентября 1941 года № 636сс – из Москвы, Московской и Ростовской областей;

- от 21 сентября 1941 года № 698сс – из Краснодарского и Ставропольского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР;

- от 22 сентября 1941 года № 702сс – из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей;

- от 8 октября 1941 года № 743сс – из Воронежской области;

- от 8 октября 1941 года № 744сс – из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР;

- от 22 октября 1941 года № 827сс – из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР;

- от 29 мая 1942 года № 1828сс – из Краснодарского края и Ростовской области (вторичное выселение);

2) распоряжений СНК СССР:

- от 3 ноября 1941 года № 84кс – из Калмыцкой АССР;

- от 21 ноября 1941 года № 280кс – из Куйбышевской области;

3) постановлений Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 года № 196сс, от 9 марта 1942 года № 00713, от 20 марта 1942 года № 00714 – из Ленинграда и Ленинградской области;

- приказа Военного Совета Южного фронта от 26 августа 1941 года № 196сс – из Крыма и Днепропетровской области;

- директивы Наркомата обороны СССР от 8 сентября 1941 года № 35105 – об изъятии из Красной Армии военнослужащих немецкой национальности.

По специальным решениям директивных органов было осуществлено также выселение немцев из Харьковской, Горьковской, Калининской и некоторых других областей (71).

В конце 1941 года практически все немецкое население СССР, кроме оказавшего в зоне германской оккупации, было принудительно сконцентрировано к востоку от Урала. К 25 октября 1941 года из 873.578 немцев, подлежавших выселению «по государственному заданию», фактически были депортированы 856.168, или более 98 процентов. К началу 1942 года на спецпоселении числились 1.031.300 немцев, из них около 800.000 составляли те, кого депортировали из Европейской части СССР. Размещены они были (почти поровну) в Казахстане и Сибири. 231.300 человек составлял контингент так называемых «местных» немцев: это люди, которых физически депортировать не стали, но поставили на учет спецпоселения по месту жительства.

Всего же за 1941-1942 годы были взяты на спецучет 1.209.430 немцев, из них: 856.340 – переселенные «по государственному заданию», 48.001 –

«мобилизованные» («списанные» из РККА в «трудармию»), 203.796 – репатриированные («местные»). Таким образом, округленная оценка численности собственно депортированных в этот период немцев составляет около 905.000 (72). К концу войны на спецпоселении значились уже 949.829 этнических немцев(73).

В 1942 году значительная часть немцев-спецпереселенцев была подвергнута вторичной репрессии по национальному признаку. Суть дела заключалась в попытке властей «рационализировать» решение вопросов трудоустройства депортированных немцев. И одним из главных способов такого «решения» определили «трудовую мобилизацию» немцев и формирование из них на время войны так называемой «трудовой армии», «бойцы» которой направлялись для трудоустройства в районы, как правило, весьма «удаленные» от мест учета их семей на спецпоселении.

Собственно, к формированию «трудармии» приступили еще осенью 1941 года, когда «строительные батальоны НКВД» были реорганизованы в «рабочие колонны» - с казарменным проживанием и лагерным распорядком (приказ НКВД СССР от 26 сентября 1941 года № 001398 о реорганизации стройбатальонов НКВД в «рабочие колонны», постановление СНК СССР от 7 октября 1941 года № 2130-972сс «О выделении рабочих колонн из военнообязанных» и др.) (74).

К началу 1944 года в «рабочих колоннах» НКВД числились около 222.000 немцев-«трудармейцев», из них 101.000 «использовались» на стройках и в других подразделениях НКВД, а остальные – на предприятиях и организациях других наркоматов (75). До конца 1945-го – середины 1946 годов «трудмобилизованные» находились в «специальных зонах» - по месту работы. Эти «специальные зоны» на самом деле являлись структурными подразделениями ГУЛАГа НКВД, которые и были определены местом дислокации «рабочих колонн» (или так называемой «трудовой армии») (76).

В общей сложности за время войны в эти «рабочие колонны» были мобилизованы свыше 400.000 человек, в подавляющем большинстве (около

317.000) этнических немцев, а также граждан других «инонациональностей» (финны, румыны, венгры, итальянцы и др.) и некоторое число «трудпоселенцев» («бывших кулаков»). Содержались они в лагерных подразделениях ГУЛАГа («специальных зонах»), но де-юре не в качестве заключенных (осужденных), а как «трудмобилизованные» (или так называемые «трудоармейцы»), причем на учете они состояли не в отделах спецпоселений территориальных органов НКВД, а непосредственно в подразделениях ГУЛАГа, к которым были прикреплены (77).

Официально все это преподносилось как альтернатива военной службе и отправке на фронт – для мужчин призывных возрастов (для подростков, престарелых и женщин никакого пропагандистского камуфляжа не применялось вообще). Фактически же система «трудоармии» (даже с поправками на чрезвычайные обстоятельства военного времени) являла собой советско-сталинскую изощренную разновидность каторги со всеми ее атрибутами, но без какой-либо юридической мотивации. Показательно, что смертность среди «трудоармейцев» была значительно выше, чем на «обычном» спецпоселении, хотя и среди оставленных там немцев-стариков, детей, инвалидов эти показатели также превышали среднестатистические (78).

После ликвидации в 1945-1946 годах «специальных зон» часть немцев («трудмобилизованные») была взята на учет спецкомендатур по «месту работы» - в Башкирской, Коми, Татарской АССР, Кировской, Куйбышевской, Молотовской, Московской, Свердловской, Тульской, Челябинской, Чкаловской, Ульяновской областях, а другие («спецпоселенцы») – в тех местах, куда они выселялись по решениям ГКО и СНК СССР в военное время. «Демобилизованные» при этом «трудоармейцы» оставались прикрепленными к тем предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом поселения в общежитиях вне лагерных «зон» и воссоединения с семьей («выписки семьи к себе») (79).

Статус спецпереселенцев для всех этнических немцев был еще раз подтвержден постановлением СНК СССР от 8 января 1945 года № 35 «О

правовом положении спецпереселенцев» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»(80).

Кроме немцев, депортации «превентивно-профилактического» характера подверглись финны, ингерманландцы(81), этнические греки, румыны и др.(82) . С учетом всех перечисленных «контингентов», общее число «превентивно-депортированных» в 1941-1942 годах можно оценить в 1.200.000 человек (83).

Последующие этнические депортации (1943-1944 годы) носили уже не «профилактический» или «превентивный» характер, а предполагали в своей мотивации «возмездие», «кару», «наказание» за действительные (в меньшей части) или надуманные (в большинстве своем) «преступления против советского государства» в годы войны. Непосредственно этим депортациям были подвергнуты шесть народов: карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары.

27 декабря 1943 года Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/144 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР и об административном устройстве ее территории». На следующий день СНК СССР принял решение (№ 1432-425сс) о выселении всех калмыков в Алтайский и Красноярский края, а также в Омскую и Новосибирскую области. По аргументации НКВД, депортация была «наказанием» для калмыков за «сопротивление органам Советской власти», «массовое сотрудничество» с германскими оккупантами: якобы более 30 процентов взрослого калмыцкого населения населения «с оружием в руках выступили против Советской власти» (84).

С аналогичной «мотивацией» были последовательно репрессированы и другие безвинно «провинившиеся» перед И.В.Сталиным народы. Еще до «калмыцкой» операции началась депортация народов Северного Кавказа. Первыми подверглись выселению карачаевцы – по Указу Президиума

Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года № 115/136 и постановлению СНК СССР от 14 октября 1943 года № 1118-342сс (6 ноября 1944 года было принято постановление СНК СССР о порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края) (85). Затем (зима-весна 1944 года) пришел черед для чеченцев, ингушей и балкарцев. Они были выселены по следующим указам и постановлениям:

- чеченцы и ингуши – по двум одновременным постановлениям ГКО от 31 января 1944 года №№ 5073сс и 5074сс («О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» и «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов») и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года № 116/102 (при этом уже 29 января 1944 года была утверждена инструкция НКВД СССР «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей» - спецоперации «Чечевица») (86);

- балкарцы – по постановлению ГКО от 5 марта 1944 года № 5309сс и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года № 117/6 (соответствующий приказ НКВД СССР № 00186сс был издан еще 26 февраля 1944 года). Кроме того, в соответствии с приказом НКВД-НКГБ СССР от 25 мая 1944 года № 00620/001 из Кабардинской АССР были выселены семьи кабардинцев - «активных немецких пособников, предателей, изменников», а также «члены семей лиц, добровольно ушедших с немцами». Первоначально предусматривалось переселить 2.467 человек этой категории, однако после исключения из списков «родственников служивших в РККА» и «стариков старше 70 лет», этапирован был (в Джамбулскую и Южноказахстанскую области) 2.051 человек и, таким образом, массовой депортации кабардинцев не последовало (87).

Всего в момент прибытия на спецпоселение (1944 год) были учтены 608.749 выселенных с Северного Кавказа, в том числе: чеченцев – 362.282, ингушей – 134.178, карачаевцев – 68.327, балкарцев – 37.406, других

национальностей – 6.556. На 1 октября 1948 года на учете спецпоселения значились 575.768 «северокавказцев»(88).

В мае-июне 1944 года из Крыма были выселены крымские татары, болгары, греки, армяне и (частично) представители некоторых других национальностей. Депортации осуществлялись на основании следующих постановлений ГКО: от 2 апреля (№ 5943сс), 11 мая (5859сс) и 21 мая (№ 5937сс) 1944 года - крымские татары (аналогичное постановление о выселении крымских татар и греков с территории Краснодарского края и Ростовской области датировано 29 мая 1944 года); от 2 июня 1944 года № 5984сс - крымские болгары, греки и армяне; от 24 июня 1944 года № 6100сс – «жители Крыма турецкого, греческого и иранского подданства», имевшие на руках «просроченные зарубежные паспорта». В момент прибытия на спецпоселение были учтены 228.392 человека, выселенные из Крыма, из них 224.740 – по постановлениям ГКО от 11 мая и 2 июня 1944 года, в том числе крымских татар – 191.014(89). В течение мая-июня 1944 года из Крыма и с Кавказа были дополнительно депортированы около 66.000 человек, в том числе из Крыма – 41.854 (среди них: греков – 15.040, болгар – 12.422, армян – 9.620, немцев, итальянцев, румын и прочих – 1.119). Кроме того были выселены: из Краснодарского края – 8.300 человек (только греки – иностранцы или апатриды), из республик Закавказья – 16.375 человек (греки). Из-за малочисленности выселение миновало большинство караимов (крымских татар иудейского вероисповедания), но часть из них все же депортировали вместе с другими «крымскими контингентами»(90).

В дополнение к основным документам по этническим «депортациям возмездия» 30 июля 1944 года вышла директива НКВД СССР «О взятии на учет спецпоселений демобилизованных из Красной Армии калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, прибывающих к семьям в места поселений». По фронтам были изданы специальные приказы об увольнении из рядов РККА представителей указанных этносов. Они направлялись на спецпоселение. Этой участи подверглись

рядовой и сержантский состав, большинство младших офицеров. Что касается старших офицеров, то те из них, кто не являлись политработниками, как правило, из армии не увольнялись и продолжали службу, а вот старшие офицеры-политработники направлялись на спецпоселение. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справками), им запрещалось ношение знаков различия (погонов, нашивок и т.п.), огнестрельного и холодного оружия. В итоге на спецпоселение из армии были приняты около 157.000 человек – представителей «наказанных народов», в том числе 5.943 офицера, 20.209 сержантов и 130.691 рядовой (91).

Наряду и параллельно с «депортациями возмездия» продолжались и ставшие традиционными еще с середины 1930-х годов «пограничные зачистки» от «инородных этнических элементов». Так, в соответствии с постановлением ГКО от 31 июля 1944 года № 6279сс из пограничных районов Грузинской ССР были выселены турки-месхетинцы, курды, хемшилы (хемшины), азербайджанцы. Выселение состоялось только 3,5 месяца спустя после выхода указанного постановления – в середине ноября 1944 года. В течение трех дней были отправлены 25 эшелонов с депортированными, включая 2 вагона с цыганами. На спецпоселение поступили 94.955 человек, в том числе: турок-месхетинцев – около 80.000, курдов – 8.694, хемшилов – 1.385 (92).

Продолжались и так называемые «социальные зачистки». К ним, несомненно, следует отнести выселение из Воронежской, Орловской и Рязанской областей (по распоряжению НКГБ-НКВД СССР от 14 июля 1944 года) членов семей репрессированных участников религиозной секты «Истинно православные христиане» (ИПХ). На спецпоселение поступили 1.502 «сектанта» (93).

В 1944-1945 годах появились два новых контингента спецпереселенцев – так называемые «фольксдойче» и «немецкие пособники». Как правило, это были не сами «фольксдойче» (то есть этнические немцы, принявшие во время оккупации германское гражданство) и «немецкие пособники» (те из них, кто был арестован, находились в заключении, другим удалось скрыться), а члены

их семей, выселенные из шести областей (Киевской, Винницкой, Днепропетровской, Житомирской, Одесской и Николаевской) Украинской ССР («фольксдойче») и из крупных городов Ставропольского края («немецкие пособники»). Эти лица выселялись по указанию НКВД СССР от 7 января 1944 года, по приказам: НКВД-НКГБ СССР от 25 мая 1944 года и НКВД СССР от 24 августа 1944 года. В общей сложности поступили на спецпоселение 5.914 человек, из них: «фольксдойче» - 2.826, «немецких пособников» - 3.088 (94).

С весны 1944 года из Западной Украины на спецпоселение начали поступать семьи так называемых «оуновцев» (сокращенное от «Организации украинских националистов» - «бандеровцы», «мельниковцы» и т.п.). Выселение осуществлялось на основании директив НКВД СССР от 31 марта 1944 года № 122 и от 7 апреля 1944 года № 130, предусматривавших депортацию «членов семей «оуновцев», активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновениях». Выселенные направлялись на спецпоселение в отдаленные районы Красноярского края, Иркутской и Омской областей. По имеющимся данным, уже в 1944 году число депортированных из Западной Украины превысило 100.000 человек (95).

16 июня 1945 года по распоряжению НКВД СССР была осуществлена первая после 1941 года массовая высылка из Прибалтики: речь шла о 323 членах семей «бандглаварей и активных бандитов» из Литвы, а также о 6.320 «главарях и членах повстанческих групп» (последних выселяли в Коми АССР, Молотовскую и Свердловскую области) (96).

Общее число депортированных в 1944-1945 годах, помимо «наказанных народов», составило около 260.000 человек (97).

Во время войны численность находившихся на спецпоселении неуклонно возрастала: в 1944 году она составляла 1.938.539 человек, в 1945 году – 2.094.562, в 1946 году – 2.264.749 (по данным на 1 января каждого года). На 1 октября 1945 года на учете ОСП НКВД СССР состояли 2.187.500 спецпереселенцев, в том числе: немцев – 687.300, «бывших кулаков» - 606.800, чеченцев и ингушей – 405.900, крымских татар, греков, болгар, армян и других

выселенных из Крыма – 195.200, выселенных в 1944 году из Грузии – 88.800, калмыков – 80.300, карачаевцев – 60.100, балкарцев – 33.100, «оуновцев» – 20.800, прочих («фольксдойче», «немецкие пособники», ИПХ и др.) – 9.200. Трудоспользовались они на предприятиях и в организациях 52 наркоматов, 8 других общесоюзных ведомств, а также в системе кооперации и в отдельных государственных и советских учреждениях. При этом около 45 процентов работали в сельском хозяйстве, более 9 процентов – в угольной промышленности, почти 8 процентов – на лесозаготовке, более трети – в других отраслях экономики, в том числе свыше 4 процентов – непосредственно на предприятиях НКВД (98).

География спецпоселенчества выглядела (на 1 апреля 1945 года) следующим образом: Казахская ССР – 846.065 человек, Узбекская ССР – 192.638, Красноярский край – 124.783, Киргизская ССР – 124.487, Кемеровская область – 96.867, Томская область – 94.126, Свердловская область – 89.150, Алтайский край – 84.798, Молотовская область – 80.946, Новосибирская область – 75.207, Тюменская область – 61.258, Челябинская область – 43.405, Омская область – 43.377, Архангельская область – 29.717, Ставропольский край – 24.479, Иркутская область – 22.509, Коми АССР – 19.620, Хабаровский край – 19.063, Читинская область – 16.369, Башкирская АССР – 16.233, Тульская область – 11.417, Московская область – 9.540, Якутская АССР – 8.822, Марийская АССР – 8.665, Кировская область – 8.245, Чкаловская область – 8.101, Куйбышевская область – 7.548, Костромская область – 6.920, Вологодская область – 5.756, Мурманская область – 5.672, Таджикская ССР – 5.595, Херсонская область – 5.200, Карело-Финская ССР – 3.616, Горьковская область – 2.399, Ульяновская область – 1.807, Туркменская ССР – 1.680, Сталинградская область – 1.216, Ивановская область – 1.215, Бурят-Монгольская АССР – 1.014, Удмуртская АССР – 624, Курганская область – 523, Татарская АССР – 497, Приморский край – 495, Ярославская область – 231, Северо-Осетинская АССР – 140, Рязанская область – 92 человека (99).

Подводя итоги развития системы спецпоселений в период Великой Отечественной войны, необходимо отметить следующее.

За этот период в составе «спецнаселения» произошли коренные структурные изменения. Если еще в начале 1941 года среди спецпереселенцев (трудпереселенцев) и ссыльных отсутствовала такая категория, как «депортированные народы», то к концу 1944 года представители последних среди почти 2.500.000 спецпереселенцев, ссыльнопоселенцев и административно высланных составляли примерно 1.800.000, или более 70 процентов (и это без учета тех категорий выселенных, которые можно квалифицировать как «частичные этнические чистки»).

Было бы заблуждением или искажением подлинной сути событий представлять депортации народов лишь как «следствие обстоятельств военного времени». Нельзя не согласиться с мнением на этот счет исследователя В.Н.Земскова: «Дело обстояло как раз наоборот: обстоятельства военного времени были использованы сталинским руководством для проведения определенной политики в национальном вопросе» (100).

Политика репрессий против многих народов СССР была длительной и целенаправленной. Стратегически она обосновывалась высшим руководством страны как одно из средств преодоления целого ряда чрезвычайных обстоятельств: неимоверным напряжением начала 1940-х годов (подготовка к войне), тяжелейшим в истории страны военным лихолетьем, необходимостью восстановления народного хозяйства и, наконец, подготовки к новой войне. Но правовое обеспечение этнических репрессий беспрецедентного масштаба проводилось в условиях строжайшей секретности, поскольку реальная политика диаметрально расходилась с официальной идеологией, в корне противоречила широко декларируемым советской верхушкой принципам «пролетарского интернационализма» как основы существования СССР.

Главная особенность формирования нормативной базы спецпереселенчества в этот период заключается в том, что формально-правовая составляющая здесь была вторичной: юридическое обоснование

депортаций следовало, как правило, за применением репрессии. Естественно, в этих условиях набор юридических инструментов для реализации принятых политических решений сводился руководством страны к предельному минимуму. Он ограничивался секретными директивами Политбюро ЦК или решениями Центрального Комитета ВКП(б), в соответствии с которыми принимались секретные же указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления Правительства.

Важнейшими же звеньями в цепи нормативных актов о депортациях и спецпоселениях были не первичные указы Президиума Верховного Совета страны, не изначальные постановления правительства (СНК СССР), запускавшие механизм репрессий, а регламентировавшие весь этот процесс (в мельчайших его деталях) ведомственные документы и прежде всего - приказы, директивы, инструкции и распоряжения НКВД-НКГБ СССР (101).

Другая общая особенность подавляющего большинства этнических выселений военных лет заключалась в том, что они имели административный, то есть внесудебный характер. Это значило, что для применения репрессии достаточным считалось распоряжения властей определенного уровня - на основе политического решения «верхних этажей» партийно-советской номенклатуры. При этом документы, подтверждающие обоснованность высылки, а также личные дела репрессированных оформлялись уже после депортации, «постфактум». Этнические немцы, польские «осадники» и другие категории репрессированных очень часто прибывали на места поселения вообще без каких-либо документов, подтверждающих «правомерность» их интернирования.

Нередко личные дела на поселенцев не оформлялись годами. Таким образом, формально-юридическое оформление высылки считалось делом «второстепенным», «вспомогательным». Отсюда неизбежно следовали столь частые в то время недоразумения, неразбериха, произвол: арестовывали вместо одних - других, «оформляли дела» на людей, абсолютно не причастных к данной категории выселяемых, попавших в их число по нелепой случайности

или по чрезмерному служебному рвению непосредственных исполнителей репрессии.

Все это порождало массовые потоки жалоб – непосредственно в карательно-исполнительные органы, в Верховный Совет СССР, в другие «высшие инстанции». Но доказать свою невиновность было делом чрезвычайно сложным - машина советского террора обратного хода (за редкими исключениями) не допускала.

1.3. 1945-1950 годы: стабилизация системы и предпосылки ее распада

В качестве отдельного этапа спецпоселенчества можно выделить период со второй половины 1940-х до начала 1950-х годов. Это время упрочения инфраструктуры спецпоселений, ужесточения режима в них, а также массовой репатриации из стран Европы советских военнопленных, эвакуированных германскими войсками этнических немцев и коллаборационистов, сотрудничавших с оккупационными властями. Важное явление этого периода - продолжение репрессий против народов Прибалтики, населения западных территорий Украины, Белоруссии и Молдавии, связанное с «советизацией» этих регионов (прежде всего – «раскулачиванием» и форсированной «коллективизацией»), а также с вооруженным сопротивлением советской власти со стороны националистических военных формирований в ряде регионов Балтии и Западной Украины (так называемая «резистенция»).

Характерна для тех лет уже сама формулировка одного из решений о такой массовой депортации (постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 года) – «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую

работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников и бандитов» (102).

Выдворяя значительные группы местного населения из перечисленных территорий, советское руководство начало активную русификацию последних (включая вновь образованный после войны в бывшей Восточной Пруссии анклав - Калининградскую область РСФСР), перебрасывая туда массовые контингенты (в основном славянской этнической принадлежности) из других (преимущественно центральных) регионов страны (в том числе около 400 семей - из Кировской области) (103).

В эти годы этнические депортации приобретают все более ярко выраженный великодержавный характер. Социально-политические аспекты (классовое происхождение, отношение к советской власти и т.п.) тесно переплетаются и увязываются руководством СССР с национальным фактором и нередко подчиняются последнему. Примечательно, что и после окончания войны, когда, казалось бы, все причины и поводы, выдвигавшиеся ранее в обоснование этнических депортаций, утратили силу, репрессивные миграции хотя и несколько ослабли, но продолжались с устойчивой последовательностью.

Несомненным для этих лет является также сохранение и даже развитие нормативной дифференциации для различных категорий спецпоселенцев. Высылка каждого народа или определенной группы населения получала своеобразное юридическое оформление, связанное с множеством конкретно-исторических условий момента депортации. Поэтому для каждой категории высланных устанавливались свои отличительные черты: в оформлении документации, в сроках репрессии и так далее. Безусловно, имелось и много общего для всех (или для многих) категорий поселенцев (структура управления и надзора, режим содержания и т.п.), но определенные (пусть и небольшие) различия, часто неясные даже для комендатур на местах, все же оставались всегда и в определенный момент могли внезапно сыграть решающую роль в судьбе конкретного человека или целой социальной группы.

В первые послевоенные полтора-два года система спецпоселений переживала период, который (с известной долей условности) можно назвать передышкой. Именно на это время основное внимание советского руководства и спецорганов было направлено на те «социально неблагонадежные» категории, которых непосредственно «породила» война – военнопленных неприятельских армий, «вестарбайтеров» (гражданских лиц немецкой и других национальностей из поверженных государств-противников) и собственных граждан-репатриантов.

8 января 1945 года СНК СССР принял два важных постановления: «Положение о спецкомендатурах НКВД» (№ 34-14с) и «О правовом положении спецпереселенцев» (№ 35). Эти нормативные документы, на первый взгляд, значительно смягчали режим для спецпереселенцев: им, например, возвращалась часть гражданских прав, кроме свободы выбора места проживания и свободы перемещения (104). 28 июля 1945 года вышло постановление СНК СССР № 1927 «О льготах спецпереселенцам», касавшееся главным образом сельскохозяйственного налогообложения(105).

Однако вместо логичного, казалось бы, продолжения либерализации режима последующие годы принесли, напротив, еще большее его ужесточение и, соответственно, более чем полумиллионный «прирост» численности спецпоселенцев. По состоянию на 1 января 1953 года было отмечено максимальное единовременное число спецпоселенцев в стране – 2.753.356 (на ту же дату в лагерях и колониях ГУЛАГа, по официальным данным, содержалось немногим меньше людей – 2.472.247) (106).

Уже летом и осенью 1945 года в места спецпоселений прибыли к своим семьям тысячи мобилизованных военнослужащих Красной Армии. Местные органы НКВД поначалу находились в затруднительном положении, не зная, как поступить с этими людьми, пока из ОСП НКВД СССР не последовало разъяснение, согласно которому демобилизованные военнослужащие, прибывшие к своим родственникам-спецпереселенцам, ставились на учет спецпоселений, но с правом свободы выбора места жительства и работы в

пределах данной области (края) и с правом перевозить свои семьи к себе из других мест спецпоселений (107).

Основное пополнение системы спецпоселений в период 1945-1948 годов производилось за счет массовой репатриации советских граждан из Германии и из других европейских стран. Прежде всего отправлялись на спецпоселение репатрианты, относившиеся по национальному признаку к «наказанным народам» (немцы, калмыки, крымские татары, чеченцы и т.п.). Еще до окончания войны, 19 февраля 1945 года, в распоряжении Отдела спецлагерей НКВД СССР указывалось, что освобождаемые из спецлагерей (проверочно-фильтрационных лагерей - ПФЛ) НКВД калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, армяне, болгары, а также проживавшие ранее в пограничных районах Грузинской ССР турки, курды и хемшилы «после прохождения спецпроверки ОКР «СМЕРШ» в райвоенкоматы и постоянные кадры промышленности не передаются, а «подлежат направлению к месту жительства их семей, родных и близких» (108).

В общей сложности после войны были взяты на учет спецпоселений 210.600 репатриированных немцев (включая членов их семей, никогда не находившихся за границей) (109). В послевоенные годы численность спецпоселенцев-немцев увеличилась и за счет «обратного» перевода в этот статус «трудмобилизованных» (120.192 человека)(110).

В течение 1946-1951 годов ранее не подвергавшиеся выселению немцы – местные жители Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии и некоторых других регионов СССР были взяты на учет спецпоселений по месту своего постоянного жительства. 27 декабря 1951 года вышел приказ МГБ и Прокуратуры СССР о распространении на спецпоселенцев – «местных немцев» уголовной ответственности по части 2 статьи 82 УК РСФСР за побег из спецпоселения(111). Подконтингент «местные» в составе «немецкого» контингента спецпоселенцев насчитывал более 110.000 человек.

Приводимое в официальной статистике количество «местных» немцев далеко не соответствует действительной численности местного немецкого

населения указанных регионов, поскольку десятки тысяч лиц этой национальной категории так и не были взяты на учет спецпоселений. Так, в Омской области из 46.336 местных жителей немецкой национальности в статус спецпоселенцев были зачислены только 1.142 человека, то есть менее 2,5 процента, в Алтайском крае – 1.130 из 17.567 (6,4 процента), в Чкаловской (Оренбургской) области – лишь 399 из 14.300 (2,8 процента). Таким образом, «ресурс» для пополнения системы спецпоселений по этой категории оставался – и весьма значительный (в десятки тысяч человек) (112).

В 1946 году появился новый, довольно многочисленный контингент спецпоселенцев под названием «власовцы», которые до этого содержались в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД-МВД СССР и (частично) в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ГУЛАГа. Эти люди направлялись (по постановлениям ГКО от 18 августа 1945 года № 9871сс, СНК СССР от 21 декабря 1945 года № 3141-950сс и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 года № 691-271сс - о переводе на спецпоселение «сроком на 6 лет «власовцев», лиц, служивших в строевых формированиях немецкой армии, легионеров и полицейских») из ПФЛ на спецпоселение в Казахскую ССР, в Бурят-Монгольскую и Коми АССР, в Красноярский край, в Иркутскую, Кемеровскую и Молотовскую области (113).

Наиболее полные сведения об общем количестве поступивших на спецпоселение «власовцах» приведены в справке 4-го отделения 3-го отдела МГБ СССР, датированной 24 октября 1951 года, согласно которой в период 1945-1951 годов на учет поселения были приняты 177.573 «власовца», из них: в 1945 году – 4.985, в 1946 году – 132.479, в 1947 году – 30.751, в 1948 году – 4.575, в 1949 году – 3.705, в 1950 году – 2.078, в первой половине 1951 года – 316 (114).

После кратковременного и относительного «ослабления» (1945-1946 годы) внутренняя репрессивная политика сталинско-советского режима, в том числе практика принудительных переселений, вновь активизировалась в 1947-м и заметно усилилась в 1948 году. Особую роль в этом сыграл Указ Президиума

Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» (115).

Данным указом на лиц, еще отбывавших срок уголовного наказания в особых лагерях и тюрьмах, по истечении этого срока накладывалась новая карательная мера: ссылка на поселение – на Дальний Восток (Колыма), в Сибирь (Красноярский край и Новосибирская область, причем – не южнее 50 километров к северу от Транссиба) и в Казахстан (кроме Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей). Существенно, что этот указ наделялся обратной силой и распространялся в том числе на тех, кто уже успел освободиться из тюрем и лагерей в интервале между окончанием и выходом указа (решения по таким лицам принимались Особым совещанием при МГБ СССР) (116).

В результате, несмотря на происходившее параллельно крупномасштабное освобождение из спецпоселения значительной части «бывших кулаков» и «власовцев», общая численность спецпоселенцев в конце 1940-х – начале 1950-х годов не только не уменьшалась, но из года в год неуклонно увеличивалась: количество вновь направляемых на спецпоселение неизменно превышало число освобождаемых оттуда. Так, за 1946-1952 годы на спецпоселение поступили 678.010 человек, в том числе: в 1946-1947 годах – 255.198, в 1948 году – 89.261, в 1949 году – 221.231, в 1950 году – 43.738, в 1951 году – 45.723, в 1952 году – 22.859 человек (117).

Основной поток «пополнения» шел из упоминавшейся «зоны пакта» - из Западной Украины, Прибалтики, Правобережной Молдавии, то есть из тех территорий, население которых после войны противилось (в том числе и с оружием в руках) политике «советизации» и «коллективизации».

Так, к началу 1953 года численность спецпоселенцев контингента «оуновцы» превысила 175.000 человек(118).

К ноябрю 1948 года на спецпоселении были учтены 47.534 депортированных в 1945-1948 годах из Литвы («кулаки», а также члены семей «бандитов» и «бандпособников»), в начале 1949 года – 49.331 человек(119).

Наиболее масштабная депортация из Прибалтики в целом была осуществлена в марте 1949 года (спецоперация «Прибой») – на основании постановления Совета Министров СССР от 29 января 1949 года № 390-138сс «О выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР «кулаков с семьями, семей бандитов и националистов» (120). В результате спецоперации «Прибой» были депортированы на спецпоселение 94.305 человек (26.512 мужчин, 41.771 женщина и 26.092 ребенка), в том числе: из Латвии – 41.862, из Литвы – 31.908, из Эстонии – 20.535 (121). Направлялись они в Иркутскую (25.834 человека), Омскую (22.542) и Томскую (16.065) области, в Красноярский край (13.823 человека), Новосибирскую (10.064) и Амурскую (5.451) области и в некоторые другие регионы (122).

В общей сложности за период 1945-1949 годов из Прибалтики были выселены более 143.600 человек, в том числе: из Литвы – свыше 81.200, из Латвии – почти 41.900, из Эстонии – немногим более 20.500 (123). Кроме того, 5 сентября 1951 года было принято постановление Совета Министров СССР № 3309-1568сс о выселении «навечно кулаков с семьями из Литовской ССР за враждебные действия против колхозов». К 1 июля 1952 года по этому постановлению были выселены 18.057 человек(124).

К «прибалтийским» депортациям примыкает и проведенная в первой половине 1950 года высылка в Хабаровский край «антисоветского элемента» из входивших ранее в состав Латвии (Пыталовского) и Эстонии (Печорского и Качановского) районов Псковской области (1.415 человек)(125).

В общем итоге за 1940-1951 годы из Прибалтики на спецпоселение были отправлены 203.590 человек, в том числе: из Литвы – 118.509, из Латвии – 52.541, из Эстонии – 32.540(126).

К середине 1949 года ряды спецпоселенцев пополнились новыми контингентами, выселены из Южного Приднестровья и Западной Молдавии (35.796 человек) (127).

Одновременно была продолжена очистка Черноморского побережья РСФСР (Краснодарский край, Крым) и Украины (Одесская область), а также Грузии, Азербайджана и Армении в целом от «политически неблагонадежных элементов». В решении ЦК ВКП(б) от 17 мая 1949 года и в постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1949 года № 2214-856сс говорилось о выселении армян-«дашнаков», а также турок и греков (турецких и греческих граждан, турок и греков без гражданства и бывших турецких и греческих подданных, принятых в советское гражданство). По учету ОСП МВД СССР этот «контингент» условно именовался – «с Черноморского побережья», хотя такой термин значительно суживал географию этой депортации, проведенной в июне 1949 года. Греки выселялись в основном в Казахскую ССР (Южно-Казахстанская и Джамбулская области), «дашнаки» – в Алтайский край, турки – в Томскую область (при этом в местах вселения турки-османы, как правило, смешивались с турками-месхетинцами и практически «растворились» среди них). В общей сложности на спецпоселение поступили 57.680 человек, выселенных в 1949 году «с Черноморского побережья», в том числе 15.485 армян-«дашнаков» (128).

Существенным моментом является то, что все контингенты, депортированные в 1949 году из Прибалтики, Молдавии и с Черноморского побережья, были отнесены к категории «выселенных навечно» («выселенцы»)(129). В октябре-ноябре 1948 года вновь были взяты на учет спецпоселений поляки, выселенные в 1936 году (21.003 человека)(130).

С 1948 года на спецпоселении появился новый контингент - крестьяне-«указники» (или так называемые «тунеядцы»). По инициативе первого секретаря Компартии Украины Н.С.Хрущева 21 февраля 1948 года Совет Министров СССР принял постановление «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и

ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Н.С.Хрущеву удалось убедить И.В.Сталина распространить эту практику на всю страну, и 2 июня 1948 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» (131).

Выселялись, как правило, колхозники - за невыработку обязательного минимума трудодней, что трактовалось как «уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве». Срок высылки - 8 лет. Решения о выселении («общественные приговоры») выносились так называемыми «общественными судами», роль которых брали на себя общие колхозные собрания или сельские сходы. «Общественные приговоры» представлялись сельсоветами и утверждались райисполкомами. 16 сентября 1948 года вышло распоряжение Главного управления милиции МВД СССР об изъятии военных билетов у лиц, выселенных по Указу от 2 июня 1948 года (132).

В 1948-1952 годах на спецпоселение (как правило, за Урал) поступили 33 266 выселенных по этому Указу (в 1948 году - 27 335, в 1949 году - 4 756, в 1950 году - 675, в 1951 году - 240 и в 1952 году - 260 человек) (133). Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 15 июля 1949 г. приведены в *Приложении 4*.

До 20 марта 1953 года из спецпоселения были освобождены 3 195 выселенных по Указу от 2 июня 1948 года - как «неправильно высланные» (в 1948 году - 596, в 1950 году - 816, в 1951 году - 1 327, в 1952 году - 974, в январе-марте 1953 года - 202 человека) (134). Освобождались те лица, в отношении которых было установлено, что они не выработали обязательного минимума трудодней из-за инвалидности, наличия грудных детей и по другим «уважительным причинам». Например, в июле 1948 года по «общественному приговору» колхоза имени И.В.Сталина Краснинского района Орловской области за «злостное уклонение от общественного труда в колхозе» были выселены Т.Л.Манаенков, его жена и сын. 19 октября 1950 года Орловский

облисполком отменил приговор о выселении Манаенковых, так как «они не являлись членами колхоза». Т.Л.Манаенков с 1926 года до его выселения работал в советских учреждениях Краснинского района, его жена – домохозяйка – являлась инвалидом 2-й группы, а сын работал на железнодорожном транспорте (135).

Общественные суды нередко выносили суровые и несправедливые приговоры в отношении инвалидов и больных неизлечимым недугом, которые по состоянию здоровья не могли выработать требуемого максимума трудодней. Так, 9 июня 1948 года из колхоза «Первое Мая» Валуйского района Курской области по «общественному приговору» была выселена Е.П.Левашова. По протесту прокурора 20 июня 1950 года приговор был отменен по тем мотивам, что Е.П.Левашова «являлась инвалидом 2-й группы, болела хроническим суставным ревматизмом и субкомпенсированным пороком сердца»(136).

Не менее бесчеловечно поступали «общественные суды», когда выносили приговоры о выселении женщин с грудными детьми: 3 июля 1948 года по «общественному приговору», утвержденному Зольским райисполкомом Кабардинской АССР, за невыработку обязательного минимума трудодней была выселена Т.Х.Хуранова, которая в момент выселения имела двухмесячного ребенка. 16 июня 1951 года Зольский райисполком отменил свое решение о выселении Т.Х.Хурановой (137).

Пополнение спецпоселений продолжалось и в 1950-1952 годах.

Общее количество принудительно депортированных в послевоенные годы, по имеющимся данным, может быть оценено примерно в 380.000-400.000 человек (138). География их выселения во многом напоминала структуру последнего военного двухлетия, но при этом основной акцент был перенесен на закрепленное Потсдамскими (1945 года) соглашениями западное приграничье СССР. В то же время произошел определенный сдвиг и в географии вселения: все более заметная роль отводилась Сибири, тогда как роль Казахстана и Узбекистана несколько ослабла.

Одновременно на протяжении второй половины 1940-х и в начале 1950-х годов все более отчетливо проявлялись тенденции «размывания» системы спецпоселений – как предпосылка ее окончательного распада в последующий период (в основном в середине 1950-х годов). Продолжался «ползучий» процесс освобождения из спецпоселения отдельных его «контингентов».

Так, по специальной директиве НКВД СССР от 28 января 1946 года были сняты с учета финны и ингерманландцы, выселенные в 1942 году из Ленинграда и его окрестностей в Якутию, Красноярский край и Иркутскую область). Там их, собственно, и оставили, но уже не на спецпоселение, а на жительство – как «высланных в административном порядке в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года («социально опасный элемент», высланный из областей, объявленных на военном положении») (139).

24 октября 1951 года приказом МГБ СССР № 00776 был определен порядок освобождения из спецпоселения «власовцев». В соответствии с этим приказом, к 1 июля 1952 года были сняты с учета спецпоселения около 34.500 «власовцев». При этом, помимо представителей депортированных народов, на спецпоселении оставлялись также те «власовцы», члены семей которых по решениям Особого совещания при МВД-МГБ СССР были высланы как «бандпособники» из Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии. Таких лиц было выявлено и оставлено на спецпоселении навечно (в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года) – 5.819(140).

Что касается общего числа освобожденных «власовцев», то на этот счет в документах МВД и МГБ СССР приводятся разные данные: справка Отдела «П» МВД СССР (на 1 января 1953 года) – 87.631 человек; справка того же отдела (за 1951-1952 годы) – 88.098 человек (причем обе справки были подготовлены почти одновременно – в марте 1953 года); справка 9-го управления МГБ СССР (январь 1953 года) – 93.446 человек; наконец, докладная записка 9-го

управления МГБ СССР от 31 октября 1952 года (данные на 15 сентября 1952 года) – 95.553 человека(141).

При этом во всех упомянутых документах не приводится никаких пояснений, которые позволяли бы судить о том, чем вызваны столь существенные статистические расхождения. В любом случае, за минимальное число освобожденных «власовцев» вполне допустимо принять данные, приведенные в первом из названных официальных источников. Окончательно категория «власовцев» перестала существовать лишь в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» (142).

В послевоенный период продолжался и нарастал процесс освобождения спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки». Начало этому процессу было положено еще в 1938 году, и до сентября 1946 года его нормативную базу составляли: постановление СНК СССР от 22 октября 1938 года № 1143-280с (об освобождении детей спецпереселенцев по достижении 16-летнего возраста); постановление ГКО от 11 апреля 1942 года № 1575сс (о призыве трудпоселенцев на военную службу); директива НКВД СССР от 22 октября 1942 года (об освобождении из трудссылки призванных в Красную Армию и их жен и детей); директива НКВД СССР от 25 мая 1944 года (о снятии с учета спецпоселений детей спецпереселенцев – «бывших кулаков», направленных в школы ФЗО и ремесленные училища).

В результате за период с 1 июля 1938 года по 1 октября 1945 года численность спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» сократилась с 997.329 до 606.819 человек (143).

В 1946-1951 годах в ряде областей, краев и республик местные партийно-советские органы власти возбудили ходатайства о полном освобождении «бывших кулаков» из спецпоселения, приводя, как правило, при этом следующие аргументы: большинство «бывших кулаков» - люди пожилые и престарелые, они смирились со своей участью, «положительно проявили себя

во время войны», «не агитируют против Советской власти и больше не представляют социальной опасности».

Во многих ходатайствах отмечалось также, что «занятые в народном хозяйстве спецпереселенцы-«бывшие кулаки» добросовестно трудятся». В подоплеке же этих аргументов просматривается прагматичное стремление местных функционеров, с одной стороны, снять с себя хотя бы часть становившегося все более тяжким бременем по содержанию спецпоселенческой системы, а с другой стороны - решить (за счет и после ликвидации этой системы) некоторые конкретные социально-экономические проблемы регионов. В этом с ними солидаризировалось, как это ни парадоксально на первый взгляд, и МВД СССР (144).

Инициативу проявил Ставропольский крайком ВКП(б), направивший 11 июня 1946 года соответствующее ходатайство на имя Председателя Совета Министров СССР И.В.Сталина. Речь шла «о снятии всех ограничений с 23.302 спецпереселенцев, в том числе 7.538 мужчин, 9.327 женщин и 6.437 детей до 16-летнего возраста» и об «упразднении комендатуры МВД в спецпоселках» Ставропольского края (145). И.В.Сталин «переадресовал» данное ходатайство своему заместителю Л.П.Берии, который, в свою очередь, поручил «рассмотреть вопрос и представить свои предложения» руководству МВД СССР(146). Вопрос был рассмотрен, и 13 августа 1946 года Совет Министров СССР принял подготовленное в МВД СССР постановление № 1767-769сс «Об отмене особого режима в спецпоселках Ставропольского края», а 10 дней спустя вышел соответствующий приказ МВД СССР (147).

К концу сентября 1946 года эта работа была завершена, что констатировалось в рапорте начальника ОСП МВД СССР М.В.Кузнецова от 1 октября 1946 года: «Особый режим в спецпоселках Ставропольского края снят, спецпереселенцы бывшие кулаки из спецпоселения освобождены. Спецкомендатуры МВД ликвидированы. Личный состав Отдела спецпоселений УМВД, райотделений и спецкомендатур МВД обращается на укомплектование аппаратов УМВД по Ставропольскому краю»(148).

За период с августа 1946 года по январь 1952 года на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 регионах спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и представителей некоторых других «наказанных» национальностей) сняты со спецучета (149). Всего по этим постановлениям получил освобождение 408.391 человек (в том числе в Кировской области – 2.264) (150).

Указанные постановления Совета Министров СССР исполнялись по специальным приказам МВД СССР (с конца 1950 года – МГБ СССР) об отмене «особого режима» в отношении «бывших кулаков». Всего за период с августа 1946 года по январь 1952 года вышли 14 таких приказов. В соответствии с этими приказами бывшим спецпоселенцам выдавались справки для получения паспортов на общих основаниях. На министров внутренних дел республик и начальников территориальных УМВД возлагалась обязанность передать литерные дела, агентурные разработки и агентурно-осведомительную сеть по «бывшим кулакам» органам МГБ-УМГБ «по территориальности». ОСП МВД СССР обязан был контрольно-наблюдательные дела по «бывшим кулакам» после снятия их с учета спецпоселений передавать в 1-й спецотдел МВД СССР (151).

Процесс количественного сокращения «кулацкой ссылки» развивался последовательно и неуклонно. В общей сложности в 1941-1952 годах были освобождены 882.622 спецпоселенца контингента «бывшие кулаки», в том числе: с 1 января 1941 года по 1 октября 1948 года – 810.614; с 1 октября 1948 года по 1 октября 1949 года – 21.824; с 1 октября 1949 года по 1 января 1950 года – 7.628; в 1950-1952 годах – 42.556(152). Стремительно сокращалась численность спецпоселенцев – «бывших кулаков». Она составляла: на 1 апреля 1947 года – 481.186 человек; на 1 января 1948 года – 210.556; на 1 октября 1949 года – 115.112; на 1 января 1950 года – 108.386; на 1 января 1952 года – 42.166; на 1 января 1954 года – 17.121 (мужчин – 5.201, женщин – 7.079, детей – 4.840)

(153). Практически «кулацкая ссылка» прекратила свое существование в середине 1950-х годов, но формально ее исключение из учета спецпоселений произошло лишь в конце этого десятилетия (154).

И все же, несмотря на массовое освобождение ряда контингентов, к началу 1950-х годов система спецпоселений в СССР достигла своего количественного пика. По данным на 1 января 1953 года, на спецучете состояли 2.753.356 человек, из них в наличии были 2.694.197. Подробная статистика по контингентам спецпоселенцев представлена в таблице 2.

Таким образом, к 1953 году на спецпоселении содержалось максимальное число людей за весь советский период отечественной истории. Способствовали тому прежде всего новые сверхжесткие репрессивные меры центральных властей, предпринятые в конце 1940-х годов. Характерно, что учет депортируемых велся и в Москве и на местах именно по потокам, шедшим на поселение во исполнение какого-то конкретного указа, распоряжения или комплекса директивных документов, посвященных одному этносу или социальному слою.

Если предвоенными депортациями И.В.Сталин и его окружение готовили к войне с Германией и Японией приграничные области, а в период Великой Отечественной войны принудительным переселением немцев, калмыков, северокавказских и других народов пытались страхом и насилием скрепить единство этносов страны перед реальной угрозой ее целостности и независимости, то в послевоенные годы они просто мстят «предавшим», по их мнению, категориям населения («власовцы», бывшие военнопленные, репатрианты и т.п.) и «советизируют» вновь присоединенные к СССР страны и территории (Прибалтика, западные регионы Украины, Белоруссии и Молдавии). Чистка приграничных территорий является также одним из весомых доказательств того, что И.В.Сталин и его окружение всерьез готовились к войне с США.

Система спецпоселений являла собой воистину смешение этносов и народов, подлинный «интернационал», где (и вполне естественно) симпатии

составлявших его подневольных социумов были явно не на стороне коммунистических идей и тем более - советской власти, лишившей их свободы и родной земли. Сегодня можно лишь с сожалением констатировать, что в определенной мере спецпоселения 1940-х - 1950-х годов принесли, с точки зрения идеологии, результат, обратный тому, который от них ожидали в Кремле: они стали школой национализма и прежде всего в тех местах, где находились наиболее компактные и однородные группы репрессированных этносов.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшая численность русских на спецпоселении – 56.589 человек в возрасте 17 лет и старше, или 3,1 процента от общего списочного состава по этой возрастной категории (155). Если в ГУЛАГе они составляли львиную долю лагерного населения (в разные годы – от 52,5 до 58,9 процента), то в спецпоселениях число их сравнительно невелико. В основном (после практической ликвидации «кулацкой ссылки»), они составляли лишь две категории спецпоселенцев: «власовцы» (подавляющее большинство) и крестьяне-колхозники, не выработавшие установленный минимум трудодней и сосланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года (так называемые «тунеядцы») (156).

Что касается географии размещения спецпоселений в СССР (по состоянию на 1 января 1953 года), то самой обширной депортационной зоной страны стал степной и малолюдный прежде Казахстан: на поселении там находился почти 1.000.000 человек. Около половины из них составляли немцы, а преобладающую часть другой половины - чеченцы и ингуши. Основные сферы труда - горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство.

Более 380.000 спецпоселенцев - в среднеазиатских республиках, из них в Узбекистане - около 190.000 человек, из которых основная часть - «крымчане», а также турки-месхетинцы.

На втором (после Казахстана) месте из регионов страны по количеству спецпоселенцев - Западная Сибирь. Это - и шахты Кузбасса, и промышленные предприятия, и леспромхозы, и сельское хозяйство. Здесь

находились на учете поселения около 758.000 человек (из них немцев - более 400.000), в том числе: в Кемеровской области – около 122.000 (64.653), в Красноярском крае - более 151.000 (62.443), в Алтайском крае – около 139.000 (97.616), в Новосибирской области - более 110.000 (78.873), в Томской области - более 80.000 (26.006), в Омской области - более 87.000 (42.299), в Тюменской области - около 69.000 (28.695).

Следующий по значимости регион ссылки - Урал. Здесь на учете спецпоселения значились около 230.000 человек. В том числе: в Молотовской области - более 87.000 человек, в Свердловской области - более 77.000, в Челябинской области – около 53.000, в Оренбургской области – более 13.000 человек. Объекты «трудоиспользования» спецпоселенцев: прежде всего – тяжелая промышленность, а также лагеря и стройки МВД СССР.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке спецпоселенцев было меньше – около 192.500 человек. В Иркутской области находились около 92.000, в Амурской области - около 17.000, в Читинской области - более 10.000, в Сахалинской области - около 3.500, в Приморском крае - более 2.000, в Хабаровском крае - около 36.000, в Якутии - около 18.000, в Бурятии - около 14.000 человек. Отдельно зафиксированы здесь около 30.000 спецпоселенцев Дальстроя МВД СССР (Магаданская область) – как неотъемлемая составная часть населения «лагерной империи» Колымы.

На Европейском Севере России (в отличие от первого - «кулацкого» - периода ссылки) в ходе депортации «наказанных» народов размещено значительно меньше спецпоселенцев – около 72.500 человек. Из них: в Архангельской области - более 17.000, в Вологодской области - более 10.000, в Костромской области - около 9.000, в Кировской области - более 11.000, в Мурманской области – более 1.500, в Коми АССР - более 24.000 человек. Трудоустройство: лесная промышленность (леспромхозы и лесные лагеря ГУЛАГа), шахты (Коми АССР), сельское хозяйство.

В Поволжье и Приуралье больше всего спецпоселенцев в Башкирской АССР - около 19.000, в Марийской АССР - более 11.000, в Удмуртской

АССР - более 11.500, в Куйбышевской области - около 6.000, в Горьковской области - более 4.500, в Татарской АССР - около 2.000 человек. В основном это так называемые «местные» немцы, поставленные на учет спецпоселения после войны, а также «власовцы», «закрепленные» на стройках и заводах.

В центре страны спецпоселенцы работали на стройках, заводах и в шахтах Тульской (более 15.000 человек), Московской (более 7.000), Ивановской (более 2.000) и Рязанской (около 1.600) областей. В западных регионах СССР и РСФСР, а также на основной части территории юга России поселенцев не было вообще (157). Кроме того, для десятков тысяч спецпоселенцев (на 1 января 1953 года – 25.911 человек) «местом обязательного жительства» являлись лагеря и «спецстройки» системы ГУЛАГа МВД СССР (158).

Таким образом, идеология и политика расселения «наказанных» народов и социумов предусматривали водворение их в относительно пустынные и малонаселенные окраинные регионы страны, промышленность и сельское хозяйство которых остро нуждались в «рабочей силе». При этом только в «центре» определяли приоритетность развития тех или иных территорий, учитывая, естественно, уже сложившуюся в 1930-е годы инфраструктуру сети спецпоселений и лагерей СССР. В результате, по данным на конец 1940-х годов, в сельском хозяйстве, если применять юридическую терминологию того времени, «отбывали трудовую повинность» 1.014.270 спецпоселенцев, на угледобыче - 212.294, в лесной промышленности - 180.405, в других отраслях «народного хозяйства» - 752.832, а на предприятиях МВД СССР - 95.619 человек (159).

Следовательно, более половины взрослых поселенцев работали в сельском хозяйстве - в зонах неблагоприятного для земледелия климата, в условиях подневольного труда и плохо организованного, низкотехнологичного, малопродуктивного производства.

Последний этап в истории спецпоселений - период с марта 1953 года до конца 1950-х годов – находится вне хронологических рамок настоящего исследования. Вместе с тем нельзя не отметить, что это - время подготовки и

проведения массовых амнистий, последовательного освобождения поселенцев и ссыльных, а в конечном итоге - ликвидации структуры спецпоселений и ссылки как системы массовых репрессий против граждан СССР (хотя рецидивы этой политики и практики давали о себе знать и в последующие годы - кампания против тунеядства, бродяжничества, диссидентов и т.п.) (160).

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ.

2.1. Особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях.

Нормативная и организационная инфраструктура системы спецпоселений в СССР была в основном создана к середине 1930-х годов. Если 1930-1932 годы - это период массового переселения «раскулаченных», то 1933-1936 годы - время формирования устойчивой сети спецпоселений, их административно-хозяйственного устройства, разработки нормативных документов о спецпоселках и спецпереселенцах, что явилось базой для еще более масштабных принудительно-депортационных акций в 1940-х годах.

До июля 1931 года за начальную стадию переселения (организацию высылки «раскулаченных» и транспортные перевозки) отвечали органы ОГПУ, организация специальных поселков, управление ими и использование «контингентов» в качестве «рабочей силы» осуществлялись под руководством и контролем региональных органов исполнительной власти (в республиках, краях и областях), а административным управлением спецпереселенцами и использованием их труда ведали комендантские отделы при территориальных органах милиции (НКВД-УНКВД).

Впоследствии (в частности, постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 года «Об устройстве спецпереселенцев», постановлениями СНК СССР от 16 августа 1931 года № 174с, от 20 апреля 1933 года № 775/146с и от 21 августа 1933 года № 1796/393с) весь комплекс вопросов спецпоселений был возложен на ОГПУ-НКВД СССР (1).

Подробное представление о том, что включал в себя этот комплекс, дает директива ГУЛАГа ОГПУ от 6 июля 1931 года, в которой определяется

перечень разделов, по которым полномочные представители ОГПУ на местах обязаны были представить соответствующую информацию. Эти разделы формулировались следующим образом:

- «1. Дислокация спецпоселений.
2. Административный аппарат Управления спецпоселений и их охрана.
3. Жилищное состояние.
4. Экономическое положение спецпереселенцев.
5. О спецпереселенцах, занятых в сельском хозяйстве.
6. Продовольственное и промтоварное снабжение.
7. Медицинское обслуживание.
8. Культобслуживание.
9. Работа среди молодежи.
10. Настроение кулачества» (2).

Таким образом, процитированная директива ГУЛАГа ОГПУ охватывала, по сути, весь комплекс вопросов, связанных с управлением спецпоселками и с положением спецпереселенцев при передаче их в полное ведение ОГПУ. Этот круг вопросов (с несущественными модификациями при смене кураторов - от НКВД до МГБ) оставался определяющим для системы спецпоселений и в последующие годы.

Поскольку на первоначальном этапе «кулацкой ссылки» отсутствовали общегосударственные нормативные документы, определявшие порядок последепортационного содержания выселенных, то местные органы власти (в краях и областях) разрабатывали и принимали собственные директивные установления в этой сфере(3).

Первым общегосударственным нормативным актом, регламентировавшим порядок управления спецпоселками и содержания спецпереселенцев в них, явилось постановление ЦИК и СНК СССР «О специальных поселках», принятое 3 октября 1930 года, то есть более чем семь месяцев спустя после начала массового выселения(4).

Весной 1931 года, с началом нового этапа высылки «раскулаченных» крестьян, меняется и вся система управления спецпоселениями. В отличие от практики предшествующего периода, когда органы ОГПУ отвечали только за начальную стадию переселения, весенне-летняя операция 1931 года полностью, включая расселение, хозяйственное устройство и использование труда высланных, переходила в ведение ОГПУ.

15 мая 1931 года специальная комиссия ЦК ВКП(б), руководившая выселением и расселением «кулаков» («комиссия Андреева»), принимает решение: «ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в содержании хозорганами... передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение». Было предложено организовать для этой цели «специальный аппарат управления при ОГПУ» и при его территориальных полномочных представительствах (ПП). Производственное использование спецпереселенцев органами ОГПУ должно было «производиться как путем заключения специальных договоров с отдельными хозорганами, так и непосредственно организацией различных хозяйственных предприятий» (5).

Приказом ОГПУ от 3 июня 1931 года № 285/162 для «чекистского наблюдения» за районами выселения «кулаков» был сформирован отдел по спецпоселениям (ОСП) в составе ГУЛАГа ОГПУ СССР. В течение 1931 года, в соответствии с отдельными приказами ОГПУ в ряде полномочных представительств, на подведомственной территории которых располагались спецкомендатуры и поселки для административно высланных и ссыльных, создавались инспекции или отделы по спецпоселенцам (6).

Государственно-нормативное оформление новой системы управления системой спецпоселений было закреплено постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 года № 130сс «Об устройстве спецпереселенцев», которое поручало «ОГПУ административное управление всеми спецпереселенцами и хозяйственное использование их труда» (7). Местные комендантские отделы

НКВД подлежали реформированию. Вместо них, а зачастую на основе их штатов, создавались отделы спецпоселений (ОСП) - структурные подразделения в составе Главного и территориальных управлений исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. Причем, в отличие от НКВД РСФСР, ОГПУ с самого начала добилось права распоряжаться по своему усмотрению значительными материальными и денежными фондами и ресурсами, а также контролировать распределение средств, отпущенных хозяйственными организациями на нужды спецпереселенцев (8).

В свою очередь, ОГПУ СССР 25 октября 1931 года утвердило «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Положение состоит из восьми разделов, регламентирующих права и обязанности спецпереселенцев и комендатур ОГПУ, порядок привлечения к ответственности спецпереселенцев за уголовные преступления, прокурорского надзора, регистрации актов гражданского состояния. В качестве дополнения к основному документу прилагалась инструкция «О формах привлечения спецпереселенцев к охране порядка в поселках и выполнению общественных и административных функций» (9).

Аспекты правового положения спецпоселенцев детально рассматриваются в параграфе четвертом настоящей главы. Что же касается вопросов административного управления спецпоселениями, то во вводной части «Временного положения» указывается, что для его осуществления, а также для организации «труда и быта» спецпоселенцев создаются поселковые комендатуры ОГПУ, которые подчиняются «или непосредственно отделам по спецпереселенцам при ПП ОГПУ или участковым и районным комендатурам (в зависимости от местной структуры)». Комендатуры ОГПУ, помимо своих оперативных и хозяйственных функций, осуществляют «обычные административные функции, присвоенные советским органам в населенных местах, руководствуясь положением о сельсоветах».

Прежде всего, комендатуры ОГПУ, которые «в части выполнения ими функций сельсоветов» обязаны были работать «под руководством райисполкомов», являлись проводниками в спецпоселках «законов СССР, распоряжений правительства и местных органов власти, касающихся всех граждан и спецпереселенцев в том числе».

При этом органы ОГПУ, управляющие спецпоселениями, выстраивались в следующую структуру:

- а) поселковые комендатуры;
- б) участковые и районные комендатуры;
- в) отделы по спецпереселенцам ПП ОГПУ.

Широкие права предоставлялись комендантам спецпоселков. Они вырабатывали «правила внутреннего распорядка поселка», которые после «утверждения отделом по спецпереселенцам при ПП ОГПУ» доводились «до всеобщего сведения жителей поселка как обязательное административное постановление». Поселковые коменданты закрепляли семьи спецпереселенцев за определенными домами, вели точный учет этих семей, «производя систематическую проверку наличия прикрепленных».

Коменданты по своему усмотрению определяли выбор места и характер работ для спецпереселенцев, давали разрешение на использование спецпереселенцев на тех или иных видах хозяйственных работ, следили за «точным выполнением хозяйственными организациями всех обязательств в отношении спецпереселенцев», «за выполнением спецпереселенцами трудовых обязательств по работе в промышленности и в собственном хозяйстве». По указанию комендантов определялась величина продовольственных фондов для снабжения спецпереселенцев, а также нормы их распределения для «нетрудового населения». В обязанности коменданта вменялся контроль за «политическим и общественным порядком». В случае нарушения спецпереселенцами «порядка и законов» комендатуры ОГПУ обладали широкими полномочиями по применению административных мер взыскания: они могли переводить спецпереселенцев на более тяжелые и хуже

оплачиваемые работы, подвергать их денежным штрафам (до 10 рублей) и арестам (до 10 суток) (10).

При этом административные взыскания, налагаемые на спецпереселенцев, зависели как от тяжести проступка, так и от прерогативы структурных подразделений ОГПУ в районах спецпоселений. В случае привлечения спецпереселенцев к ответственности в уголовном порядке, комендатуры ОГПУ наделялись правами первичных органов дознания и должны были руководствоваться «соответствующими положениями о них (милиции)» (11).

В приложении к «Временному положению» - специальной инструкции ГУЛАГа ОГПУ – определялись формы привлечения спецпереселенцев к охране общественного порядка в спецпоселках. Для соблюдения этого порядка, в частности, каждый спецпоселок делился на определенное количество участков, во главе которых стояли «старшие участковые» и несколько «исполнителей», выбранных из спецпереселенцев. Они не освобождались от работы и выполняли свои общественные обязанности в свободное время и безвозмездно. «Старшие участковые» объединялись в поселковую «группу содействия» комендатуре ОГПУ, которая являлась совещательным органом при комендатуре и «организованно проводила в жизнь все мероприятия администрации поселка». «Старшие участковые» были обязаны наблюдать за «исполнением обязательных постановлений, издаваемых комендатурой ОГПУ» и «доводить до сведения переселенцев поручения комендатуры», «нести в случае надобности караульную службу», своевременно сообщать комендатуре «о всяких непорядках и происшествиях на участке», и прежде всего «о побегах переселенцев данного участка»(12).

Определенная постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 года и «Временным положением» ОГПУ от 25 октября 1931 года структура спецпоселений сохранялась до весны 1933 года, когда решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 апреля и постановлением СНК СССР от 20 апреля 1933 года № 775/146сс «Об организации трудовых поселений ОГПУ» Главное управление

лагерей ОГПУ было реорганизовано в Главное управление лагерей и трудовых поселений ОГПУ (13).

Начальником вновь образованного Главного управления был назначен М.Д.Берман(14), а его заместителями – Я.Д.Рапопорт (по лагерям) (15) и Фирин-Пупко С.Г. (по трудовым поселениям) (16).

Одновременно предполагалось реорганизовать и всю систему спецпоселений (трудпоселений). ОГПУ было предписано «в двухдекадный срок разработать предложения по этому вопросу». Представленные предложения об организационной структуре трудовых поселений были рассмотрены специально созданной комиссией ЦК ВКП(б) во главе с Л.М.Кагановичем (член Политбюро и секретарь ЦК) и 5 июля 1933 года утверждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

В основу структуры трудпоселений ОГПУ были положены:

- а) создание поселковых и районных комендатур;
- б) организация неуставных артелей труд(спец)поселенцев;
- в) организация социально-бытовых учреждений в спец(труд)поселках.

Основными видами хозяйственной деятельности трудпоселенцев должны быть: сельское хозяйство, промышленное производство, кустарные промыслы и рыболовство.

Первичной административной ячейкой трудпоселения является поселок с населением от 300 до 500 хозяйств, управляемый «комендантом-чекистом, в распоряжении которого имеется три-пять милиционеров». Комендант осуществляет руководство всей жизнедеятельностью поселка (строительство жилищ и коммунально-бытовых зданий, организация хозяйственной деятельности трудпоселенцев, поддержание общественного порядка и трудовой дисциплины, рассмотрение жалоб и заявлений и т.п.). В помощь коменданту создаются поселковые комиссии из трудпоселенцев для «обслуживания поселковых нужд».

Поселковые комендатуры числом от 10 до 20 объединяются районной комендатурой во главе с районным комендантом и двумя его помощниками.

Задачи районной комендатуры аналогичны задачам поселковых комендатур, которые они же и инспектируют. Все трудпоселенцы, как правило, объединяются в неуставные сельхозартели. Для обслуживания сельскохозяйственного производства неуставных артелей в каждом районе трудпоселений организуется МТС, начальник которой является одновременно заместителем районного коменданта ОГПУ. Все руководящие должности в аппарате трудпоселений комплектуются чекистами, «которые ведут все отрасли своей работы на основе полного единоначалия».

9 июля 1933 года это решение Политбюро ЦК ВКП(б) было оформлено как постановление СНК СССР от 21 августа 1933 года № 1796/393с «О трудовых поселках ОГПУ в Западной Сибири и Казахстане», распространенное впоследствии и на другие места расселения депортируемых (17). Через год система управления спецпоселениями претерпела очередные изменения. В 1934 году в связи с образованием НКВД СССР (постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 года) ОГПУ вошло в состав нового наркомата, а на местах полномочные представительства ОГПУ были преобразованы в территориальные управления НКВД (УНКВД) – по краям и областям (приказ НКВД СССР от 11 июля 1934 года № 001) (18).

Руководство трудпоселками и трудпереселенцами на местах осуществлялось отделами трудовых поселений УНКВД, а в центре – Отделом трудовых поселений (ОТП) ГУЛАГа НКВД СССР. Последнее ведомство (с момента его организации и до расформирования) подвергалось различным переименованиям и структурным переподчинениям, но задачи и функции его оставались неизменными. Перечень этих переименований достаточно обширен:

1931-1933 годы - отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ при СНК СССР (приказы ОГПУ от 3 июня 1931 года № 285/162 и от 2 июля 1931 года № 330/198);

1933-1934 годы – отдел трудовых поселений в составе Главного управления лагерей и трудовых поселений ОГПУ-НКВД СССР (постановление

СНК СССР от 20 апреля 1933 года № 775/146сс, приказ НКВД СССР от 21 августа 1934 года № 0044);

1934-1938 годы - отдел трудовых поселений в составе Главного управления лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 29 октября 1934 года № 00122) (19);

1938-1939 годы - отдел трудовых поселений в составе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 29 сентября 1938 года № 00122);

1939-1941 годы - Управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 13 июня 1939 года);

1941-1944 годы - отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР;

1944-1950 годы - отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР;

1950-1953 годы - 9-е управление МГБ СССР (постановление Совета Министров СССР от 14 июля 1950 года № 3077-1286сс);

1953-1954 годы - отдел «П» МВД СССР (приказ МВД СССР от 25 апреля 1953 года);

1954-1959 годы - 4-й спецотдел МВД СССР (расформирован приказом МВД СССР от 27 марта 1959 года № 097, с передачей функций Главному управлению милиции) (20).

Руководителями этого ведомства в разное время являлись: Г.П. Закарьян (1931-1934 годы) (21), комиссар госбезопасности 3-го ранга М.Д. Берман (11 июля 1934 года – 16 августа 1937 года), С.И. Плессе-Вишневецкий (1935-1938 годы, временно исполняющий обязанности) (22), дивизионный интендант И.И. Плинер (16 августа 1937 года – 14 ноября 1938 года) (23), Г.В. Филаретов (16 ноября 1937 года – 18 февраля 1939 года)(24), А.В.Тишков(25), капитан госбезопасности М.И.Конрадов(26), генерал-полковник В.В. Чернышов (18 февраля 1939 года – 26 февраля 1941 года) (27), И.В. Иванов (28 августа 1941 года – 14 ноября 1942 года) (28), полковник госбезопасности М.В. Кузнецов (29), полковник В.В. Шиян (30), полковник Б.В.Новиков (1958 год)(31).

Параллельно со спецпереселенческим ведомством ГУЛАГа существовали также:

- Всесоюзный Переселенческий комитет (до июля 1936 года), а затем (с августа 1939 года) - Переселенческое управление при СНК СССР (32);

- Переселенческий отдел НКВД СССР (приказы НКВД СССР от 22 июля 1936 года № 00340 и от 9 августа 1939 года № 0253; начальники – М.Д.Берман (до 26 октября 1936 года), И.И.Плинер (до 14 ноября 1938 года) (33);

- Отдел спецпоселений НКВД СССР (1941-1942 годы, начальник – И.В.Иванов) (34).

На территориальном уровне (в союзных и автономных республиках, в краях и областях) функционировали, как уже отмечалось, соответствующие отделы полномочных представительств ОГПУ, позднее – территориальных наркоматов или управлений НКВД-МВД-МГБ. Следующий (сверху – вниз) управленческий уровень – районные спецкомендатуры НКВД-МВД-МГБ. А непосредственно на местах спец(труд)поселениями управляли коменданты ОГПУ (затем - НКВД-МВД-МГБ), замыкавшие на себе все властные полномочия по отношению к каждой отдельно взятой и конкретной личности депортированного.

В том случае, когда спецпереселенцев отправляли для трудоустройства в промышленности (на крупные стройки, заводы, шахты и т.п.), на соответствующем предприятии учреждался «спецпереселенческий» отдел, распоряжавшейся этими «специальными рабочими контингентами». Например, в Коми автономной области (АССР) такой отдел существовал при тресте «Комилес». При этом за работу со спецпереселенцами отвечали и штатные сотрудники предприятий. Так, при руководстве Усть-Куломского леспромхоза в 1935 году работу с трудпереселенцами осуществляли непосредственно и/или контролировали ее 12 человек: инспектор, агроном, техник строительства, счетовод-статистик и восемь завхозов. Одновременно переселенцы оставались приписанными к определенной спецкомендатуре - со всеми вытекающими из этого для них обязанностями (35).

На протяжении десятилетия (1935-1944 годы) нормативно-административная база системы спецпоселений не подвергалась сколько-нибудь серьезным изменениям, за исключением отдельных вопросов, относящихся к производственной сфере, и некоторых аспектов нормативного режима для спец(труд)переселенцев контингента «бывшие кулаки».

В июле 1938 года для административного обслуживания 1.741 трудпоселка имелись 150 районных и 800 поселковых комендатур. В 1937 годах аппарат отделов трудовых поселений и комендатур насчитывал более 2.500 человек. Этот аппарат содержался за счет 5-процентных отчислений (до августа 1931 года – 25 процентов, до февраля 1932 года – 15 процентов) из заработной платы трудпоселенцев, занятых в хозяйственных организациях. Так, в 1937 году на содержание аппарата и административное обслуживание трудпоселений было израсходовано 17 миллионов рублей, а 5-процентные отчисления из зарплаты трудпоселенцев составили 27,4 миллиона рублей (36).

Более конкретное представление о состоянии низового административного аппарата спец(труд)поселений дают документы (отчеты, докладные записки и т.п.) территориальных органов управления этой системой. Так, в докладной записке ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в ГУЛАГ ОГПУ «О состоянии дела спецпереселенцев в Восточно-Сибирском крае» (17 июля 1931 года), в частности, сообщается:

«...Данными о социальном составе имеющихся стрелков и комендантов в исчерпывающем виде ... не располагаем, поскольку этого учета в Комендантском Управлении (крайисполкома. – И.Б.) ... не было. Предварительные данные по отдельным Комендатурам свидетельствуют о значительном неблагополучии в этой части. Как среди Комендантов, так и стрелков достаточно широко развито пьянство, половая распущенность, связи с кулачеством, бытовое разложение. Никакой воспитательной работы со стрелками не велось, следствием чего и являются эти недочеты. Штаты охраны и комендатур строились из расчета 1 комендант на 100 семейств и 1 стрелок на 100 человек работающих. По этому расчету на сегодняшний день мы должны

иметь: комендантов 124, имеем 44, не хватает 80, стрелков 396, имеем 127, не хватает 269...

Указанный принцип выделения на поселок в 100 семей одного коменданта и на 100 человек работающих одного стрелка считаем необходимым сохранить и в дальнейшем с тем, чтобы ответственность за побег в значительной степени переложить на самих спецпереселенцев путем ряда организационных мер в этой части...

В порядке использования труда спецпереселенцев от валового их заработка отчисляется 25%. Среднее месячное поступление этих отчислений составляет 200.000 рублей, средний расход в месяц при далеко неукомплектованном аппарате 20.000 рублей. По состоянию на 1-ое июня остаток перечислений составляет 221.787 руб. 64 коп. Все отчисления от зарплаты спецпереселенцев поступают на текущий счет ПП ОГПУ и учитываются Финотделом ПП ОГПУ. Главными предметами расходов за истекшее время являются расходы на содержание стрелковой охраны и комендантского управления (50.000 руб. за 5 мес. 1931 года)...» (37).

Как уже отмечалось выше, вплоть до 1945 года основным нормативным документом, регулирующим систему административного управления спецпоселениями, оставалось «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев», действовавшее с 1931 года. Между тем за истекший период в составе принудительно депортированных произошли коренные структурные изменения. Если еще в середине 1930-х годов среди спецпереселенцев (трудпоселенцев) отсутствовала такая категория, как «депортированные народы», то в 1945 году последних среди почти 2 500 000 спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев и административно высланных насчитывалось примерно 1.800.000, или более 70 процентов (без учета тех категорий выселенных, которые можно квалифицировать как «частичные этнические чистки») (38). Это все более настоятельно требовало внесения существенных коррективов в нормативную базу системы

спецпоселений. Однако такие коррективы были внесены лишь в 8 января 1945 года, одновременно двумя постановлениями СНК СССР: № 34-14с - «О спецкомендатурах НКВД», № 35 – «О правовом положении спецпереселенцев» (39).

В последнем постановлении констатировалось, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР», помимо того, что они должны были в обязательном порядке «заниматься общественно полезным трудом», строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения, подчиняться всем распоряжениям комендатуры НКВД (40).

В другом документе – постановлении СНК СССР № 34-14с – регулировались отношения спецпереселенцев с органами государственной власти. В утвержденном этим постановлением «Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» цели создания и функционирования последних определялись как «обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и предотвращение побегов спецпереселенцев с мест их поселения, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством»(41).

Это «Положение» введено в действие приказом НКВД СССР от 7 февраля 1945 года(42). Именно и непосредственно на спецкомендатуры возлагались задачи по агентурно-оперативному «обслуживанию» переселенцев и ссыльных, предупреждению побегов, розыску и выявлению антисоветских и уголовных элементов, ведению агентурных разработок и дел по преступлениям среди подопечного контингента.

Начальники спецкомендатур (коменданты) вновь наделялись широким спектром полномочий и обязанностей:

- учет спецпереселенцев и надзор за ними «в целях предотвращения побегов с мест поселения и выявления среди них антисоветских и уголовно-преступных элементов»;

- организация и производство розыска бежавших спецпереселенцев;

- предупреждение и пресечение «беспорядков в местах поселения спецпереселенцев»;
- осуществление контроля за «хозяйственным и трудовым обустройством спецпереселенцев в местах их поселения»;
- прием от спецпереселенцев жалоб, заявлений и «обеспечение по ним необходимых мероприятий»;
- выдача спецпереселенцам разрешений на право «временного выезда за пределы района расселения, обслуживаемого данной комендатурой, без права выезда из района. Комендант имел право налагать на спецпереселенцев взыскания в виде штрафа до 10 рублей или ареста до 10 суток. Кроме того, «по фактам возмущений и выступлений» спецпереселенцев коменданты наделялись правом производить «первичные следственные действия». Аналогично обстояло дело при побегах и проявлениях бандитизма. Коменданты обязаны «не реже 2-х раз в месяц лично производить отметки о явке спецпереселенцев на регистрацию по месту их жительства» .

«Положение о спецкомендатурах» 1945 года касалось в преимущественной степени спецпоселенцев, депортированных в годы войны и в последующий период, и было направлено на усиление режима в спецпоселках, административного управления ими.

В этих целях значительно увеличивалось число спецкомендатур: если в целом по стране в 1948 году действовали 1.638 таких комендатур, то в 1949 году – уже 2.679(43).

Особая тема – сложившаяся и действовавшая в «местах обязательного поселения» система надзора и контроля над «спецконтингентом». Как и во всей системе ГУЛАГа (и не только в ней, и не только в обозреваемые годы), в спецпоселках насаждалось повальное доносительство, плелась плотная агентурно-осведомительная сеть - тайная опора управления спецкомендатурами. Организация и формы этой работы в спецпоселках были уже давно «обкатаны» спецорганами. Штаты сотрудников поселковых комендатур определялись по следующим нормативам: один комендант и один

помощник коменданта – на 500 взрослых спецпоселенцев, один надзиратель - на 100-200 человек. В райгоротделах НКВД-МВД предусматривались ставки оперуполномоченных (и их помощников) из расчета: одна ставка - на 2.000 взрослых спецпоселенцев (44).

Однако до 1944 года, по мнению руководства Наркомата внутренних дел СССР, «поселковые и районные спецкомендатуры НКВД приобретением квалифицированной агентуры и разработкой контрреволюционного элемента не занимались, а выполняли, в основном, функции административного надзора за спецпереселенцами». Иными словами, так называемая оперативно-профилактическая работа велась (до известного времени) преимущественно «органами» вновь созданного НКГБ. При этом, как явствует из отчетов НКВД (в данном случае – весьма самокритичных), осведомительная сеть была «слабо квалифицированной» и использовалась «главным образом по предупреждению побегов спецпереселенцев с мест их поселения» (45).

С 27 февраля 1944 года была введена в действие инструкция НКВД СССР «по оперативно-чекистской работе среди спецпереселенцев». Главной опорой комендантам и «оперчекистам» в этой работе служили старшие «десятидворок», бараков, «группы содействия» (для борьбы с побегами) и, разумеется, непосредственно «агентурно-осведомительная сеть». При этом последняя вербовалась не только непосредственно из среды депортированных, но также из местного населения. По установленным нормативам, каждый осведомитель должен был «охватывать» не менее 20-30 семей (46).

Первостепенными задачами агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев полагались: борьба с побегами и попытками таковых; задержание бежавших; выявление «упаднических и бандитских настроений»; предотвращение и раскрытие уголовных преступлений (убийств, краж и т.п.) и как основное - «выявление и изъятие из среды спецпоселенцев враждебных элементов (фашистских пособников, предателей, шпионов, антисоветчиков)». Фундамент и главный практический инструмент в этом деле – осведомители, агенты и резиденты. Агенты и резиденты занимались разработкой уже

заведенных уголовно-следственных дел. Причем вся информация от этих людей поступала и фиксировалась только под псевдонимами.

Приходится, к сожалению, констатировать, что фонды оперативно-чекистских отделов ГУЛАГа, равно как и аналогичных подразделений других «правоприменительных органов» советско-сталинской эпохи (ОГПУ, НКВД, МВД, МГБ и т.п.), остаются по сей день и, очевидно, останутся на многие последующие годы недоступными для исследователей. В распоряжение последних полуслучайно попадают лишь разрозненные сведения по этой важнейшей стороне жизнедеятельности советской карательно-исполнительной системы, в том числе и спецсылки.

Вся оперативная работа перешла в ведение отделов спецпоселений лишь с августа 1944 года (по директиве НКВД-НКГБ СССР от 2 августа 1944 года). Началось активное и повсеместное насаждение «оперативно-чекистскими органами» своей агентуры в спецпоселках, и на 1 октября 1945 года в ней насчитывалось: осведомителей – 43.280, агентов – 2.345, резидентов – 819, всего – 46.444 человека, то есть один «секретный сотрудник» на 48 человек списочного состава(47). При этом, на 1 декабря 1944 года в целом по СССР из 658.218 спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» «негласными сотрудниками» НКВД являлись 13.325 трудпоселенцев (один из примерно 43-х), в том числе: резидентами – 174, агентами – 561, осведомителями – 12.590(48). В Коми АССР среди этого же «контингента» (14.719 человек) и на ту же дату «сексотами» значились 826 (приблизительно один из 18)(49). На 1 марта 1945 года в Молотовской области среди 20.226 спецпереселенцев из Крыма агентурно-осведомительная сеть насчитывала 519 человек (соотношение – 1:39), из них: резидентов – 5, агентов – 12, осведомителей – 502(50). В Узбекской ССР в то же время эта сеть в составе спецпереселенцев-«крымчан» составляла 2.730 человек (соответственно – 15, 82 и 2.633, соотношение – 1:55). При этом органы НКВД-НКГБ прилагали немалые усилия, чтобы прежде всего завербовать священников. А поскольку большинство «наказанных народов» по религиозному признаку относилось к мусульманам, то особый упор делался на

вербовку агентуры из среды духовенства именно этой конфессии. Так, к концу 1945 года только в Узбекской ССР среди мусульманских священнослужителей из числа спецпереселенцев насчитывалось 16 агентов и 23 осведомителя НКВД(51).

В докладной записке УНКВД по Алтайского краю в ОСП ГУЛАГа НКВД СССР от 24 марта 1944 года «О хозяйственном и бытовом устройстве спецпереселенцев-калмыков и агентурно-оперативных мероприятиях среди них» сообщалось, что «для агентурно-оперативного обслуживания спецпереселенцев-калмыков завербовано 197 с/осведомителей и восстановлена связь с принятой агентурой от начальников эшелонов с 16 с/осведомителями. Таким образом на 20-е марта в агентурно-осведомительной сети занято по разработке антисоветского и преступного элемента спецпереселенцев-калмыков 213 человек. В результате работы с агентурой за отчетное время получено ряд агентурных материалов на бывший бандитский элемент, участвовавший в боях против Красной Армии и партизан на территории Калмыцкой АССР в районах, оккупированных немцами...» (52).

На 1 октября 1951 года в агентурно-осведомительной сети по Кировской области числились 517 спецпоселенцев (соотношение – 1:17), из них агентов - 498, резидентов – 19 (53). Но это – латентная опора власти в спецпоселках. Легальная же структура, которая открыто и достаточно эффективно содействовала надзорным органам в «местах обязательного поселения», состояла из так называемого «актива» - старших (старост) «десятидворок», общежитий и бараков. В состав этого «актива» в Кировской области входили 310 спецпоселенцев (54).

Кроме перечисленных тайных и явных помощников, у спецпоселенческих комендантов, имелись под рукой еще и 852 члена «групп содействия органам МГБ». Правда, активность этих «содействующих» была весьма малой и, по всей видимости, оставляла след лишь в официальных отчетах. Тем не менее, на каждых 30 спецпоселенцев всех возрастов приходилось по одному «старшему-

смотрящему» из числа «актива», а каждые 40 неусыпно отслеживались бдительным оком тайного агента-осведомителя (55).

За последний военный год (с сентября 1944-го по 1 октября 1945-го) в «агентурную разработку» были взяты 25.738 спецпоселенцев; число арестованных и привлеченных к уголовной ответственности составило 13.061 человек, в том числе: за побег – 3.394 (большинство из них – чеченцы и ингуши), за «антисоветскую агитацию» - 1.575, за «измену и предательство» - 818, за «бандитизм» - 566 человек.(56)

Важнейшее значение в деятельности спецкомендатур придавалось «противопобеговым мероприятиям». Лиц, склонных к побегу, активно выявляли осведомители. Комендантами создавались «группы содействия» из местного населения, общая численность этих «групп» достигала 18 000 человек. В результате из 12 865 бежавших в 1943-1945 годах спецпоселенцев задержаны 8 250 (более 64 процентов)(57).

С целью поддержания порядка в местах обязательного поселения и профилактики побегов организуется система «десятидворок», то есть, по сути, внедряется режим круговой поруки среди спецпоселенцев (58).

К административно-управленческой структуре системы спецпоселений (как, впрочем, всей советской системы) следует, очевидно, относить и существовавшие в спецпоселках организации ВКП(б) и ВЛКСМ (показательно, что при этом членство спецпереселенцев в профсоюзах не допускалось). Партийные и комсомольские ячейки создавались в основном среди депортированных во время «переселения народов», представителям которых (за некоторыми исключениями) позволялось сохранять членство в ВКП(б) или ВЛКСМ.

В марте 1949 года среди находившихся в наличии взрослых спецпоселенцев насчитывалось 7 659 коммунистов (членов и кандидатов ВКП(б/), состоявших на учете в местных партийных органах (59). Одновременно среди находившихся в наличии взрослых спецпоселенцев (в возрасте от 17 лет и старше) насчитывалось 11 669 комсомольцев (60).

Конечно, влияние партийных и комсомольских организаций на основную массу спецпоселенцев не стоит преувеличивать: оно было весьма ограниченным, об этом свидетельствуют, в частности, донесения местных органов управления спецпоселениями о политических настроениях «спецконтингентов». Например, в докладных записках о настроениях «северокавказцев» отмечалось, что среди них не являются редкостью «антисоветские и антирусские высказывания», «сильны родовые пережитки», влияние и авторитет «реакционных родовых старейшин». Отрицательно сказывалось на авторитете коммунистов и комсомольцев прежде всего их весьма неблагоприятное, по мнению основной массы спецпоселенцев, содействие органам НКВД-МВД, чем они вынуждены были заниматься в силу уставных требований (в противном случае грозило исключение из партии или комсомола).

Составленная автором схема управления системой спецпоселений в послевоенный период приведена в *Приложении 1*. Во второй половине 1940-х и в начале 1950-х годов она выглядела весьма внушительно. По данным на 10 апреля 1953 года, для обеспечения учета, режима, надзора за спецпоселенцами, ссыльнопоселенцами, ссыльными и высланными имелись: 51 отдел спецпоселений, 19 отделений спецпоселений, 2 916 спецкомендатур и 31 оперативно-розыскное подразделение (61).

Дислокация спецкомендатур выглядела следующим образом (ноябрь 1950 года): Казахская ССР – 838, Узбекская ССР – 186, Красноярский край – 184, Алтайский край – 162, Кемеровская область – 146, Молотовская область – 134, Свердловская область – 123, Новосибирская область – 115, Томская область – 109, Киргизская ССР – 106, Иркутская область – 103, Омская область – 96, Тюменская область – 88, Коми АССР – 62, Челябинская область – 62, Хабаровский край – 57, Архангельская область – 52, Таджикская ССР – 50, Якутская АССР – 37, Амурская область – 35, Дальстрой (Магаданская область) – 34, Башкирская АССР – 26, Бурят-Монгольская АССР – 23, Читинская область – 23, Курганская область – 22, Кировская область – 19, Удмуртская

АССР – 17, Карело-Финская ССР – 16, Марийская АССР – 10, Приморский край – 9, Сахалинская область – 7, Туркменская ССР – 6, Тувинская АО – 2 (62).

Аппарат надзора за спецпоселенцами, ссыльнопоселенцами, ссыльными и высланными (по данным на 1 января 1953 года) составлял 10.752 человека, в том числе: сотрудники центрального и территориальных аппаратов управления – 1.044, сотрудники горрайорганов – 1.861, коменданты спецкомендатур – 2.893, помощники комендантов – 1.861, надзиратели – 2.801, личный состав оперативно-розыскных подразделений – 1.217 (63).

Надзор за «спецконтингентами» осуществлялся через агентуру и «старших десятидворок». В этих целях было задействовано (январь 1953 года): агентов – 33.463 (соотношение - 1:82), содержателей конспиративных и явочных квартир – 468, «старших десятидворок» - 94.246, всего – 128.177 (соотношение – 1:21) (64).

Таким образом, политическое руководство страны, по всей видимости, рассчитывало сохранить систему спецпоселений в практически неизменном количественном и структурно-административном ее составе еще на долгое время: освобождению (с сомнительной степенью вероятности и в весьма неопределенной перспективе) подлежали лишь чуть более 6 процентов «спецконтингента», укреплялся управленческий аппарат всех уровней, ужесточались режим и надзор (65).

2.2. Экономическая эффективность спецпоселений.

Одной из стратегических задач системы спецпоселений было освоение необжитых и малообжитых регионов СССР – в русле реализации мобилизационной модели экономического развития страны. В 1930-1940-х годах система спецпоселений составила ранее неизвестный и не

прогнозировавшийся сектор советской экономики, создававший в форсированные сроки и функционировавший в экстремальных условиях.

На ранней стадии своего формирования (1930-1934 годы) сеть спецпоселений имела убыточный характер, с огромными безвозмездными бюджетными затратами на ее становление и содержание. Последующий период может считаться временем, когда экономика спецпоселений стала органичной частью сталинско-советской экономической модели, а результаты деятельности спецпереселенцев приобрели осязаемые параметры, поддающиеся измерению в натуральной и стоимостной форме. Но и при этом система принудительного труда продолжала существовать по особым правилам финансирования и отчетности, а следовательно, и по особым экономическим правилам.

Экономический аспект политики раскулачивания первоначально проявился только в проведении конфискации имущества крестьян в пользу государства (конфискация денежных вкладов и продажа части имущества и скота для погашения задолженности репрессированных перед налоговыми органами). Само же государство далее передало остальное имущество «раскулаченных» колхозам – в качестве неделимого капитала. В стоимостном выражении это дало озвученную И.В.Сталиным летом 1930 года цифру в 400 миллионов рублей (66). В то же время официальная ведомственная статистика оперировала значительно меньшими оценками стоимости имущества раскулаченных хозяйств.

По данным на начало июля 1930 года, Наркомфин СССР располагал сведениями о сумме конфискованного имущества вдвое меньше цифры Сталина – 175,5 миллиона рублей. Вне зависимости от этого утверждалось, что стоимость имущества кулаков составила одну треть неделимого капитала колхозов (67).

Что же касается затрат, которые понесло государство при проведении депортаций (высылки) в разные периоды, то эта тема практически не разработана. Главная причина, очевидно, заключается в том, что финансирование этого вида репрессий осуществлялась из нескольких

источников, а контроль и отчетность при этом не были налажены надлежащим образом. Можно считать достоверно установленным, что основным источником финансирования этих расходов был государственный бюджет и резервный фонд Правительства (СНК – Совета Министров) СССР.

Все выделявшиеся средства подразделялись на возвратные и невозвратные. В основу был положен принцип, что государство несет расходы по депортации, по размещению выселенных, по созданию производственной и социально-культурной инфраструктуры для спецпереселенцев, а обязательному возврату подлежали кредиты, выдаваемые спецпереселенцам на постройку жилья, приобретение имущества, скота в районах нового проживания. Но это оказалось на практике всего лишь некоей идеальной схемой. В действительности на начальном этапе становления спецпоселений (1930-1934 годы) все бюджетные расходы оказались безвозвратными. Им можно дать лишь приблизительную оценку.

Так, в 1930 году для осуществления депортации и расселения в спецпоселках кулаков СНК СССР из резервного фонда выделил весьма значительную сумму. Первоначально целевым ее получателем и распорядителем выступало руководство ОГПУ. Средства предназначались для финансирования прежде всего самой карательной операции силами ОГПУ и (частично) НКВД РСФСР (милиции). Согласно справке финансового отдела ОГПУ, составленной 9 февраля 1931 года, по постановлению СНК СССР для проведения «первой операции» (зима – лето 1930 года) ОГПУ получило в свое распоряжение фонд «К» в размере 43.150.000 рублей. Из них только для увеличения штата ОГПУ из средств на проведение карательной операции в деревне было отпущено более 6.000.000 рублей. Еще 3.800.000 рублей отпускалось на «особые расходы» (без расшифровки назначения)(68).

Далее предусматривались расходы на увеличение сети лагерей ОГПУ, куда направлялись «кулаки 1-й категории». Наибольшие же расходы планировались на проведение самой операции по высылке, размещению и хозяйственному устройству спецпереселенцев – 24.200.000 рублей. Сюда входили расходы: по

централизованным транспортным перевозкам людей, хозяйственных и продовольственных грузов; на охрану, питание в пути; на закупку запасов продовольствия, фуража, инвентаря, медико-санитарное обслуживание в период расселения на новых территориях. Монополистом данных средств номинально выступала специальная комиссия СНК СССР по спецпереселенцам («комиссия Шмидта»), но фактическим их распорядителем было руководство ОГПУ(69).

Местным органам власти Северного края, Урала и Сибири (основных регионов размещения спецпереселенцев) на финансирование хозяйственного устройства репрессированных крестьян было отпущено около 12.000.000 рублей (70). Начался отпуск средств крупным хозяйственным ведомствам, в чье распоряжение поступали спецпоселенцы, в частности около 1.000.000 рублей получило управление «Цветметзолото» (71).

Все перечисленное относилось к централизованным расходам. Но по меньшей мере еще несколько миллионов рублей составили неоплаченные «центром» расходы на депортацию из региональных бюджетов, а также затраты, которые ложились «трудовой повинностью» на местных крестьян. Так, гужевые перевозки «раскулаченных» внутри регионов обычно не оплачивались государством, хотя были весьма затратными. В марте 1930 года перевозка 1.500 семей с грузами из одного района Сибири в другой потребовала бы мобилизовать у местных крестьян 12.000 подвод, что по тогдашним расценкам могло обойтись местной казне почти в 500.000 рублей. Однако местные власти вместо этого объявили перевозки «бесплатной повинностью» для крестьян. Именно таким «бесплатным» способом внутри Сибири зимой-весной 1930 года гужевыми перевозками вглубь тайги были перемещены 16.000 «кулацких» семей (72). Следовательно, можно предположить, что неучтенные расходы только внутри Сибири составили не менее 5.000.000 рублей, а ведь подобные же расходы имелись на Урале и в Северном крае. То есть всего в 1930 году затраты на спецпоселение составили примерно 27.000.000 рублей прямых

(общесоюзных) и до 10.000.000 рублей скрытых (региональных и местных) расходов.

Новая и еще более значительная «кулацкая» депортация весной-летом 1931 года, почти втрое превзошедшая по масштабам высылку 1930 года, естественно, повлекла за собой и более значительные финансовые затраты. К высылке 1931 года был применен прагматичный подход с точки зрения учета и оценки экономической целесообразности размещения и использования труда раскулаченных. Так, в 1930 году при высылке приоритет отдавался «охранительному» аспекту, то есть территория размещения спецпоселков оценивалась в первую очередь с точки зрения условий для обеспечения режима изоляции депортированных, и только во вторую очередь учитывалась возможность рационального использования труда спецпереселенцев.

В 1931 году ситуация значительно изменилась. Безусловно, высылка сельского населения хлеборобных регионов юга Украины и Северного Кавказа в таежно-болотистые территории Западной Сибири, а жителей Средней Азии – в Украину и на Северный Кавказ по-прежнему имела преимущественно репрессивно-политическую подоплеку. Тем не менее в 1931 году (по сравнению с 1930 годом) принципы финансирования депортаций и хозяйственного устройства спецпереселенцев все же претерпели заметную трансформацию.

Как и ранее, ОГПУ получило свою долю денежных средств из резервного фонда СНК СССР на перевозку и размещение депортируемых, а также на создание режимных условий в спецпоселках, но, наряду с этим, в еще более значительных размерах Правительство стало финансировать хозяйственные органы – для создания условий по устройству и использованию труда спецпереселенцев. Вместе с тем контрольные органы очень скоро выяснили, что эти целевым образом выделяемые средства («адресные» деньги) ведомства часто тратили не по их прямому назначению, а на текущие нужды, не связанные с обслуживанием «спецконтингентов». Сама отчетность по этим расходам была запутана или не представлялась вовсе.

Летом 1931 года комиссия ЦКК-РКИ, проверив размеры государственных затрат в этой сфере, пришла к следующим выводам. Данные Наркомфина СССР и хозяйственных наркоматов существенно расходились в оценках полученных из бюджета средств для обеспечения условий труда и быта спецпереселенцев. Наркомфин фиксировал, в частности, что хозяйственные органы получили для этих целей в первой половине 1931 года 21.500.000 рублей, в том числе наибольшие суммы достались Управлению «Цветметзолото» (6.000.000) и «Союзлеспрому» (12.000.000). Однако, по данным ВСНХ СССР, «Союзлеспром» за этот период получил из бюджета 21.000.000 рублей, а в третьем квартале 1931 года должен был получить еще 6.000.000 рублей. «Цветметзолото», по этим же данным, получило 12.000.000 рублей. Таким образом, разница в цифрах только по этим двум ведомствам колебалась от 21.500.000 до 33.000.000 рублей (73).

Что касается расходов, которые в 1931 году контролировало ОГПУ, то Правительством в июле 1931 года этому ведомству для обеспечения высылки «раскулаченных» и создания инфраструктуры спецпоселений было решено выделить 28.000.000 рублей, из них только на операцию по высылке и перевозкам – 4.500.000 рублей. Однако в сентябре 1931 года СНК СССР сократил общую сумму до 20.000.000 рублей (74). Помимо этого и дополнительно к названным выше суммам СНК СССР своим секретным постановлением от 16 августа 1931 года выделил на цели хозяйственного устройства спецпереселенцев для финансирования во второй половине 1931 года и в 1932 году еще 40.000.000 рублей (75).

Если суммировать все приведенные выше цифры, то размеры государственных расходов, выделенных в 1931 году на спецпереселенцев, составляют от 81.500.000 до 93.000.000 рублей. Это означает, что государство, осуществляя в 1930-1931 годах высылку, тратило на проведение непосредственно перевозок депортируемых сравнительно скромные суммы (по 5.000.000-6.000.000 рублей в год), но затем, втягиваясь в расходы по созданию спецпоселков и их инфраструктуры, а также условий для снабжения,

устройства быта и использования труда спецпереселенцев, вынуждено было направлять все более значительные и возрастающие денежные средства на эти цели.

Например, если в 1931 году суммарные расходы на депортацию и обустройство высланных крестьян во всех отраслях экономики составили от 81.500.000 рублей (нижняя граница расходов), то только по Наркомату тяжелой промышленности СССР в бюджете на 1933 год для финансирования спецпереселенцев, работавших на предприятиях этого наркомата, было отпущено около 75.000.000 рублей (76). Если учесть, что в промышленности на тот период было занято не более трети от общей численности спецпереселенцев, то можно предположить, что в 1933 году государство выделило на цели функционирования старых спецпоселков уже не менее 200.000.000 рублей.

К этому следует добавить, что советский режим осуществил, хотя и не в полном объеме, в 1933 году амбициозный план дополнить контингент «кулацких» спецпоселков высланными «социально опасными» и «деклассированными элементами» из крупных городов и приграничных территорий (77). Так, для переселения почти 600.000 человек «нового контингента» планировалось отпустить около 150.000.000 рублей. Реально удалось депортировать около 300.000 человек. Соответственно и расходы составили, вероятно, половину от запланированных средств.

Это дает основание считать, что в 1933 году суммарные расходы государства на содержание «старых» и «новых» спецпереселенцев могли выражаться цифрами 270.000.000-280.000.000 рублей. Безусловно, следует учитывать инфляционные процессы, но и приведенные расчеты показывают, что государственные затраты на спецпоселения удваивались в каждый последующий год в сравнении с предыдущим: 1930 год – 37.000.000 рублей, 1931 год – до 90.000.000, 1932 год – данных нет, 1933 год – 270.000.000-280.000.000 рублей (78).

Достаточно четкое представление о структуре затрат на создание и функционирование системы спецпоселений можно получить из документов территориальных органов управления этой системой. Многие из этих документов уникальны по своей информационной насыщенности. Лишь один из них (в ряду многих подобных) – отчет о деятельности Отдела трудпоселений по освоению силами спецпереселенцев северных районов Западной Сибири – Нарымского края(79). В нем, в частности, приводится статистика о средствах на содержание спецпоселков за период с 1930-го по 1937 год.

Государственные средства, выделявшиеся для этих целей, делились на две части – безвозвратные и возвратные (ссуды). Для хозяйственного устройства, содержания инфраструктуры, поддержания режима и надзора среди «спецконтингента» общей численностью до 60.000 семей (около 250.000 человек) было израсходовано примерно 105.000.000 рублей. Из этой суммы собственно бюджетные средства составили 60 процентов, а 40 процентов – средства, заработанные самими спецпереселенцами. Затраты можно подразделить на четыре группы:

- 1) хозяйственное устройство самих поселков и создание производственного потенциала;
- 2) социально-культурная инфраструктура;
- 3) управленческий аппарат;
- 4) прочие расходы.

При этом доля первой группы расходов (производственно-хозяйственные) составила примерно 35 процентов, социально-культурные затраты – 30 процентов, на содержание управленческого аппарата – 26 процентов, прочие расходы – 9 процентов. В последнюю графу отнесена сумма так называемой «безнадежной задолженности» (невыплаченные ссуды бежавших, умерших, арестованных и т.п.). То есть (в несколько упрощенном виде) картина прямых расходов такова: треть средств была потрачена на депортацию и хозяйственно-бытовое устройство переселенцев, еще треть ушла на создание социально-культурной инфраструктуры, а последняя треть – это расходы на режимно-

надзорный аппарат и та часть ссудных средств, которые пришлось отнести к «безвозвратным расходам».

Обращает на себя внимание весьма обширная доля средств, поглощаемых управленческим аппаратом спецпоселений – более четверти общего объема бюджетных затрат (80). Если обратиться к сфере возвратных средств, то становится очевидным, что за тот же период (1930-1937 годы) государство выделило на нужды спецпереселенцев в Нарымском округе примерно 35.000.000 рублей. К началу 1938 года из этой суммы были реально возвращены государству 10.000.000 рублей, еще столько же объявлены «безнадежной задолженностью» и списаны государством. Таким образом, 15.000.000 рублей составили ссудную задолженность, подлежащую возврату. В том случае если государство вознамерилось бы взыскать эти средства в бюджет путем конфискации имущества неуставных сельхозартелей (как это и было сделано в 1930 году в отношении «раскулаченных»), то для ликвидации этой задолженности нарымским спецартелям (и не только им) не хватило бы средств даже от продажи всех товаров и продуктов, имевшихся к тому времени на балансе регионального отдела трудпоселений.

Если обратиться к общесоюзной статистике депортаций, то она свидетельствует, что при выселении в 1930-1931 годах 381.000 крестьянских семей на их транспортировку, начальное бытовое и хозяйственное устройство государство израсходовало приблизительно 130.000.000-140.000.000 рублей, или примерно по 300-350 рублей на одно принудительно переселенное хозяйство (81). В последующие годы (с учетом растущей инфляции) затраты государства на эти цели увеличивались – и весьма серьезно.

Можно сравнить приведенные выше цифры с данными о расходах на локальную высылку из южных районов Западной Сибири в северные («нарымские комендатуры») в конце мая 1935 года почти 600 хозяйств (2.615 человек). В докладной записке Западно-Сибирского крайкома в ЦК ВКП(б) от 9 июля 1935 года расходы, произведенные при этом из краевого бюджета, оцениваются в 450.000 рублей. Одновременно предполагается, что на первый

год своего пребывания на спецпоселении до получения первого урожая выселенным потребуется выделить семян, продовольствия и фуража еще на такую же сумму. В итоге сумма затрат удваивалась (82). Таким образом, можно предположить, что в середине 1930-х годов высылка и хозяйственное устройство одного принудительно перемещаемого хозяйства обходилась государству примерно в 1.500 рублей. Сказанное подтверждается и сведениями 1936 года, когда при высылке из Украины 15.000 польских и немецких семей (45.000 человек) затраты на их перевозку и первоначальное хозяйственное устройство в Карагандинской области Казахстана были определены суммой в 26.000.000 рублей, что примерно соответствует затратам на депортации 1935 года в Сибири (1.500 рублей на переселение одного хозяйства) (83).

Определить общий объем государственных расходов на создание и содержание системы спецпоселений за весь период ее функционирования в настоящее время практически невозможно. Лишь с какой-то степенью достоверности, основываясь на вышеприведенных статистических данных, а также исходя из того, что на протяжении 1930-х – 1950-х годов через все формы спецпоселения, ссылки и высылки прошли, но усредненным оценкам, не менее 6.000.000 человек (84), допустимо предположить, что эти расходы составили не менее 3 миллиардов рублей (в ценах 1936 года), что эквивалентно примерно 600 миллионам долларов США (по официальному курсу на тот же год), а в современных ценах - сумме, выражающейся значениями, как минимум, на порядок выше (85).

Анализ документальных источников приводит к заключению, что приступая в 1930 году к массовым депортациям «социально опасного элемента» советское руководство не предвидело всего масштаба и совокупности проблем и трудностей, которые возникали и в дальнейшем постоянно сопровождали решение «ссылного вопроса».

Поначалу вообще считалось, что достаточно будет организовать спецпоселки в местах нового расселения «раскулаченных» и обязать их выполнять установленные государством задания в области земледелия. И лишь

небольшую часть депортированных «кулаков» предполагалось направить в неземледельческую сферу, но также достаточно традиционную и знакомую сельским жителям (лесозаготовки, кустарные промыслы, рыболовство и т.п.). Вот почему первые решения о хозяйственном устройстве спецпереселенцев говорили о «спецколонизации» северных и восточных территорий страны силами водворенных на поселение крестьян.

«Пролетаризация кулачества» в качестве приоритетной задачи вначале не рассматривалась. Это четко прослеживается в структуре основных сфер использования труда спецпереселенцев в 1930 году: сельское хозяйство и лесозаготовки. Тем не менее в том же 1930 году первым из крупных хозяйственных ведомств «Цветметзолото» включило в состав используемых на золотых приисках Сибири и Дальнего Востока почти 20.000 «кулаков-одиночек», высланных без семей из Украины и Белоруссии (86).

Ситуация резко меняется с весны 1931 года, когда полное административное управление спецпоселками было передано в ведение ОГПУ, равно как и ответственность за организацию и контроль над использованием труда спецпоселенцев в экономике страны. С этого момента ОГПУ обрело монопольное право на распределение спецпереселенцев по сферам занятости и ввело этот процесс в нормативные, договорные рамки. Именно ОГПУ с ведома партийно-государственного руководства заключало генеральные договоры с крупнейшими хозяйственными органами страны на использование ими труда спецпереселенцев. С этого же момента формируются две взаимосвязанные модели организации и профилирования хозяйственной деятельности спецпоселений.

Первая из них представляет собой схему организации, заимствованную из опыта «коллективизации», - создание так называемых «неуставных артелей» (сельскохозяйственных и кустарно-промысловых). От колхозов они отличались тем, что не имели формально избранных органов и руководителей (правление и председателя), а их функции исполняли уполномоченный (комендант) спецпоселка и его помощники. При этой модели органы ОГПУ-НКВД (в лице

уполномоченного-коменданта) несли ответственность не только за обеспечение режима поселения, но и за производственную деятельность спецпоселка (спецартели).

Вторая модель организации принудительного труда представляла собой некий гибрид спецпоселения и рабочего поселка, профиль хозяйственной деятельности в котором определялся сферами промышленного производства, строительства, транспорта и других неаграрных отраслей экономики. В этом случае уполномоченный-комендант ОГПУ-НКВД отвечал только за соблюдение режима спецпоселения, а всю ответственность за состояние, обеспечение и результаты производственной деятельности несла хозяйственная организация, эксплуатировавшая труд спецпереселенцев (исключение составляли предприятия, входившие непосредственно в структуру НКВД, и лагеря ГУЛАГа).

В итоге указанного разделения по типам организации и сферам применения труда депортированных сложились и две организационно-экономические подсистемы.

Первая из этих подсистем – аграрно-колониционная – существовала в районах освоения новых территорий Севера и Востока СССР. Фактически она была предназначена для того, чтобы дополнить в качестве аграрной составляющей экономику тех территорий (или прилегающих к ним регионов), где шло интенсивное промышленное и транспортное их освоение. Как правило, это были и те территории, где разворачивались крупные лагерные комплексы, что позволяло создавать своеобразные организационные симбиозы – «лагерно-спецкомендатурные комплексы». К числу таковых относились, например, территории Западной Сибири (аграрный и промысловый Нарымский край и промышленный Кузбасс), Северный Казахстан (сочетание неуставных артелей с Карагандинским лагерем угольно-металлургического профиля), Беломорско-Балтийский комбинат (ББК) НКВД СССР (после строительства которого силами заключенных-«каналармейцев» началось освоение территории, прилегающей к ББК посредством «трудоиспользования» спецпереселенцев).

Вторая подсистема – производственно-промышленная – являлась составной частью «открытых» хозяйственных комплексов, построенных в годы первых «сталинских» пятилеток, где в значительных масштабах требовался массовый физический труд различной квалификации (строительство и последующая эксплуатация Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов, новых угольных шахт, рудников, железных дорог и т.п.). Здесь спецпереселенцам была уготована форсированная «пролетаризация» и роль важного составного источника формировавшихся постоянных кадров строительных, промышленных или транспортных рабочих. И этот процесс (с той или иной степенью интенсивности) шел на протяжении всего периода существования системы спецпоселений.

По данным на 1 января 1938 года, в составе 880 007 трудпоселенцев (без 130 742 человек, восстановленных в правах до принятия Конституции СССР 1936 года, которые не имели ограничений в выборе профессий и не включались в учет по трудоустройству в спецпоселении) насчитывалось 420.615 трудоспособных (47,8 процента) и 459.392 нетрудоспособных (52,2 процента). Из общего числа трудоспособных на работах были заняты 353.927 человек, или 84,1 процента. По 14 наркоматам и другим ведомствам этот показатель колебался от 76,8 процента (НКВД) до 93,5 процента (Главсевморпуть), а по регионам – от 50,3 процента в Бурят-Монгольской АССР до 98,7 процента в Башкирской АССР (87).

В начале 1938 года 142.311 трудпоселенцев работали в тяжелой промышленности системы Наркомтяжпрома СССР, в том числе: в Свердловской области – 43.645, в Новосибирской области – 19.600, в Казахской ССР – 16.822, в Челябинской области – 16.079, в Ленинградской области – 11.362, в Дальневосточном крае – 9.240, в Красноярском крае – 7.085, в Иркутской области – 6.377, в Карельской АССР – 3.145, в Якутской АССР – 2.003, в других республиках, краях и областях – 9.693. В лесной промышленности системы Наркомлеса СССР в это же время были заняты 63.926 трудпоселенцев, из них: в Свердловской области – 14.609, в

Красноярском крае – 11.974, в Архангельской области – 8.292, в Новосибирской области – 6.034, в Коми АССР – 5.992, в Дальневосточном крае – 4.113, в Омской области – 4.018, в Вологодской области – 2.609, в Иркутской области – 2.111, в других регионах – 4.174 (88).

Десятки тысяч трудпоселенцев оказались на крупнейших промышленных предприятиях страны. Например, в начале 1938 года работали: на комбинате «Карагандауголь» - 19.115 человек, на Магнитогорском металлургическом комбинате – 8.304, на Уралвагострое – 2.809, на Тагилстрое – 2.240, на Кузнецком металлургическом комбинате – 2.126, на Уралвагонзаводе – 1.727, на Уралмаше – 658 (89). В отдельных регионах спецпереселенцы стали составлять большинство трудозанятого населения. Так, в общем балансе работающих на всех предприятиях города Кировска Мурманского округа в 1934 году спецпереселенцы составляли более 60 процентов (90). В *Приложениях 2 и 3* приводятся таблицы трудового использования спецпоселенцев различными наркоматами и по регионам СССР.

Важнейшим компонентом «спецколонизации» являлось «сельскохозяйственное освоение необжитых или малообжитых районов» (91). К началу 1938 года в стране насчитывалось 1.058 спецпереселенческих неуставных сельхозартелей, членами которых состояли 111.398 семей (429.670 человек всех возрастов)(92). К этому времени трудпоселенцами были освоены 3.035.644 гектара земель(93), проложены грунтовые дороги общей протяженностью 7.294 километра, построены 1.578 новых колодцев (94).

В 1937 году трудпоселенцы посеяли: яровых – на площади 377.352 гектара, озимых – 83.248 гектаров, вспахали под зябь и пары – 308.939 гектаров (95), выполнили госпоставки, возвратили натуральные ссуды зерном и картофелем, а также полностью произвели натуроплату за работу МТС, причем натуроплата зерном почти в полтора раза превысила госпоставки (96).

Всего государство получило в 1937 году от спецпереселенцев: зерна – 696.636 центнеров, картофеля – 81.080, хлопка – 119.151, молока – 32.123, мяса – 18.328,5 центнера (97). После этого у спецпереселенцев осталось более

216.000 тонн зерна и около 160.000 тонн картофеля, что удовлетворяло их потребности на 1938 год (98).

В «кулацкой ссылке» развивалось и животноводство. На 1 января 1938 года в трудпоселках НКВД СССР наличествовало: рабочего скота – 56.326 голов, крупного рогатого скота – 196.338, свиней – 62.303, овец и коз – 224.036, птицы – 194.675, в том числе (соответственно, без птицы): по РСФСР – 41.407, 154.335, 53.673, 181.238; по другим союзным республикам – 14.919, 42.003, 8.630, 42.798; по хозяйствам выселенных в 1936 году поляков (Казахстан) – 4.330, 13.173, 594, 3.136 (99).

Тем не менее (и это следует особо подчеркнуть) содержащиеся в некоторых современных исследованиях, а также в документальных источниках ГУЛАГа и НКВД-МВД-МГБ СССР сведения о «трудовых успехах» спецпереселенцев в освоении новых земельных территорий на Западе и Востоке страны (Карелия, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Северный Казахстан), о более значительных результатах хозяйственной деятельности многих неуставных артелей в сравнении с колхозами в тех же регионах, требуют к себе критического подхода.

Действительно, находясь (по крайней мере, до 1939 года) в худших относительно «гражданских» колхозов условиях по техническому оснащению, спецпереселенцы имели в отдельные годы лучшие показатели по производству картофеля, ряда технических культур, продукции животноводства. Хотя при этом трудовой потенциал среднестатистической семьи в спецпоселках в целом имел тенденцию снижения, а экономическое поведение характеризовалось как стратегия выживания(100). Корректнее сравнивать эти две системы хозяйствования – колхозную и спецартелей – с точки зрения, во-первых, мотивации труда и стратегии экономического поведения крестьян и спецпереселенцев, и, во-вторых, условий экономической деятельности этих систем.

Мотивация труда спецпереселенцев (особенно в первой половине 1930-х годов) была несомненно выше, чем у колхозников: результативный труд давал

первым какой-то (пусть зачастую мнимый) шанс на выход из поселения. Для молодежи спецпоселков так называемый «ударный труд» давал шанс получить перспективу, изменить социальный статус и т.п.(101).

Более серьезные различия имелись в условиях экономической деятельности. В отличие от колхозов неуставные артели были интегрированы в систему ГУЛАГа, а это при хроническом всеобщем дефиците и жесткой конкуренции за все виды ресурсов давало неоспоримые преимущества репрессивному ведомству в борьбе за их получение. Система спецпоселений, как и колхозная система, создавались практически с нуля и одновременно. На их создание были направлены значительные средства – материальные и финансовые. Однако если колхозная система была до известной степени «прозрачной», то система спецпоселений являлась, условно говоря, экономической «черной дырой», неподконтрольной общегражданским органам власти. Для поддержания обеих вновь созданных систем требовались в дальнейшем все новые ресурсы, финансовые льготы и послабления: отсрочки по выплатам задолженностей, списание долгов, минимизация налогового бремени и т.д. Естественно, что НКВД это удавалось проделывать успешнее в отношении спецартелей, нежели Наркомзему – в отношении колхозов.

Лоббирование чекистами экономических льгот и налоговых послаблений для спецартелей не выглядело аномалией для экономики мобилизационно-затратного типа, каковою и являлась советская система хозяйствования. Однако во второй половине 1930-х годов такого рода функции были признаны руководством НКВД обременительными. В конечном счете, именно поэтому стал возможен перевод с 1938 года неуставных артелей на устав колхозов и передача их экономической деятельности в ведение Наркомзема. Чекисты оставили себе лишь контроль за соблюдением режима в спецпоселениях. Тем самым некоторые экономические различия, ранее действительно существовавшие между колхозами и спецартелями, оказались нивелированными.

Что же касается недостатков либо преимуществ той или иной из этих двух систем хозяйствования, то здесь позволительно воспользоваться сталинской формулой – «обе хуже» (102). Обе системы оказались исторически тупиковыми, не имевшими перспективы и динамики развития.

«Обеспечение максимальной занятости спецпоселенцев в народном хозяйстве» входило в число первоочередных задач органов НКВД-МВД и на протяжении 1940-х годов.

По данным на январь 1950 года, из 1.483.039 спецпоселенцев, занятых в народном хозяйстве, 700.748 человек работали в сельском хозяйстве (из них 110.236 – в совхозах), 160.780 – в угольной промышленности, 128.548 – в лесбумпроме, 118.046 – в золотодобыче, а также на предприятиях и стройках МВД (103).

По-прежнему спецорганам приходилось оказывать давление на местных хозяйственных руководителей с целью пресечь тенденцию дискриминации в оплате труда спецпоселенцев по сравнению с вольнонаемными рабочими и служащими. В конце 1940-х годов в отношении большинства работающих спецпоселенцев такой дискриминации не было, однако кое-где она, как рецидивное явление, все же имела место. Так, в приказе МВД СССР от 15 сентября 1948 года «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев» отмечалось, в частности: «До сих пор еще полностью не изжиты факты обсчета спецпоселенцев при исчислении зарплаты. В Якутской АССР лесоруб Шкаденко работал совместно с немцем Эйнер, а при исчислении зарплаты Шкаденко подсчитали 7.000 рублей, а Эйнер – 700 рублей» (104).

Именно этнические немцы лучше других депортированных народов сумели адаптироваться в местах высылки и в экономической системе спецпоселений. Среди них было немало квалифицированных рабочих, инженеров, техников, агрономов, врачей и других специалистов, которых охотно принимали на должности с неплохим заработком и гарантированным продовольственным пайком, достаточным для того, чтобы спасти себя и свои семьи от голодной смерти (у чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев,

калмыков и других положение в этом отношении было значительно хуже). Немцы также быстрее и лучше других выселенных народов освоили систему ведения сельского хозяйства в новых местах проживания. Предприимчивость и трудолюбие немцев довольно быстро превратили их в наиболее цивилизованный слой в хозяйственной жизни тех регионов, куда они были выселены, особенно – Казахстана и Средней Азии.

Вполне объяснимо поэтому, что в послевоенный период одной из главных причин, из-за которых немцы не были возвращены к прежним местам жительства, являлись опасения (и как показало время, достаточно обоснованные) центрального руководства СССР и местных властей за негативные последствия такого массового «обратного» переселения для хозяйственной жизни регионов, и прежде всего – в Азиатской части страны (105).

В заключение данного раздела настоящего исследования необходимо отметить следующее. В течение 1930-1940-х и в начале 1950-х годов приток огромных масс людей на спецпоселение служил одним из главных рычагов осуществления государственной политики выравнивания трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР. Но хотя в годы Великой Отечественной войны миллионы людей (включая эвакуированных) были перемещены на восток страны, после войны в массе своей они возвратились в западные территории.

Утопичными оказались расчеты на решение посредством спецпоселений задачи «освоения малообжитых регионов страны». Из числа освобожденных в середине и во второй половине 1950-х годов спецпоселенцев, получивших разрешение на выезд, лишь незначительная их часть (как правило, в пределах от 10 до 20 процентов) осталась на постоянное жительство в местах бывшей высылки (106). То есть демографический эффект от многочисленных депортаций оказался крайне низким уже к началу 1960-х годов. Что касается немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и представителей других «наказанных народов», которые в массе своей вынуждены были оставаться в

местах высылки, поскольку им запретили возвращаться на родину, то их «отложенный исход» пришелся на конец 1980-х – 1990-е годы прошлого века и не завершён до сих пор.

Безусловно, спецпереселенцы внесли значительный вклад в развитие производительных сил северных и восточных регионов России, а также Казахстана и Средней Азии. Однако экономический эффект от этого был весьма сомнительным по причине убыточности депортаций. Расходы государства по переселению и устройству депортированных не покрывались доходами от конфискованного у них имущества. Под углом зрения экономической выгоды (точнее, невыгоды) все эти многочисленные принудительные переселения являлись делом нерентабельным, затратным и служили одним из факторов, сдерживающих рост жизненного уровня всего народа. Впрочем, при проведении принудительных депортаций преследовались в первую очередь политические цели, в подчиненном положении к которым находились экономические, демографические и другие задачи.

Экономический эффект от деятельности системы спецпоселений, можно с уверенностью сказать, был намного ниже того, что водворенные в нее люди могли бы принести своим трудом на родной земле. Несомненно, что в конечном счете государство проиграло, вырвав их из прежней среды обитания и заставив своих граждан осваивать окраинные территории не в силу экономической необходимости и целесообразности, а руководствуясь узкими, временными (зачастую просто надуманными) политическими интересами. Многочисленные реальные «минусы» - прежде всего социально-демографические, политические, материальные и моральные потери от депортаций - несоизмеримы с теми скудными и мнимыми экономическими «плюсами», которые государству приносил труд переселенцев.

Наконец, крайне сложно придать операционность терминам, в которых требуется само описание экономики спецпоселений как подсистемы принудительного труда в СССР, как прямого порождения сталинско-советской экономической модели, которая выражается категориями мобилизационная

(плановая, централизованная, директивная, этатизированная) экономика, то есть такая система хозяйствования, при которой векторы и динамику ее изменений определяют внеэкономические императивы и факторы – политические, идеологические и т.п.

В изучении этой темы пока нет исследовательской традиции. В современной отечественной литературе можно зафиксировать пока лишь первые попытки комплексного рассмотрения экономики ГУЛАГа (107), но применительно к системе спецпоселений таких исследований нет вообще (даже с учетом немалого уже числа статистических и документальных компиляций). Производственная деятельность спецпоселенцев по-прежнему оценивается в тех же категориях, что и любая экономика: прежде всего в валовых и кумулятивных показателях – натуральных и стоимостных, гектарах, кубометрах, тоннах, рублях, и с этой точки зрения интерпретируются «роль» и «вклад» спецпереселенцев в экономику страны. И такая точка зрения вполне оправданна и необходима. Но она слишком одномерна и однозначна.

Ведь речь в данном случае идет не о каком-то абстрактном труде, а о труде принудительном, при котором способы его организации, использования и контроля носили режимный, репрессивный характер; который не просто использовался, а эксплуатировался, имел затратную природу, внеэкономические основания и мотивацию; применялся для достижения определенного результата, конкретной цели. И самое главное – это труд, при котором издержки и потери скрупулезно измерялись в стоимостных и натуральных показателях, но не принимались во внимание совершенно или крайне слабо учитывались человеческие издержки, или то, что именуют «человеческим фактором».

Можно сделать вывод, что если по способам организации и управления экономика спецпоселений являла собой модель экстерриториальной (закрытой) и режимной экономики, то по способам экономического существования и поведения самих спецпереселенцев это была экономика выживания. Для любой открытой институциональной экономики рыночного типа подобная модель

выглядела бы как аномальная. Однако для сталинско-советской экономики мобилизационного типа она являлась вполне органичным ее сектором.

Следует учитывать высокий уровень ресурсозатратности экономики спецпоселений. Предметы и орудия труда ценились не только вровень с человеком, но выше и дороже его: за гибель лошади или сломанное оборудование спецпереселенец получал срок заключения, а за смертность людей на поселении комендант, как правило, ответственности не нес. Режим труда для ссыльных носил ограничительный, дискриминационный характер (запрет на свободу передвижения, на выбор рода занятий и т.д.). И в этом труд не мог быть позитивно мотивированным: он рассматривался прежде всего как пропуск на выход из спецпоселков. Именно в этом – в негативной мотивации труда – и заключено одно из самых тяжелых и живучих наследий советско-сталинской социально-экономической модели, в том числе неотъемлемой ее части – системы спецпоселений.

2.3. Спецпоселение как среда обитания.

С первых же дней существования системы спецпоселений со всей остротой и неотложностью встали вопросы «хозяйственного устройства спецконтингентов», то есть создания (наряду с производственной) жилищно-бытовой и социально-культурной инфраструктуры этой системы, иными словами – всего того, что определяет среду обитания людей (в данном случае – спецпереселенцев), формирует пространство для их повседневной жизнедеятельности.

Реализация этих задач сразу же натолкнулась на целый ряд серьезных проблем – как объективного, так и субъективного порядка. Во-первых, в малоосвоенных северных районах Европейской России и в Сибири нередко число спецпереленцев превышало наличие местного населения, что сразу же обострило социальную ситуацию в этих регионах и вызвало скрытое сопротивление «принудительной колонизации».

Во-вторых, заведомая неадаптированность «спецколонистов» - из центра и с юга страны, из Украины и Кавказа - к суровому климату Севера и Сибири, полная их неприспособленность к жизни в этих экстремальных условиях ставили под сомнение саму идею эффективности рентабельности подневольной рабочей силы.

В-третьих, применение труда спецпереселенцев происходило путем заключения договоров между карательно-исполнительными структурами (ОГПУ-НКВД) и различными хозяйственными ведомствами и организациями. Но в большинстве своем эти организации существовали кратковременно, лишь на определенный период - для решения конкретной хозяйственной задачи. А ведь именно они, как принимающие работодатели, были формально обязаны возводить и обустраивать поселки для депортированных, обеспечивать их продовольствием и хотя бы минимальными социально-бытовыми услугами. Но видя в спецпереселенцах лишь временных работников, да еще и «враждебных» существующему строю, такого рода организации категорически не желали вкладывать средства в создание благоустроенных спецпоселений. Впрочем, они нередко и сами просто не имели для этого ни финансов, ни ресурсов – при централизованно формируемых и распределяемых бюджетах, фондах и т.п.

Наконец, сама организация системы спецпоселений (спецпоселков) в начале 1930-х годов (да зачастую и в последующее время) носила непродуманный, стихийный, хаотический характер. Эта система имела свои отличительные особенности - как внутренне присущие ей, так и обусловленные внешними обстоятельствами ее возникновения, предназначения и функционирования.

Само существование спецпоселков было явлением временным, связанным с определенной хозяйственной потребностью в рабочей силе - именно в конкретный период и в конкретном месте. После завершения строительства определенного промышленного предприятия, вырубке отведенного лесного массива и т.п. - такой поселок ликвидировался, а «спецконтингенты» по распоряжению соответствующих властных инстанций «перебрасывались» на

другой «объект». При такой системе даже нумерация спецпоселков в одних и тех же регионах менялась настолько калейдоскопически, что восстановить ныне их подлинное местоположение иногда просто невозможно.

Другой особенностью сети спецпоселений была ее полная закрытость для внешнего мира. Режим сверхсекретности окружал всю жизнедеятельность этой системы. Эта плотная завеса государственной тайны оставалась абсолютно непроницаемой на протяжении десятилетий, во многом она остается таковой и в новейшее время.

Из всего многообразия факторов, характеризующих среду обитания, в данном исследовании рассматриваются лишь несколько основных, и прежде всего - жилищное устройство, обеспеченность продовольствием и предметами первой бытовой необходимости. В системе спецпоселений эти (и другие) стороны повседневной жизни людей регулировались как директивами центрального партийно-государственного руководства, так и нормативными документами территориальных советских органов, хозяйственных ведомств и особенно – репрессивно-карательных структур (ОГПУ, НКВД-МВД, МГБ).

Вопросы «хозяйственного устройства» спецпереселенцев (жилищного строительства, минимального снабжения сельхозинвентарем, семенами, снабжения материалами, рабочим скотом и т.п.) обсуждала специальная комиссия СНК СССР («комиссия Шмидта»). На первом заседании этой комиссии (5 апреля 1930 года) было, в частности, предложено «местным органам власти районов вселения» отпустить для спецпереселенцев «необходимый для постройки жилищ лес». Другие строительные материалы для жилищного строительства (гвозди, стекло) должны были поставляться «из центра». На следующем заседании «комиссии Шмидта» (11 апреля 1930 года) было решено выделить на «хозяйственное устройство выселенных» (в районах Сибири, Северного края и Урала) 5.000.000 рублей «в порядке кредита», а на «гужевые переброски расселяемых кулацких семей» - 2.300.000 рублей, из расчета по 4 рубля на человека. Кроме того, комиссия СНК СССР предусмотрела расходы на «управление и содержание кулацких поселков». Так,

на содержание администрации спецпоселков до конца 1930 хозяйственного года (1 октября) отпускалось до 800.000 рублей (по раскладу: один комендант и один сташий милиционер – на 500 семей). Из других пунктов повестки дня, обсуждавшихся на заседании «комиссии Шмидта», обращают внимание вопросы о продовольственном снабжении ссыльных семей, а также о расходах на медицинскую помощь им(108).

Положение депортированных «кулаков» в первые годы ссылки являлось крайне тяжелым. «Спецколонизация» осуществлялась простыми и жесткими методами: людей обычно доставляли (нередко пешим порядком) в некое безлюдное место (иногда просто в открытое поле) и оставляли здесь. В зимнее время у тех, кто не догадался взять с собой хотя бы топоры, пилы и лопаты, шансы на выживание являлись весьма призрачными. Обладатели же этих орудий немедленно принимались рыть землянки, валить лес, рубить дрова, то есть «активно обживались» и часто благодаря этому спасались от гибели. Именно так возводились первые спецпоселки. Постепенно увеличивалось количество построенных в них домов, но гораздо быстрее росло число могил на прилегающих к ним крестьянских погостах(109).

Так, на 1 декабря 1930 года в Северном крае из 104.000 выселенных только 65.000 были размещены в бараках, а остальные 39.000 – в шалашах и землянках. К этому времени здесь была построена примерно лишь одна треть потребного объема жилья(110).

О невыносимых условиях жизни в спецссылке знали органы власти всех инстанций, об этом же сообщали и сами спецпереселенцы, в частности, в более чем 2.000 писем из Северного края, перехваченных ОГПУ за период с 15 по 25 мая 1930 года. Из Архангельского округа, например, сообщалось: «Нас размещают как скот в сырые и холодные бараки и, наверное, собираются уморить как собак»; «...как мы здесь будем жить, сверху течет вода, сыплется песок; дети зябнут и умирают целыми десятками». Из Северо-Двинского округа спецпоселенцы писали: «Мы живем в бараках без пола, без потолка – как

будки, в каждом бараке 200-250 человек; жизнь очень и очень трудная, уже хуже этого не может быть, страшно даже вспоминать, можно с ума сойти»(111).

В Западной Сибири 40 процентов спецпереселенцев жили, как отмечается в сообщении комендантского отдела крайисполкома от 25 февраля 1931 года, «в халупах, землянках, бараках и т.п.». Ощущалась острая нужда в стройматериалах (железо, стекло и проч.). В Нарымском округе только 35 процентов спецпереселенцев были обеспечены жилплощадью в домах и бараках, остальные находились в землянках и других малоприспособленных для проживания помещениях. При этом начальник комендантского отдела Западно-Сибирского крайисполкома И.И.Долгих(112), довольно реалистично оценивая ситуацию, докладывал, что она «не может разрешиться в течение одного-двух лет, а потребует более длительного периода»(113).

Особенно тяжелым являлось положение спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности. Так, в рапорте от 22 ноября 1933 года инспектор Сиблага ОГПУ С.П.Носенко докладывал, что договоры хозяйственных организаций с органами ОГПУ не выполняются: в леспромхозах спецпереселенцы размещены «в холодных, недостроенных и неблагоустроенных бараках и домах», по 2-3 семьи «в одном помещении человек по 8-18 при полезной площади помещения до 24 квадратных метров, почему в домах теснота, грязь, вонь, масса паразитов», на человека приходится от 1,3 квадратных метра. «Несмотря на такую скученность, - продолжает С.П.Носенко, - на то, что дома и бараки на 20-25% не покрыты, что при домах нет ни сеней, ни надворных построек, что жилища не побелены, комнаты от кухонь не огорожены, что нет вторых рам, а в первых стекла побиты и состоят из кусочков, либо заменены досками, тряпками, железками, что дома не оконпачены и в домах щели, недостаточно света, имеется ряд других недоделок – всякое строительство приостановлено с осени 1932 года, оставив неиспользованными сотни тысяч кредита...»(114).

В Вятском округе Нижегородского края (ныне Кировская область) обустройство сrecпоселков происходило одновременно с их заселением. Дома

строились наспех, из сырого и неподогнанного материала, изобиловали щелями, печи не соответствовали объему помещения, в домах было очень холодно(115). В Гниловском поселке Омутнинского района, в общей сложности для размещения спецпереселенцев необходимо было построить 131 двухквартирный дом. На 1933 год было запланировано строительство 50 домов, к сентябрю этот план оказался выполненным лишь наполовину: построены 10 домов, но в трех не сложены печи, в окнах отсутствуют стекла, еще 13 срубленных домов стояли без крыш. После соответствующих «руководящих указаний» дело несколько продвинулось: к 5 октября были заложены 69 домов, 26 срублены, 12 «почти закончены», а вот заселены только 5. В этом спецпоселке, куда весной 1933 года были водворены 294 семьи, к концу августа осталось 260 семейств. Выбыли за четыре с небольшим месяца около 300 человек, из них 170 умерли, остальные (главным образом – молодежь) бежали. Основными причинами побегов названы «невероятные условия жизни»: скученность, вшивость, плохое питание, смертность(116).

Выступая 23 июня 1934 года на совещании районных комендантов ОСП ПП ОГПУ по Свердловской области, секретарь обкома ВКП(б) И.Д.Кабаков критиковал хозяйственные организации «за варварское отношение к спецсылке», но вместе с тем вину за плохие жилищно-бытовые условия в ней возлагал и на самих спецпереселенцев. «Уверю вас, - говорил он, - эти же люди, скажи им, что они сегодня свободны, в том селе, откуда их взяли и куда разрешается ехать, бревна им никто не даст, а через год дом будет построен. Никакой Ураллес, Востокстальлес никаких ассигнований давать не будет, а дом он построит... А здесь плохая стена – но перестроили, плохой потолок, но сделали, окна, может быть, не очень велики, но они были вставлены. Стена валится, потолок проваливается, окна бьются и палец о палец не ударяется. Это потому, что человек не полюбил своего места и он считает, что здесь он временно живет...»(117).

Партийный функционер определил (интуитивно или осознанно) одну из главных причин неблагополучия в спецпоселках: отсутствие у

депортированных позитивной мотивации для устройства в новых местах обитания, равно как и неверие местных руководителей в стабильность существования спецпоселений, в целесообразность затрат на их оборудование, а тем более – благоустройство.

И пятилетие спустя (1940-1941 годы) жилищная проблема в спецпоселках продолжала оставаться крайне острой. Правда, в обзорах ГУЛАГа НКВД о состоянии спецпоселений в предвоенные годы констатируется, что в Орджоникидзевском крае, Молотовской, Чкаловской, Свердловской, Куйбышевской областях, Бурят-Монгольской АССР, частично – в Хабаровском крае и Челябинской области спецпереселенцы «расселены хорошо», имеют индивидуальные дома, отдельные квартиры и комнаты, предоставленные хозяйственными организациями. Строились индивидуальные дома и в других регионах спецпоселений, в основном – в сельскохозяйственных комендатурах (Казахстан, Нарым, Северный Кавказ, Свердловская область)(118).

Однако в том же Казахстане основной жилой фонд, построенный еще в 1931 году, также пришел в негодность и не ремонтировался. На одного спецпереселенца здесь приходилось по 1,5 квадратных метра жилья. Несколько благополучнее было в промышленном секторе (2,5–3,0 квадратных метра на человека). Кроме того, 6.798 (по другим данным – 7.785) семей имели индивидуальные дома (к тому времени в Казахстане находилось более 45.000 высланных семей и примерно каждая шестая из них имела отдельное жилье)(119). Но темпы жилищно-бытового строительства в этом и других регионах спецпоселений тормозились отсутствием средств, нехваткой стройматериалов, отвлечением спецпереселенцев на «более важные объекты» и т.п.

Таким образом, даже за десять лет «кулацкой ссылки» жилищная проблема спецпереселенцев не была решена. Сотни тысяч из них продолжали жить в землянках, полуземлянках, бараках временного типа, но и там не был соблюден установленный договорами с хозяйственными организациями размер жилой площади в 3 квадратных метра на одного человека. Основное внимание

хозяйственных организаций и ведомств было обращено только на использование «рабочей силы».

По прибытии на спецпоселение в 1940-х годах новых «контингентов» («социально опасные элементы», «наказанные народы» и др.) почти с абсолютной точностью воспроизводилась ситуация 1930-1931 годов. Местная администрация не желала прикладывать больших усилий к обустройству «новых» спецпереселенцев. Предельно просто и откровенно суть такого отношения, свойственного всем категориям хозяйственных руководителей, выразил десятник одного из лесопунктов в Коми АССР С.С.Воронцов, который после заселения польских «осадников» в 1940 году заявил: «На кой черт создавать условия спецпереселенцам, расходовать средства на один-два года, пускай и так поваляются, больше будут работать»(120). С одной стороны, руководство регионов было заинтересовано в закреплении новых «спецконтингентов рабсилы», а с другой – местная хозадминистрация была озабочена своими конкретными задачами, главная из которых – «выполнение производственных планов и заданий», причем любой ценой и при любых условиях.

В большинстве регионов размещение крупных партий депортированных в 1940-х годах производилось как в уже существующие, так и во вновь организуемые поселки. Вследствие этого в «спецпереселенческой» документации появилось разделение на «старые» и «новые» спецпоселки. В лесных регионах «новые» поселки называли также «кварталами» и «лесоучастками», поскольку они представляли собой просто таежные местности (поближе к планируемым вырубкам), которые еще предстояло обустроить(121).

Спецпереселенцы здесь (и во многих других местах) начинали жить «с нуля», как и «раскулаченные» в начале 1930-х годов. В «старых» поселках, где уже около десяти лет жили в основном «бывшие кулаки», в начале 1940-х годов ситуация была гораздо лучше, чем в «новых». Силами «раскулаченных» здесь не только были обихожены земельные угодья, но и возведены (иногда в

совершенно непригодных для жизни местах) поселения с минимальным набором хозяйственных построек и зданий социально-бытового и культурного назначения (ларьки, хлебопекарни, столовые, котлопункты, «красные уголки», медпункты, школы, детские сады и ясли, бани, сушилки, прачечные и т.п.)(122). И в середине 1940-х годов «бывшие кулаки» выглядели в материально-бытовом отношении сравнительно благополучно – на общем фоне других «спецконтингентов».

В одном из документов ОСП НКВД СССР, подписанном 2 января 1946 года начальником этого отдела М.В.Кузнецовым, отмечалось: «Наиболее устроенными в хозяйственно-бытовом отношении являются бывшие кулаки. Значительное количество из них размещено в спецпоселках, имеют собственные дома, надворные постройки, скот, сельхозинвентарь. Семьи их материально обеспечены и особой нужды не имеют»(123).

Впрочем и здесь ситуация обстояла отнюдь не без проблем (даже исходя из условий того времени). В спецпоселках сохранялось множество старых бараков, построенных в самом начале «кулацкой ссылки», которые уже в середине 1930-х годов разваливались, а в 1940-х годах пришли в совершенную негодность, но, тем не менее, в них продолжала жить значительная часть спецпереселенцев. Так, в документах ОТП по Коми АССР отмечалось, что большинство «бараков старой постройки» в поселках леспромхозов «находятся в антисанитарном состоянии», во многих из них «крыши пропускают воду, полы проломлены, а окна разбиты». Однако зачастую такие помещения продолжали считаться «жилыми» и в послевоенное время(124). В «новых» же спецпоселках люди водворялись во «временно существующие лесные бараки, причем в основном в сезонные – барачного типа помещения». В этих поселках спецпереселенцы жили в дощатых сараях с нарами в 2-3 яруса, зачастую без печей, жилплощадь на человека нередко составляла менее квадратного метра(125).

Только в начале 1950-х годов жилищно-бытовая ситуация в спецссылке начала меняться к лучшему. В спецпоселках строились новые дома, куда

селились семьи, одинокие получали комнаты в общежитиях. Дома возводили, исходя из существующих для спецпоселков норм: как правило, на четыре однокомнатные квартиры, причем с почти одинаковыми по площади комнатой и кухней – примерно по 6-8 квадратных метров. Индивидуальные дома строились немногими спецпоселенцами – из-за мизерности выделяемых кредитов(126). По состоянию на 1 января 1950 года, из 689.360 спецпоселенческих семей 278.636 (40 процентов) жили в отдельных домах, 625.404 (91 процент) имели личные огороды, 363.573 (53 процента) содержали домашний скот(127).

Однако скученность, холод, сырость, грязь, антисанитария, плохое освещение, отсутствие постельных принадлежностей, посуды и т.д. – все эти и другие «издержки быта» в спецпоселках сопровождали систему спецсылки с первых и до последних дней ее существования.

Столь же хронически актуальной оставалась проблема продовольственно-вещевого снабжения спецпереселенцев. Уже к марту 1930 года запасы продовольствия и денег у депортированных оказались практически исчерпанными, местные же органы торговли необходимых резервов не имели, надвигался массовый голод. В начале марта 1930 года полпред ОГПУ по Северному краю Р.И.Аустрин сообщал в «центр», что вопросы питания спецпереселенцев не решены, что Наркомторг СССР отделяется «саботажным молчанием», никаких продуктов не отпускает и «вопросами снабжения не занимается». Это ставит край перед фактом «голодания высланных семей». Между тем для поддержания жизни спецпереселенцев установлен «голодный паек» (граммов в день): хлеба – 300, крупы – 30, муки подболточной – 2, сельди – 75, картофеля – 195, лука – 15, сахара – 6, суррогат-чая – 3, соли – 7, капусты – 100, лаврового листа – 0,25. Для детского питания (добавочно): сахара – 6, растительного масла – 7. Эти нормы составляли в сумме всего 1.300 калорий(128).

26 мая 1930 года СТО СССР принял постановление о снабжении спецпереселенцев, обязывавшее Наркомторг СССР выделить продукты, исходя

из того, что «спецпереселенцы, работающие на лесозаготовках, снабжаются по нормам постоянных рабочих». Переселенцам, занятым на освоении северных районов, устанавливалась ежедневная норма питания в 500 граммов хлеба (129).

Однако перебои со снабжением продолжались. В информационном обзоре ОГПУ от 10 июня 1930 года о положении в спецпоселениях приводились, в частности, выдержки из писем спецпереселенцев, водворенных в Северный край: «...Хлеб, что мы с собой взяли, у нас забрали и теперь нам ничего не выдают. Голодаем и мучаемся. Умирают ежедневно по 35 душ» (Вологодский округ); «...Много народу топится в реке Двине. Люди бросаются под поезд от голода» (Архангельский округ)(130).

Документы свидетельствуют о том, что в спецпоселках в первый год их существования «продснабжение было поставлено плохо»; продукты завозились нерегулярно, с большими перебоями, «снабжение переселенцев и по... низкой норме потребсистой производилось не регулярно»; «нормы снабжения нередко не выполнялись», «в поселках продукты не выдавались по нескольку дней»(131).

Весной-летом 1931 года, в связи с проведением новой операции по выселению «кулаков» и передачей органам ОГПУ административного управления «кулацкой ссылкой», меняется система организации продовольственного снабжения спецпереселенцев. Решением «комиссии Андреева» от 15 мая 1931 года «весь фонд снабжения спецпереселенцев Наркомснабом» выделялся «как централизованный» и передавался «в распоряжение Управления спецпереселением при ОГПУ»(132).

Однако и в 1931 году, и в первой половине 1932 года существенных изменений к лучшему в системе снабжения спецпереселенцев не произошло. Хотя на официальном уровне было подтверждено, что «работающие спецпереселенцы в нормах снабжения приравнены к вольнонаемным рабочим соответствующей отрасли промышленности». В начале 1932 года несколько увеличили нормы снабжения нетрудоспособных (на одного человека,

килограммов в месяц): мука – 12,0 (400 граммов в день); крупа – 1,0 (30-35 граммов в день); сахар – 0,5; рыба – 2,0; картофель – 6,0; масло – 0,3; табак – 0,2; мыло – 0,4; мануфактура – на 7 рублей в год; кожаная обувь – на 5 рублей в год(133).

Еще летом 1931 года был поставлен вопрос о создании в спецпоселках собственной продовольственной базы «для обеспечения спецпереселенцев дополнительными продуктами питания». На хозяйственные организации возлагалась обязанность «обеспечить наделение спецпереселенцев пахотно-способными землями и снабжение их сельскохозяйственным инвентарем, скотом и посевными материалами». Особое внимание уделялось развитию «самозаготовок грибов и ягод»(134). Но уже в 1932-1933 годах в документах хозорганов системы спецпоселений отмечается, что «свои продовольственные базы не созданы», «самозаготовки сорваны», «не ведется каких-либо заготовок рыбы и дичи из-за отсутствия орудий лова»(135).

В 1932 году предпринимаются первые шаги по организации общественного питания в спецпоселках. Однако и в конце 1934 года в документах системы спецпоселений отмечается, что в поселках, где жители «предложили организовать столовую», «общественное питание ОРСом не налажено и никакой помощи оказано не было»(136). Общественное питание для взрослого населения спецпоселков в первой половине 1930-х годов существовало только в местах работы спецпереселенцев и охватывало лишь около половины всех трудоустроенных. Главной причиной отказа рабочих от услуг общепита являлись хронические задержки в выдаче заработков и невозможностью в связи с этим платить за питание в столовых(137). В архивных документах первой половины 1930-х годов отмечается, что «качество работы столовых крайне низкое, обеды однообразные», «в столовых грязь и холод», «не хватает посуды» и «рабочие едят из своих котелков, своими ложками», «питание в столовых дорогое (35-40 копеек) из-за больших наценок за обеды» (вместо нормативных 15 копеек они составляли 19-20 копеек)(138).

Завоз продуктов и промтоваров в 1931-1932 годах, как и прежде, осуществлялся с нарушением сроков и большим невыполнением планов. Территориальные органы управления спецпоселениями, регулярно рассматривая эти вопросы, констатировали «срыв планов» или «невыполнение планов завоза продовольствия», в результате чего создавалась «чрезвычайная ситуация в спецпоселках», а иногда «запасы продовольствия имелись на 1-2 дня»(139).

В докладной записке руководства ГУЛАГа в ЦКК ВКП(б) и РКИ от 3 июля 1933 года отмечалось: «С момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР для трудового использования в лесной промышленности, то есть с августа 1931 года, Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев – спецпереселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахару 0,9 кг. С 1 января 1933 года по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахару 0,4 кг. Вследствие этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности, в особенности в Уральской области и Северном крае, резко ухудшилось... Повсеместно в ЛПХах Севкрая и Урала отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедание кошек, собак и трупов падших животных... На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди спецпереселенцев... На почве голода имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность... Голодные спецпереселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников... Вследствие недостаточного снабжения резко снизилась производительность труда, нормы выработки упали в отдельных ЛПХах до 25%. Истощенные спецпереселенцы не в состоянии выработать норму, в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся совсем нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода спецпереселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...»(140).

Следует отметить, что массовый голод в спецпоселках был обусловлен не только сокращением продовольственных фондов, но и организационными «неувязками» в снабжении. Указанные фонды выделялись из «центра» территориальным органам (республиканским и краевым), там они распределялись непосредственно по районам, минуя областные (окружные) инстанции. И, как правило, выделенные фонды не соответствовали количеству спецпереселенцев в конкретном районе, поскольку краевые (республиканские) органы на момент распределения этих фондов данными о составе «спецконтингента» не располагали. Кроме того, областные (окружные) органы не имели права перераспределения фондов между районами и поэтому ограничивались только «дачей общих указаний по уложению в установленные фонды». Перебои в снабжении спецпереселенцев в первой половине 1930-х годов были вызваны также несвоевременным поступлением продуктов из райцентров в спецпоселки, поскольку «5-6 до крайности истощенных из-за отсутствия кормов лошадей», находившихся в этих поселках, «не справлялись с большим объемом работ – подвозкой дров, сена, продовольствия»(141).

Безработица, прекращение снабжения пайками рабочих-спецпереселенцев при временной нетрудоспособности, по болезни и увечьям, полученным на производстве, лишение рабочего пайка глав семей, вернувшихся «из мест трудоустройства» в спецпоселки к детям, оставшимся сиротами после смерти матерей, - все это (на фоне общего аграрного кризиса в стране) приводило к резкому ухудшению продовольственного положения всей спецсылки(142).

В 1932-1933 годах в спецпоселках разразился голодомор. Люди питались суррогатами, употребляя в пищу траву, мох, кости животных и т.п.(143), что приводило к вымиранию целых семей. Отмечались случаи трупоедства(144). Обессиленные от голода и болезней люди были не в состоянии (особенно зимой) похоронить своих умерших родственников. Погребением занималась администрация поселков: покойников просто зарывали – несколько (иногда – десятков и более) тел в одну общую яму-«могилу»(145). Голод был отмечен во

всех районах спецпоселений. По архивным данным, в 1932-1933 годах в общей сложности умерли 241.355 спецпереселенцев (в 1932 году – 89.754, в 1933 году – 151.601)(146). В 1933 году умерли 51.100 спецпереселенцев на Урале и 26.709 – в Западной Сибири(147). Уровень смертности в спецпоселениях в 1933 году оказался самым высоким за все годы «кулацкой ссылки»: умершие составили 13,4 от общей численности «спецконтингента»(148).

Данная цифра сопоставима с соответствующим показателем смертности в местах заключения в СССР в 1933 году – 15,3 процента(149). В годы голода резко возросло число побегов из спецпоселений. На Урале в 1933 году бежали 55.983 человека, в Западной Сибири – 49.718(150). В 1932 году ОГПУ зарегистрировало 207.010 бежавших (37.978 вернулись), в 1933 году – 215.856 (54.211 вернулись). Таким образом, по массовости бегство в период голода 1932-1933 годов было выше, чем в первые два года спецпереселения(151).

Продовольственная ситуация в спецпоселках улучшилась только к концу 1933 года. С декабря этого года были несколько повышены нормы снабжения – до уровня 1932 года, в день на одного спецпереселенца выдавали (в граммах): муки – 300, крупы – 30, рыбы – 26, сахара – 10(152). Продукты доставлялись в поселки более регулярно, лучше стала работать система общественного питания. Однако более существенные положительные изменения в этой сфере произошли только в 1935 году – в связи с отменой карточной системы и введением свободной торговли продуктами и промышленными товарами. Снабжение спецпереселенцев, как и всего населения, с этого времени осуществлялось через свободную продажу продовольствия и потребительских товаров в торговой сети.

С середины 1930-х годов и до осени 1941 года сообщений о массовом голоде среди спецпереселенцев в архивных документах не встречается. Но это отнюдь не означает, что серьезные проблемы в продовольственном и вещевом обеспечении спецпоселений перестали существовать.

В предвоенные годы позитивные подвижки в снабжении спецпереселенцев, если и наблюдались, то весьма незначительные. Так, в отчете ОИТКиТП

УНКВД по Хабаровскому краю от 7 февраля 1941 года отмечалось, что снабжение спецпоселков в 1940 году улучшилось «в связи с введением закрытой системы торговли на промышленных предприятиях», но ухудшилось для «спецпереселенцев, не имеющих постоянной работы, а также инвалидов, стариков и многосемейных». Иногда им отказывали даже в хлебе. Имели место случаи, когда в ларьках в течение месяца, кроме хлеба и махорки, ничего не было. Промтоварами спецпереселенцы снабжались через закрытую сеть не более чем на 30-50 процентов(153).

Несколько лучше обстояло дело с продовольствием в районах «сельхозколонизации» - Нарыме, Казахстане, Северном Кавказе, где спецпереселенцы успели обзавестись индивидуальным подсобным хозяйством (огороды, скот, птица) или наладить подсобные промыслы. При этом здесь сыграло свою роль также и то обстоятельство, что неуставные (а с 1938 года – «обычные») сельхозартели спецпереселенцев оказались экономически более крепкими, чем окружавшие их местные колхозы. В этом проявились трудолюбие, опыт и навыки раскулаченных (154).

В военные годы в снабжении спецпоселков повторилась (причем в самых мрачных вариантах) ситуация первых лет «кулацкой ссылки». Снабжение спецпереселенцев продуктами питания в военное время должно было производиться по официально утвержденным нормам. Так, рабочие лесной промышленности в Коми АССР, подавляющее большинство которых составляли спецпереселенцы, официально снабжались по «нормам рабочих промышленности и связи» (на человека, килограммов в месяц): мясо-рыба – 1,8; жиры – 0,4; сахар – 0,4; крупа – 1,2(155). Но нередко в спецпоселках отсутствовали даже хлеб и картофель. Голод доводил людей до безумия: доходило до употребления в пищу трупов давно павших животных(156). Многие занимались попрошайничеством. Неработающие, чаще женщины, ходили по деревням, пытаясь что-то продать из привезенных вещей или обменять их на продукты(157). Люди шли и на воровство(158). Жалкое зрелище представляла система общественного питания. В 1942 году в докладной записке

о работе Палевицкого леспродторга (Коми АССР) по части предприятий общественного питания говорилось следующее: «В столовой обедают или завтракают только одиночки, а остальные, большинство, берут обеды на дом. Ужины и завтраки готовятся некачественные. Суп простой готовится из пшена, куда ложат и макароны, которые сами делают из пшеничной муки. При варке получается как хлеб, и от супа исходит запах сырого теста. Мясной суп бывает редко. На второе каша пшенная, когда с маслом, когда без масла. В редких случаях бывает рыба, лещ или треска. В апреле месяце давали порции колбасы в сыром виде. Чая в последнее время совершенно нет»(159).

Холод, скученность и антисанитария в бараках, отсутствие теплой одежды и обуви, недоедание, и при этом тяжелая работа при любых погодных условиях, - все это приводило к катастрофическим последствиям, и, прежде всего, к высокому уровню смертности спецпереселенцев, который в годы войны по некоторым категориям составлял более 20 процентов(160).

Во второй половине 1940-х годов происходит некоторое улучшение организации снабжения спецпоселенцев, в том числе и общественного питания, прежде всего в поселках, созданных в 1930-е годы. Во многих спецпоселках организуются трехразовое питание, доставка горячей пищи на отдаленные производственные участки. Работа общепита подвергалась постоянной критике, как не соответствующая многим нормам. Вместе с тем средства для развития торговли и общественного питания выделялись минимальные, поэтому в меню столовых нередко были «только каша и суп», «не имелось тарелок, вилок и даже ложек», а в магазинах спецпоселков даже в 1952 году продолжали торговать «только хлебом, и то с перебоями до полумесяца»(161).

Таким образом, среда обитания спецпереселенцев на протяжении всего периода существования спецсылки представляла собой не сферу нормальной человеческой жизнедеятельности, а некое пространство выживания, своего рода «будни в катастрофе» (162).

И есть все основания утверждать, что именно просчеты и несогласованность действий различных звеньев партийно-государственного

аппарата в центре и на местах в данной сфере служили индикаторами непоследовательности и противоречивости политики в «спецпереселенческом вопросе» в целом.

Хронические дефицит жилья, перебои в продовольственно-вещевом снабжении, а порой и полное отсутствие последнего были причинами не только голода, болезней и высокой смертности, но и прямо влияли на уровень трудоспособности спецпереселенцев, степень их адаптации, масштабы протеста – как активного (сопротивление), так и пассивного (побеги) и т.п.

Первоначальная идея превратить систему спецпоселений в некую основанную на подневольном режиме и принудительном труде самодостаточную, самообустриваемую и самоснабжаемую структуру оказалась фикцией, обернулась потерей гигантских материальных, финансовых, демографических ресурсов.

2.4. Человек в спецпоселении.

Возникнув в 1930-1931 годах, статус спецпереселенца (трудпоселенца – спецпоселенца), частично меняя некоторые свои второстепенные параметры, в целом просуществовал до начала 1960-х годов и в самом общем виде базировался на незыблемом постулате: спецпереселенцы «не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест их поселения», наблюдение за которыми возложено на соответствующие карательно-исполнительные органы (ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ)(163).

До октября 1931 года, как отмечалось выше (см. параграф первый настоящей главы), единого общегосударственного нормативного документа о спецпоселениях и содержавшемся в них «контингенте» не существовало, и этот правовой вакуум заполнялся региональными бюрократическими опусами (положения, инструкции и т.п.) о спецпоселках. Получив весной-летом 1931 года систему спецпоселений в свое ведение, ОГПУ СССР предприняло решительные шаги по созданию полноценного действующего документа,

который должен был регламентировать положение спецпереселенцев в комендатурах.

Результатом явилось «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Оно было разработано (вместе с прилагавшейся «Инструкцией о формах привлечения спецпереселенцев к охране порядка в поселках и к выполнению общественных и административных функций») Отделом по спецпереселенцам ГУЛАГа и утверждено ОГПУ 25 октября 1931 года(164). Документ имел временный характер, поскольку не получил утверждения обычным законодательно-процедурным порядком в соответствующих властных инстанциях (ЦИК и СНК СССР), но это не помешало применять его на практике в течение почти полутора десятилетий (1931-1944 годы)(165).

«Временное положение» весьма подробно регламентировало внутреннюю жизнь спецпоселков: в нем оговаривались общие положения (раздел 1), обязанности и права спецпереселенцев (разделы 2 и 3), обязанности и права спецкомендатур (разделы 4 и 5, см. параграф первый настоящей главы), порядок привлечения спецпереселенцев к ответственности за уголовные преступления (раздел 6), осуществление прокурорского надзора (раздел 7), а также регистрация актов гражданского состояния (раздел 8).

В разделе об обязанностях спецпереселенцев (7 пунктов) указывалось (пункт 1): «Все трудоспособные поселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом».

Пунктом 4 раздела 2 «Временного положения» спецпереселенцы и их семьи, прикрепленные к определенным поселкам и домам, лишались права «без разрешения комендатуры ОГПУ менять как место жительства, так и квартиру». Не имели они также права (пункт 5) «отлучаться за пределы поселка», в котором живут, за исключением тех случаев (и с разрешения комендатуры ОГПУ), когда это требуется по работе.

Одновременно спецпоселенцы обязывались (пункт 7) «беспрекословно и точно соблюдать установленные комендатурами ОГПУ в поселках порядки и точно проводить в жизнь все постановления и указания как поселковой администрации, так и местных советских органов и Советского правительства».

Права спецпереселенцев перечислены в 11 пунктах 3-го раздела. Одним из наиболее значимых был пункт 1, который предусматривал возможность (через пять лет с момента высылки) восстановления спецпереселенцев во всех гражданских правах - при условии «точного соблюдения ими установленных для них правил и добросовестного отношения к порученной им работе»(166).

Спецпереселенцы и их семьи наделялись также правом (пункт 3) на «медицинскую и социальную помощь», которая должна оказываться «бесплатно в местных и специально организованных лечучреждениях». Работающие по найму должны были получать через органы соцстраха пособия «по временной утрате трудоспособности», «пенсии» (пособия) на рождение и погребение – на одинаковых с вольнонаемными рабочими («не членами профсоюзов») основаниях. Для беспризорных детей-сирот, а также стариков-инвалидов, не имеющих родственников, предусматривалась «социальная помощь (помещение в интернаты или патронирование)», оказываемая местными органами здравоохранения, просвещения, соцобеспечения «по принадлежности»(167).

Спецпереселенцы и члены их семей (пункт 4) имели право «на прием в местные школы, курсы и т.д. на одинаковых условиях с вольнонаемными». Кроме того, при «отсутствии или недостаточности» в спецпоселках «местных школ для детей» предполагалась организация «дополнительной специальной сети»(168).

Оговаривалось (пункт 6) право «спецпереселенцев и их семей» создавать («с предварительной санкции комендатуры ОГПУ») в спецпоселках «культурно-просветительные организации» (кружки самообразования, художественной самодеятельности, санитарные), а также и на тех же условиях (пункт 7) проводить собрания «по вопросам культурно-просветительного

характера, ...соревнования и ударничества и... общественно-бытового порядка в поселках», но при этом собрания должны проводиться с участием и под руководством «представителя комендатуры ОГПУ», а все решения этих собраний подлежали утверждению той же комендатурой и только после этого могли считаться «действительными».

Спецпоселенцам и их семьям предоставлялось «неограниченное» право «получения и приобретения газет и всякой литературы, издающейся в СССР» (пункт 8), а также «обмена всякого рода корреспонденцией, посылками и денежными переводами» (пункт 9)(169).

Разрешалось спецпереселенцам (пункт 10) возведение «для себя за свой счет жилых домов и служб, а также приобретение всякого имущества личного обихода, скота и инвентаря»(170).

Во «Временном положении» (пункт 11 раздела 3) подтверждалось право спецпереселенцев «через комендатуры ОГПУ передавать своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14-ти лет» (вместо 10-ти лет – по директиве ОГПУ от 21 апреля 1930 года)(171), а также «нетрудоспособных стариков-старух».

Имели право спецпереселенцы (как явствует из пункта 6 раздела 3 «Временного положения») и на обращение с жалобам и заявлениями - в «органы ОГПУ и Советской власти»(172).

Весной 1939 года НКВД СССР был разработан новый законопроект о спецпоселениях, учитывавший реалии истекшего периода, - «Положение о правах и обязанностях трудпоселенцев, об административных функциях и правах комендантов в районах расположения трудпоселенцев»(173).

«Положение» включало, в частности, раздел второй, в 15-ти пунктах которого прописывались права и обязанности трудпоселенцев.

Перечень их обязанностей, среди которых сохранялись две основные – «заниматься общественно-полезным трудом» (пункт 7) и не покидать пределы поселка (пункт 2), не претерпел изменений.

Характеристики нормативного статуса трудпоселенцев в новом документе сопровождалась отсылками на различные государственные решения. Так, со ссылкой на статью 135 Конституции СССР 1936 года устанавливались избирательные права трудпоселенцев (пункт 1), но сразу же далее (пункт 2) указывалось, что, «согласно постановлению ЦИК СССР от 25 января 1935 года, ...права выезда из места поселения трудпоселенцы не имеют».

Специально (пунктом 5) оговаривалось (чего не было во «Временном положении» 1931 года) право трудпоселенцев, вступавших в брак с «нетрудпоселенцами», на снятие с учета и выезд из поселения (с оговоркой, что каждый отдельный случай рассматривается на уровне руководства УНКВД края или области).

Два разрешительных пункта в 1939 году подверглись корректировке. Так, примечаниями «а» и «б» к пункту 12 «Положения» трудпоселенцам запрещалось (очевидно, в целях противодействия «военизации» молодежи) вступать в добровольное общество ОСОАВИАХИМ, а также сдавать нормы на значки «Ворошиловский стрелок» (ВС) и «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Проект «Положения» 1939 года так и не получил законодательного утверждения, тем не менее он использовался аппаратом ГУЛАГа в рабочем порядке.

Своеобразным нормативным путеводителем, который «должен быть изучен» и, соответственно, неуклонно исполняться всеми районными и поселковыми комендантами трудпоселков являлся изложенный в указании ОТП ГУЛАГа НКВД СССР от 21 февраля 1941 года «Перечень постановлений Правительства, приказов и циркуляров НКВД по трудссылке за 1931-1941 годы»(174).

В перечне – 35 документов. Из них 15 содержат (либо упоминают) ограничения прав переселенцев и/или налагают на них определенные обязанности, в том числе:

- постановление СНК СССР от 1 июля 1931 года № 130/сс («из зарплаты трудпоселенцев на расходы по управлению и обслуживанию трудпоселенцев 5

процентов удерживаются хозорганизациями и переводятся ими на текущий счет ОИТК НКВД/УНКВД, согласно типовому договору, утвержденному приказом ГУЛАГа НКВД СССР № 29395 от 29 ноября 1940 года»);

- постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 года («трудпоселенцы права выезда с мест поселения не имеют»);

- постановление президиума ВЦСПС от 27 сентября 1937 года («трудпоселенцы, не имеющие паспортов, закрепленные в определенных местах поселений без права выезда или из заработной платы которых производятся удержания, не могут состоять членами профессиональных союзов»).

- указания ОТП ГУЛАГа НКВД СССР от 19 декабря 1939 года № 2048679 и от 3 августа 1940 года № 35/287904 («представление на рассмотрение в ОТП ГУЛАГа НКВД СССР ходатайств трудпоселенцев о снятии их с учета и освобождении из трудпоселков в соответствии с указанием заместителя наркома внутренних дел СССР от 13 июля 1939 года по мотивам вступления в брак с нетрудпоселенцами может иметь место, как исключение, только при необходимости выезда нетрудпоселенца и невозможности создания условий для совместного их проживания в поселке»);

- разъяснение Всесоюзного Комитета по делам физкультуры от 21 декабря 1939 года № 01/387/37 («к сдаче норм на значок «ГТО» и «ВГТО» допускается только трудпоселенческая молодежь школьного возраста);

- приказ НКВД СССР от 27 декабря 1939 года № 001519 («предусматривается отселение трудпоселенцев из 5-ти километровой зоны от железной дороги»);

- указание начальника Главного управления РККА от 27 февраля 1940 года № 22/181387 («трудпоселенцы на основании статьи 30 Закона о всеобщей воинской обязанности к призывным участкам не приписываются, на учет не берутся и в РККА и ВМФ не призываются»);

- циркуляр Центрального отдела АГС и ОТП ГУЛАГа НКВД СССР № 84 от 26 марта 1940 года («при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах трудпоселенцам на руки не выдаются»);

- приказ НКВД СССР от 11 июня 1940 года № 00444 («трудпоселенцы, совершившие побеги из мест поселения, привлекаются к уголовной ответственности и дела о них через НКВД/УНКВД передаются на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР»);

- указание НКВД СССР от 13 июля 1940 года № 27/6353 («на всех без исключения трудпоселенцев распространяется Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1940 года»);

- циркуляр НКВД СССР от 05.08.1940 г. № 27/7038 («запрещается без ведома ГУЛАГа НКВД переброска на работу трудпоселенцев с одной организации в другую»);

- постановление СНК СССР № 1667 от 10 сентября 1940 года № 1667, приказ НКВД СССР от 18 сентября 1940 года № 407 («трудпоселенцам, снятым с учета и освобожденным из трудссылки, запрещается проживать в режимных местностях; регистрация актов о перемене имен и фамилий и об усыновлении трудпоселенцев – не производится»);

- указание ОТП УИТКиТП ГУЛАГа НКВД СССР от 28 октября 1940 года № 35/292302 («запрещается изъятие паспортов у ранее восстановленных трудпоселенцев без санкции ОТП УИТКиТП ГУЛАГа НКВД СССР»).

В перечне документов, регламентирующих права трудпоселенцев, упоминаются 20 нормативных актов и ведомственных директив, в том числе:

- постановление СНК СССР от 1 июля 1931 года № 130сс («трудпоселенцы, работающие в промышленности на основании договора, заключенного органами НКВД с хозорганизациями в части условий работы и оплаты труда, приравниваются к остальным рабочим, работающим в данной промышленности»)(175);

- постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 года № 2663 «О школах в трудпоселках» («дети трудпоселенцев, окончившие среднюю

школу, принимаются на общих основаниях в специальные средне-технические и высшие учебные заведения»);

- постановление секретариата ВЦСПС от 27 июля 1936 года («на трудпоселенцев, работающих на основании договоров между хозорганами и НКВД, распространяется законодательство о труде, социальном страховании об обеспечении пособием по временной нетрудоспособности, по рождению ребенка, погребении, пенсией по инвалидности»);

- циркуляр НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 11 сентября 1936 года № 83 («подлежат снятию с учета лица, осужденные органами бывшим ОГПУ и судами в трудпоселки на сроки, по отбытии ими срока наказания, если они по социальному положению до осуждения из трудящихся и их семьи не высылались в трудпоселки»);

- директива Центрального отдела АГС и ГУЛАГа НКВД СССР от 3 ноября 1936 года № 1093143 («на многосемейных трудпоселенцев распространяется действие постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года о государственной помощи многосемейным – на общих основаниях»);

- циркуляр НКВД СССР от 13 июля 1939 года № 71467 («освобождение из трудпоселка в порядке исключения может быть произведено по специальному постановлению Отдела трудпоселений ГУЛАГа, утвержденному Заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР; для рассмотрения вопроса об освобождении трудпоселенца из трудпоселка ОИТК УНКВД представляет в Отдел трудпоселений УИТКиТП ГУЛАГа НКВД СССР: а) личное дело; б) справку о наличии или отсутствии компрометирующих материалов; в) полит-деловую характеристику и заключение УНКВД о возможности освобождения из трудпоселка; дети трудпоселенцев, при достижении ими 16-летнего возраста, освобождаются ОИТКиТП УНКВД на месте в соответствии с постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 года № 1143-280/с»);

- директива Наркомфина СССР и НКВД СССР от 4 августа 1939 года № 048/с («трудпоселенцы, работающие в промышленности, уплачивают налоги (подходный, культналог) на общих основаниях со всеми рабочими и

служащими; сельхозартели трудпоселенцев облагаются подоходным денежным налогом на общих основаниях с колхозами; единоличные хозяйства трудпоселенцев облагаются налогами и подлежат самообложению на общих основаниях с единоличными крестьянскими хозяйствами; проведение всей работы по налоговым платежам, прием платежей и разбор жалоб по этим вопросам производится райфинотделами или лицами, уполномоченными на это»);

Кроме того, в перечне содержатся ссылки на постановление СНК СССР от 20 апреля 1933 года и директиву НКВД СССР от 13 сентября 1939 года («О контингентах, подлежащих содержанию в трудпоселках»), а также на приказ НКВД СССР от 9 января 1941 года № 0041 («О порядке розыска и водворения бежавших трудпоселенцев»).

Таким образом, эволюция статуса спецпереселенцев на протяжении 1930 годов проявлялась в том, что и обязанности, и продекларированные права их весьма жестко регламентировались и обрастали всевозможными директивами, циркулярами, разъяснениями ОГПУ-НКВД до размеров, перечеркивавших законодательные нормы, которые к тому же произвольно корректировались спецорганами.

Еще более ужесточили нормативный статус и ухудшили социальное положение трудпоселенцев Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и воследовавшие за ним многочисленные подзаконные акты(176).

Сплошь и рядом не выполнялось постановление СНК СССР от 22 октября 1938 года № 1143-280с «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных»(177). Согласно этому постановлению, дети трудпоселенцев (по достижении ими 16-летнего возраста), независимо от того, выезжают они на учебу либо на работу или остаются в трудпоселке, подлежали снятию с учета трудпоселения с прекращением удержания 5-процентных отчислений; им

должны были выдаваться паспорта (или соответствующие справки спецкомендатур, если поселок находился вне «паспортизованной местности»). Между тем в 1940 году молодежи, подлежащей освобождению по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года, насчитывалось в трудпоселках 165.050 человек, а освобождены были в 1939-1940 годах – только 50.569, то есть менее трети(178).

Как массовые и обыденные явления предстают в документах 1930-х годов грубые нарушения и даже уголовные преступления, допускавшиеся руководителями хозяйственных органов в отношении организации, охраны и оплаты труда, жилищного обеспечения и продовольственно-вещевого снабжения спецпереселенцев. Уже отмечалось, что из их заработка удерживались сначала 25, затем 15 и далее 5 процентов – на содержание аппарата спецкомендатур. Эти поборы были отменены лишь с 1 сентября 1944 года (на основании постановления СНК СССР от 24 августа 1944 года «Об отмене процентных отчислений с заработков спецпереселенцев, установленных постановлением Совнаркома СССР от 1 июля 1931 года № 130сс»)(179).

Медицинская и социальная помощь спецпереселенцам оказывалась не в полном объеме, поскольку они, будучи фактически «лишенцами», не состояли в профсоюзах и, следовательно, не имели соответствующих льгот.

Детей спецпереселенцев до 1936 года не принимали в техникумы и вузы страны, а после 1936 года препятствием к их обучению стал запрет на проживание в так называемых «режимных» городах, в которых как раз и находилось большинство средних и высших учебных заведений. Дети в возрасте до 14 лет и инвалиды могли передаваться на иждивение к родственникам, но это было сопряжено с различными процедурными сложностями, в частности из-за тех же ограничений на проживание в ряде местностей.

В спецпоселках строились школы, детские сады, и к середине 1930-х годов в большей своей части «кулацкие» дети в возрасте от 8 до 12 лет посещали учебные заведения, однако в более старшем возрасте (13-16 лет) в школах

обучалось не более трети детей спецпереселенцев(180). В детских садах и яслях регулярно отмечались «примитивность», отсутствие «кроватей, белья, верхней одежды»; в учреждениях медицинского и социального обслуживания (больницы, медпункты, детские дома, дома инвалидов) – недостаток (или даже полное отсутствие) квалифицированного персонала, медикаментов, инвентаря, скудное продовольственное снабжение(181).

Массивным частоколом условий обставлялось право спецпереселенцев на изменение их статуса при вступлении в брак с вольными гражданами. В циркулярном письме ГУЛАГа НКВД СССР, изданном в августе 1931 года для разъяснения по данному вопросу, говорилось, что подобные изменения производятся «каждый раз путем индивидуального подхода к каждому отдельному случаю (в зависимости от поведения спецпереселенца или спецпереселенки, их отношения к труду, выполнению норм и т.п.)»(182).

В 1930-х годах трудпоселенцы не призывались на военную службу, не состояли на учете в военкоматах. И хотя коменданты спецпоселков вели списочный учет раскулаченных в возрасте от 18 до 45 лет, но согласно постановлению СНК СССР от 4 апреля 1932 года они не подлежали призыву даже в части тылового ополчения, использовавшихся на «работах оборонно-стратегического значения»(183).

Предпринимались жесткие меры к тому, чтобы спецпереселенцы не могли самостоятельно овладеть военными знаниями и навыками: от запрета на владение охотничьим оружием (разъяснение ГУГБ и ГУЛАГа НКВД от 8 мая 1937 года), недопущения создания первичных организаций ОСОАВИАХИМа и МОПРа (циркуляр ГУЛАГа от 13 октября 1931 года № 389/ГУЛ и письмо ГУЛАГа от 15 мая 1932 года), введения ограничений для сдачи норм на значки «Ворошиловский стрелок» («ВС») и «ГТО» - до запрещения организации пионерских отрядов из детей спецпереселенцев (циркуляр ГУЛАГа от 4 декабря 1932 года)(184).

Правда, приказом ГУЛАГа от 20 апреля 1936 года организация пионерских отрядов в спецпоселках была вновь разрешена, а 21 июля 1939 года вышло

разъяснение Всесоюзного комитета по делам физкультуры, согласно которому трудпоселенческая молодежь (только школьного возраста) допускалась к сдаче норм на значки «ГТО» и «БГТО». Однако к сдаче норм на значок «ВС» по-прежнему не допускались даже школьники(185). На местах заходили еще дальше. Так, в школе спецпоселка № 7 Нагорского района Вятского округа в 1932 году по указанию участкового коменданта ученикам запретили кататься на лыжах, мотивируя это тем, что «ребята, научившись кататься, убегут с поселка». В той же школе были запрещены пионерские песни – под тем предлогом, что «дети кулаков не должны обучаться пионерским песням»(186).

В общем и целом, применявшийся в 1930-х годах в отношении спецпереселенцев механизм реализации законодательных и подзаконных актов, по сути, лишал основную массу репрессированных даже тех немногочисленных прав, которые были продекларированы. Нормативные документы (директивы, инструкции, циркуляры) ОГПУ-НКВД, изданные «для разъяснения», были направлены в основном на ограничение возможностей спецпереселенцев воспользоваться теми или иными правами. Поэтому есть все основания для характеристики правового статуса спецпереселенцев как дискриминационного. Нормативные подзаконные акты дезавуировали акты законодательные, делали их практически нереализуемыми.

В связи с принятием в 1936 году новой Конституции СССР окончательно утратило легитимность «Временное положение» о спецпоселениях 1931 года. Новое «Положение» так и не получило утверждения на законодательном уровне. И в этот «правовой вакуум» в 1940-х годах были ввергнуты сотни тысяч новых спецпереселенцев, представлявших в основном репрессированные народы. Те немногочисленные льготы, которыми пользовались «бывшие кулаки», на вновь депортированных не распространялись. Более того, в первые же дни войны права на освобождение из спецпоселения, предусмотренного постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 года, были лишены «бывшие кулаки» из числа «титულных национальностей» враждебных СССР стран (немцы, финны, венгры и т.д.), а также прибалты, молдаване и др. В 1944 году

это коснулось спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» - калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар.

Образовавшийся правовой вакуум заполнялся различными директивными актами (ГКО, СНК, НКВД-НКГБ, других министерств и ведомств), которые не только не улучшали положение, но еще более нагнетали ситуацию. Наиболее убедительное подтверждение тому – положение в «трудармии», где, казалось бы, регламентация была наиболее комплексной, подробной и разносторонней(187). Однако именно здесь отмечались наиболее тяжелые условия труда и быта, неоправданно жестокий режим, беспредельный произвол администрации и чудовищно высокий уровень смертности «спецконтингентов»(188).

Лишь 8 января 1945 года постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» наконец-то зафиксировало уже отлаженный в течение 15 лет репрессивный механизм депортационной практики(189). Впервые за многие годы это постановление - и то лишь в самой общей форме, без детализации - на уровне высшего органа государственной исполнительной власти юридически определило реалии спецпоселений. По сути, в условиях своего времени этот лаконичный (всего из 5 пунктов) документ имел силу закона, определявшего нормативный статус более 2.000.000 человек.

За спецпоселенцами сохранялись (пункт 1) «все права граждан СССР», в том числе избирательные права, но они были еще более номинальными, чем у остального населения СССР: ведь участие в выборах осуществлялось в условиях личной несвободы, под надзором репрессивных органов, в атмосфере неприкрытого давления и страха. Разумеется, спецпоселенцы могли пользоваться лишь активным избирательным правом, то есть участвовать в выборах только в качестве избирателей, но не избираемых.

Характерно также, что пункт 2 постановления № 35 посвящен самому важному (с точки зрения властей) вопросу: все трудоспособные поселенцы обязаны работать – «в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках...».

Следующая по значимости для властей задача в деятельности спецпоселений - обеспечение изоляции «учетных контингентов». Для спецпоселенцев это означало прежде всего ограничение свободы передвижения - самое, пожалуй, тягостное ограничение в их жизни. Территория спецкомендатуры - единственное отведенное для них «пространство обитания». Ситуация вполне сопоставима с местами заключения: и здесь и там маршрут передвижения ограничивался одним направлением - «жилая зона (спецпоселок) - производственная зона (рабочий объект)». Правда, на поселении отсутствовали внутренняя охрана и конвоирование, но тем не менее контроль за соблюдением правил установленного режимного распорядка и здесь был тотальным и тщательным, гласным и негласным.

Существенным дополнением к нормативному статусу депортированных являлась общепринятая в советском обществе в 1930-1940 годах социальная маркировка спецпереселенцев как «врагов»: «бывших кулаков», «изменников родины», «фашистов», «бандитов» и т.п. Конечно, отношение к высланным бывало разное, в том числе и среди администрации спецпоселений. Кто-то понимал, сочувствовал и даже помогал в каких-то сложных житейских ситуациях(190). Но преобладающая часть местного населения и администрации относилась к спецпоселенцам как к «классовым врагам». Тоталитарная система формировала настоящую подсистему страха: никто не хотел оказаться заподозренным в лояльном отношении к «врагам народа», а в такой атмосфере всеобщей недоброжелательности тот же самый страх побуждал доносить о малейших подозрениях в отношении этих «врагов».

Очень тяжелым (особенно в первые годы после депортации) было моральное состояние спецпоселенцев. В последующие годы беспросветная жизнь, отсутствие надежд на будущее усугублялись «Указом о вечной ссылке» от 26 ноября 1948 года(191).

Как правило, поляки, прибалты, западные украинцы, уроженцы Кавказа и Крыма держались достаточно замкнуто и отчужденно от местного населения, устанавливая с ним лишь необходимые или вынужденные контакты. Можно

согласиться с исследователем этой темы В.Брулем: поляки, немцы, литовцы, латыши, эстонцы считали местное население малообразованным, малокультурным и не желали вступать с ним в контакт(192).

Вместе с тем в большей мере это справедливо для Сибири и Русского Севера, для сельской местности, где сами условия жизни консервировали этническую разобщенность, обостряли чувства ностальгии, отчужденности, изоляции от родной культуры и т.п. На Урале же, в других промышленных регионах и в лагерях ГУЛАГа национальные различия стирались быстрее и взаимодействие этносов (на личностном уровне) было более тесным. Друг с другом разные этносы общались тоже не очень активно, замыкаясь в своем национальном кругу. Но элементы солидарности и взаимоподдержки в среде депортированных, конечно, были. Хотя не обходилось и без спонтанных националистических проявлений. Так, многие прибалты и поляки считали именно русских виновниками своей высылки. Острые конфликтные ситуации нередко возникали между поляками и украинцами. Имели место и антисемитские высказывания и настроения(193).

В межличностном общении высланные по этническому признаку пользовались в основном родным для них языком - в быту, в семьях, на работе. Но в силу жизненных условий и производственной необходимости они вынужденно усваивали (одни - лучше, другие - хуже) и русский язык. На особом положении в этой ситуации оказались российские немцы. Они могли общаться на родном языке только между собой и только в быту. И это вполне объяснимо: ведь немецкий язык (в понимании чиновников да и в массовом сознании советских людей) на многие годы - во время войны и после нее - являлся и оставался «языком фашистов». Такое мощное политическое и моральное давление приводило к вытеснению родной речи из обихода российских немцев. Результат печален: при переписи населения СССР в 1959 году лишь 75 процентов (в РСФСР – 69 процентов) из них назвали немецкий в качестве своего родного языка (в 1939 году таковых насчитывалось 88,4

процента, в 1979 году – 57,0, причем в бывших регионах спецссылки этот показатель не достигал и половины)(194).

От клейма «спецпоселенец» не спасали ни ученые степени, ни почетные звания, ни самые высокие награды. Так, права жить на своей родине в Крыму был лишен дважды Герой Советского Союза крымский татарин Ахмет-Хан Султан(195). Спецпоселенцами значились два человека, которые в период пребывания на спецучете стали лауреатами Сталинской премии: доцент Казанской государственной консерватории немец А.С.Леман (1915 года рождения, уроженец города Вольска Саратовской области, состоял на учете спецпоселения в МГБ Татарской АССР) и главный художник Челябинского драматического театра немец Д.Д.Лидер (1917 года рождения, уроженец села Викторфельд Миллеровского района Ростовской области). Обоим в марте 1952 года была присуждена Сталинская премия 3-й степени: первому - за музыкальное произведение, второму – за оформление спектакля «Любовь Яровая»(196).

В Вятском ИТЛ (Кировская область) находились на спецпоселении при лагере: А.А.Кисснер (1913 года рождения, уроженец Саратовской области, кандидат технических наук, заведующий кафедрой Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта), Э.И.Кальмбах (1919 года рождения, уроженец города Ростова-на-Дону, врач-хирург, кандидат медицинских наук), Д.И.Гольман (1899 года рождения, уроженец города Камышина, литератор, член Союза писателей СССР с 1940 года), А.А.Келлер (1911 года рождения, уроженец села Дмитриевка Аткарского района Саратовской области, тренер футбольной команды кировского «Динамо», впоследствии «Заслуженный тренер СССР»)(197). Спецпоселенческую судьбу разделили с ними многие другие ученые, литераторы, музыканты, специалисты самых разных отраслей – из среды депортированных народов.

В марте 1949 года в спецпоселениях было проведено обследование уровня грамотности и образования «учетных контингентов». Выяснилось, что уровень этот значительно ниже, чем в среднем по стране (впрочем, за основу

брались результаты переписи населения СССР 1939 года, а они, как известно, были существенно подкорректированы - по указанию политического руководства(198). Тем не менее, согласно данным обследования в 1949 году, среди взрослых спецпоселенцев значилось лишь 0,6 процента людей с высшим образованием, среднее образование имели 4,3 процента, низшее - 71,0 процента, а 24,1 процента - неграмотны. Причем последних среди поселенцев-кавказцев больше половины, а среди немцев - только 11,1 процента. Значительно выше среднего уровня показатели образованности у прибалтов(199).

Можно предположить, что в дальнейшем эта статистика не улучшилась. Основания для такого вывода дает множество фактов. Система образования в спецпоселениях находилась в 1940-х по-прежнему в тяжелом состоянии. Значительное число детей все еще не имело возможностей посещать школу. Например, в феврале 1946 года в Киргизии в семьях спецпоселенцев насчитывалось 21.174 ребенка школьного возраста, но из них не учились 16.149, то есть 76,3 процента – более трех четвертей(200). В декабре 1952 года в Молотовской области учились 10.862 ребенка из семей спецпоселенцев, еще 516 детей (4,5 процента), подлежащих обучению, не учились «по причинам материальных условий и болезни». При этом 7.802 ребенка (71,8 процента) учились в начальной школе, 2.932 (27,0) – в средней и только 128 (1,2) – в высшей. Окончить вузы смогли: в 1950/1951 учебном году – только 7 детей спецпоселенцев, в 1951/1952-м – 15(201). В целом картина удручающая.

Институт семьи в условиях спецпоселений также подвергался давлению и деформации. Средняя семья поселенцев состояла из трех человек: муж с женой и ребенок. Но - в силу специфики положения различных «наказанных» народов и социальных категорий выселенных - такие семьи были характерны отнюдь не для всех. Немало пребывало в них и людей одиноких, вдов, сирот, а также многодетных семей численностью более 3 человек(202).

Главной труженицей в спецпоселениях во время войны и после нее повсеместно стала женщина, низведенная до уровня «рабочей силы».

Природное предназначение женщины - продолжение рода, создание семьи - под натиском машины государства и под прессом его репрессивных органов отошло на дальний план. Нечеловеческие условия труда и быта приводили к утрате женственности, тяжелым физиологическим расстройствам, раннему бесплодию, а нередко - и к гибели(203).

Деградирует нравственность, обесцениваются и разрушаются традиционные семейные устои. Значительно увеличивается число разводов, вторых и третьих браков. Этому способствовало, в частности, и резкое уменьшение численности мужчин - следствие предшествующих лет.

И если говорить о «человеческой цене» сталинско-советской системы спецпоселений, то одна из основных составляющих здесь – демографические потери, обусловленные патологической деформацией семьи. Наиболее яркий показатель этого – изменение средних размеров семей в спецпоселениях. Так, в 1930-1931 годах данный показатель для высланной крестьянской семьи составлял 4,7 человека. К началу 1940 года он уменьшился до 3,8 человека(204).

Средняя численность немецких семей, составлявшая в момент выселения, в 1941 году, в АССР немцев Поволжья 4,6 человека, по данным на конец 1948 года сократилась до 3,5 человека. При этом доля мужского немецкого населения составила лишь 38,8 процента, а доля лиц старше 16 лет среди немцев СССР – 65,3 процента(205).

Уменьшение семьи в размерах на 1 человека и более всего за 5-10 лет – это свидетельство и следствие масштабной демографической катастрофы в проекции на контингенты спецсылки.

В силу сложившейся в спецпоселениях ситуации женщины зачастую вынуждены были заменять мужчин и выполнять ролевую функцию главы семьи. Присутствие женщины (жены-матери, заменившей мужа-отца) в данной роли также свидетельствовало об экстремальности ситуации на спецпоселении, являлось признаком того, что вся семья находилась в условиях борьбы за существование (пицетаксиса). Это, в свою очередь, означало, что трудовой

потенциал всего спецпоселенческого социума не возрастал, а деградировал, а тип поведения (в том числе экономического) спецпоселенческой семьи, постоянно находившейся в пограничных ситуациях, представлял собой «поведение выживания».

Практически все взрослые спецпоселенцы считали свое пребывание в неволе незаконным, несправедливым, ошибочным. Наиболее эмоциональными (по внешним проявлениям своего недовольства и протеста) были украинцы. «Западники» (эстонцы, латыши, литовцы) считали свою жизнь до 1940 года идеальной, мечтали к ней вернуться и твердо верили в возрождение независимости своих стран. Именно среди «западников» (включая поляков) спецорганы и предпочитали раскрывать разного рода национально-культурные землячества, братства, клубы - как «подпольные контрреволюционные организации», фабрикуя и раздувая политические дела(206).

Озлобленность, обида на столь неудачно сложившуюся жизнь была характерна для поселенцев всех национальностей. Крымский болгарин Р.: «Нигде правды нет. Немцы нас гоняли-гоняли. Сейчас уже 7 лет (советские. - И.Б.) гоняют хуже собак»(207).

Можно согласиться с исследователем В.Брулем: «Люди, пережившие депортации, спецпереселения и принудительную работу, в большинстве своем стали физическими и душевными инвалидами. Они окончательно потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. Если до депортации народы проживали компактно, то после переселения они оказались разбросанными на огромных сибирских просторах. Существование в чужом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привело к утрате родного языка значительной частью депортированных, поставило под сомнение сам факт сохранения отдельных этносов»(208).

К этому остается добавить, что к концу 1940 годов в системе спецпоселений в результате реализации сталинско-советским режимом

широкого диапазона мер – от репрессивных до патерналистских – на смену экстремальной пришла нормативная повседневность. Претерпели очевидные изменения и поведенческие ориентиры основной массы спецпоселенцев. «Оседание» в местах вынужденного расселения становилось для них привычным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существовавшая на протяжении почти трех десятилетий советская система спецпоселений – явление уникальное в мировой истории и пенитенциарной практике.

В последнее время исследователи, занимающиеся этой темой, находят немало аналогов и примеров того, что ныне принято обозначать как «депортации», «насильственные переселения» или «принудительные миграции». В этом ряду называются: Ветхозаветное «египетское рабство» евреев, водворение в резервации коренного населения Северной Америки, «переселение за океан» негров-рабов из Африки, миллионные депортации «остарбайтеров» в нацистскую Германию, изоляцию на время войны этнических японцев («нисэев») в США, кампанию «Лицом к деревне» в маоистском Китае, тотальную высылку («деурбанизацию») городского населения в полпотовской Кампучии и пр. Имелась практика принудительных переселений и в Российской империи: со времен Петра 1 (поголовное «выселение под надзор» сторонников Мазепы со всеми их родственниками) до русско-японской и первой мировой войн, когда с территории Украины, Белоруссии и Прибалтики были депортированы в центральные, северные и восточные регионы страны сотни тысяч немцев, австрийцев, венгров, евреев, поляков, турок и др.(1).

В 1930-х – начале 1950-х годов осуществление массовых депортаций стало в СССР обычным явлением, приобрело отлаженную технологичность и невиданную прежде масштабность, использовалось советским руководством страны как один из важных компонентов решения многих задач политического, экономического и социального характера. При этом депортации оправдывались (на уровне официальной пропаганды) «интересами Советского государства и трудового народа». Так, экспроприация и выселение части крестьян в первой половине 1930-х годов мотивировалось стремлением «освободить трудовое

крестьянство от эксплуататоров-кулаков». Во второй половине 1930-х годов – начале 1950-х годов в официальных партийно-государственных документах причины выселения некоторых народов объяснялись стремлением «ослабить этническую напряженность» в том или ином регионе страны, «стабилизировать политическую обстановку», «наказать за пособничество фашистам и выступления против Советской власти», «ликвидировать бандитизм».

Однако есть все основания полагать, что в число главных, подлинных причин депортаций входили: акт мести за предательство отдельных лиц из числа «наказанных народов» во время германской оккупации (калмыки, «северокавказцы» и др.); «профилактика возможного предательства», а по существу – «превентивная мера наказания» за принадлежность к национальности, с зарубежными представителями которой ведется или может вестись война (немцы, финны, венгры и т.п.); ослабление «социальной базы буржуазно-националистического подполья» (Прибалтика, западные регионы Украины и Белоруссии, правобережная Молдавия).

Определяющими правовыми особенностями советских депортаций являются: репрессивное содержание, политическая мотивированность, административный (внесудебный) характер и направленность не на конкретное лицо, отдельного индивида и гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху параметрам и критериям (социальным, национальным и др.). Решения о депортациях принимались, как правило, по инициативе органов ОГПУ-НКВД-НКГБ партийно-государственным руководством.

При этом ни конституционное право (Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик), ни уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское и административное законодательство не принимались во внимание, и даже такие упрощенные институты советского «судопроизводства», как «тройки» или «Особые совещания», не были задействованы. Это ставило депортации и всю систему спецпоселений вне компетенции и правового поля советского судопроизводства,

«социалистической законности» и резко отличало (в негативную сторону) систему спецпоселений даже от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний.

Советский Союз в 1930-1940 годах являл собой тип страны с традиционно высокой мобильностью населения. Однако в основе этой мобильности находился не простой и свободный выбор гражданами своего местожительства, обусловленный их индивидуальными предпочтениями и особенностями рынков труда и жилья. Это был совершенно иной тип мобильности, носившей плановый, массовый и директивно-принудительный характер, кульминацией которой и являлись депортации населения, ставшие одной из главных составных частей системы советских политических репрессий (3).

Всего за период 1930-х – 1950-х годов через все формы спецпоселения прошли, по усредненным оценкам, не менее 6 000 000 человек. В 1930-е годы подавляющее большинство людей, находившихся на спецпоселении, составляли «раскулаченные» крестьяне, потому и спецпоселенческая система зачастую называлась тогда (и нередко называется ныне) «кулацкой ссылкой». Она поглотила примерно 2 500 000 человек, в число которых, помимо «раскулаченных», входили направленные на спецпоселение «сомнительный элемент» из погранзон, «городской деклассированный элемент» и др. В период 1940-х годов массовым депортациям с водворением в спецпоселения подверглись около 3 500 000 человек, среди которых ведущее место по численности занимали «наказанные народы». За время существования системы спецпоселений при транспортировке в места высылки и находясь в них умерли не менее 1 200 000 человек, или около 20 процентов.

Лишению родины, то есть устоявшейся и привычной среды обитания, полностью подверглись следующие народы СССР: немцы, финны, ингерманландцы, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, хемшилы, курды, иранцы, ассирийцы и корейцы.

Частично были депортировано население из западных регионов СССР. В данном случае этнический признак не был обозначен, и речь шла о выселении

(независимо от национальности) всякого рода «антисоветских» и «социально опасных элементов», включая «раскулаченных» крестьян. Однако на практике в подавляющем большинстве депортации были подвергнуты лица вполне определенных национальностей: поляки, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, а также украинцы и белорусы из западных областей Украины и Белоруссии. Среди направленных на спецпоселение беженцев из оккупированных германскими войсками Польши преобладали евреи.

В целом же можно констатировать, что все категории депортированных в экстремальной для себя ситуации продемонстрировали высокие адаптационные способности.

Депортации целых народов отнюдь не способствовали «упрочению интернационального единства советского народа». Переселения, приведшие к огромным человеческим, моральным, политическим потерям, противоречили элементарным права человека, ими был погран суверенитет национальных административно-территориальных автономных образований, нарушены права народов на их свободное развитие(4).

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует сделать вывод, что инфраструктура системы спецпоселений была сформирована на внеправовой основе. Другой существенной особенностью системы спецпоселений стало то, что одновременно с формированием инфраструктуры спецпоселений сформировался и оригинальный институт управления и надзора, ранее неизвестный в мировой пенитенциарной практике.

Также существенной особенностью формирования инфраструктуры спецпоселений является их экономическая неэффективность и убыточность для советского государства и общества. Безусловно, спецпоселенцы внесли определенный вклад в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. Но ни один из известных архивных или нарративных источников не подтверждает встречающиеся оценки о «превосходстве подневольного, но хорошо организованного труда» - над трудом свободным.

Документы свидетельствуют, что расходы государства по переселению и устройству депортируемых не покрывались доходами от конфискованного у них имущества. Под углом зрения экономической выгоды (а точнее, невыгоды) все многочисленные насильственные переселения являлись нерентабельными, затратными и служили одним из факторов, сдерживавших рост жизненного уровня всего советского социума. Если на труде депортированных и базировалась чья-то экономическая выгода, то никак не государства и общества в целом, а лишь НКВД, который стремительно выдвинулся в 1930-х годах в число крупнейших в стране субъектов хозяйствования.

Для государства же в макроэкономическом плане депортации были убыточными, поскольку выбивали из жизни или из деятельного цикла миллионы обустроенных трудовых семей, приводили к запустению земель и селений, к утрате трудовых навыков и традиций, к спаду сельскохозяйственного и промышленного производства, а также к затратам на переезд, обустройство на новых местах и т.д. Потери сотен тысяч граждан во время голода и связанные с депортациями иные нарушения демографического развития создали для государства серьезнейшие дополнительные трудности в годы Великой Отечественной войны, в том числе в мобилизационном аспекте. Пространственная же обширность СССР, со своей стороны, лишь усугубляла всю эту нерациональность и усиливала неэффективность принудительного труда депортированных людей.

В 1989 году эта система спецпоселений официально была признана «тяжелейшим преступлением, противоречащим основам международного права» (6). В принятой 14 ноября 1989 года Верховным Советом СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», в частности, говорилось:

«Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество,

обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забывать нельзя».

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 года в Латвии//Увезенные: 14 июня 1941 года. Книга Памяти. – Рига, 2001. С.742, 744).

Четверть века спустя, в 1982 году, там же, в Стокгольме (Швеция), были изданы списки интернированных в предвоенное время (в том числе 14 июня 1941 года) жителей Латвии («Эти имена обвиняют»). В этом издании впервые приведены наиболее полные сведения о жертвах первой «латвийской» массовой депортации. (These Names Accuse. Nominal List of Latvians Deported to Russia in 1940-1941. – Stockholm, 1982).

2. См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С.151-152.

3. Conquest R. Soviet deportations of nationalities. - L.–N.Y., 1960. – 204 p.

В 1972 году вышло первое издание «Атласа русской истории» М.Гильберта, где была представлена и карта обобщенных направлений этнических депортаций в СССР, - более точная, чем у Р.Конквеста, но все еще весьма приблизительная. (Gilbert M. Atlas of Russian History. – Dorprset Press, 1985. – 148 p.).

4. Солженицын А.И. Арихипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: опыт художественного исследования. В 3 тт. и 7 частях. – Париж, 1973-1975.

5. Некрич А. Наказанные народы. – Нью-Йорк, 1978. – 170 с.

6. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929-1932 гг.). – М., 1972.

7. Вормсбехер Г. Немцы в СССР//Знамя. 1989. № 1.

8. Боков Х. Эхо невозвратного прошлого//Москва. 1989. № 1.

9. Ибрагимбейли Х.М. Сказать правду о трагедии народов//Политическое образование. 1989. № 4.

10. Керсновская К.А. Наскальная живопись//Знамя. 1990. №№ 3-5.

11. Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему?//Военно-исторический журнал. 1990. № 8, 9.

12. Ким С. Исповедь сорен-сарам-советского человека//Дружба народов. 1989. № 4.
13. Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-1941 гг.//Новая и новейшая история. 1989. № 2.
14. Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма// Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск, 1990.
15. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг./Под ред. В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого. – М.: 1989.
16. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941-1945. – М., 1987.
17. Земсков В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г.//Аргументы и факты. 1989. № 39; Он же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г.//Там же. 1989. № 40.
18. В 1989-1991 годах с документами спецхрана ЦГАОР СССР (ГАРФ) работали только советские историки, а с 1992 года к этим документам стали допускаться и иностранные ученые. (Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М., 2003. С.9-10).
19. Земсков В.Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР//Социологические исследования. 1990. № 11; Он же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. 1954-1960//Там же. 1991. № 1; Он же. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг.//Там же. № 2. С.74-75; Он же. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект//История СССР. 1991. № 5; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы//Социологические исследования. 1991. № 10; Он же. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны//Там же. 1992. № 2; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время//Там же. № 8; Он же. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-е годы//Отечественные

архивы. 1993. № 1; Он же. Судьба «кулацкой ссылки». 1930-1954//Отечественная история. 1994. № 1; Он же. Спецпоселенцы. 1930-1959//Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции. – М., 1994; Он же. Спецпоселенцы из Крыма. 1944-1956//Крымский Музей. – Симферополь, 1995; Он же. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных. 30-е – 50-е гг.//Мир России. Т.У111. Социология. Этнология. 1999. № 4; Он же. «Кулацкая ссылка в 1930-е годы: численность, расселение, состав//Население России в XX веке. Т.1. – М., 2000; Он же. Депортации населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные//Население России в XX веке. Т.2. – М., 2001; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» в 1940-1954 гг.//Там же.

20. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М., 2003. – 306 с.

21. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30-40 годах//История СССР. 1989. № 6.

22. Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопросы истории. 1990. № 7; Он же. Депортация народов с Украины. 30-50-е годы//Украинский исторический журнал (Киев). 1990. № 10, 11; Он же. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений//История СССР. 1991. № 1; Он же. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...»//Там же. № 2; Он же. 40-50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР)//Там же. 1992. № 1; Он же. Депортация крымских татар в 1944 г.//Украинский исторический журнал. 1992. № 16; Он же. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России//Отечественная история. 1992. № 4; Он же. О выселении корейцев из Дальневосточного края//Там же. № 6; Он же. О переселении и депортациях еврейского населения в СССР//Там же. 1993. № 2; Он же. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока//Вопросы истории. 1994. № 5; Он же. Депортация населения в 1920-1930-е годы//Население России в XX веке. Т.1.

23. Бугай Н.Ф. Депортация//Политический собеседник (Минск). 1990. № 6; Он же. Север в политике переселения народов//Север (Петрозаводск). 1991. № 4; Он же. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937

г.//Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4; Он же. Харуки Вада. Из истории депортации «русских корейцев»//Дружба народов. 1992. № 7; Он же. Власть сатаны: О депортациях народов из Прибалтики в 40-50-е годы//Молодая гвардия. 1993. № 4; Он же. 20-50-е годы: принудительные переселения народов//Обозреватель. 1993. № 11; Он же. О депортациях иранцев из Азербайджана в Казахстан//Восток. 1994. № 6.

24. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». – Элиста, 1991; Он же. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944-1994. – М., 1994; Он же. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995; Он же. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». – М., 2002.

25. Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. – М., 1998.

26. Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2-х ч. – М., 1997.

27. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М., 1996.

28. Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. 20-90-е годы XX века. – Нальчик, 1998.

29. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. Кн.1. - М., 1997; Он же. 10 лет в «Возрождении». - М., 2000.

30. Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950. – М., 1994; Он же. Суровая правда истории: депортации с территории Молдавской ССР. 40-50-е гг. – Кишинев, 1998.

31. Убушаев В. Калмыки: Выселение и возвращение. – Элиста, 1991.

32. Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. – Нальчик, 1994.

33. Дугин А.Н. Спецпоселения//Полиция и милиция в России. – М., 1993.

34. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны//Этнографическое обозрение. 1995. № 3.

35. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г.//Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. – М., 1997; Он же. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг.//Там же.

36. Иванов В.А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль-март 1935 г.)//Новый часовой (Санкт-Петербург). 1998. № 6/7.

37. Кокурин А.И. Спецпоселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения//Отечественные архивы. 1993. № 5.

38. Коцонис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30-50-е годы//Понтийские греки. – Краснодар, 1997.

39. Полян П.М. Насильственные миграции в бывшем СССР//Миграционная ситуация в странах СНГ. – М., 1999; Он же. География принудительных миграций в СССР//Известия РАН. Серия география. 1999. № 6.

40. Стродс Х.П. Депортация населения Прибалтийских стран//Вопросы истории. 1999. № 9.

41. См., напр.: Белая книга: О депортациях корейского населения в России в 30-40-е годы. Кн.1. – М., 1992; Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. – М., 1992; Депортации народов СССР. 1930-1950-е годы/Сост. О.Л.Милова. Ч.1-2. – М., 1992-1995; История российских немцев в документах/Сост.: В.А.Ауман и В.Г.Чеботарева. Т.1 (1763-1992 гг.). – М., 1993; Ссылка калмыков: как это было: Сб. документов и материалов. Т.1, кн.1. – Элиста, 1993; Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Худ.-док. Сборник/Сост. С.У.Алиева. Т.1-3. – М., 1993; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии/Сост. Н.Ф.Бугай. – М., 1994; Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин»: Сб. документов (1940-е годы). – М., 1998; Он же. Депортация народов Крыма. – М., 2002; Народы России: проблемы депортации и реабилитации. – Майкоп, 1997; Немцы России: Энциклопедия. Т.1. – М., 1999; Репрессии против советских немцев. Наказанный народ/Ред.-сост. Щербакова И.Л. – М., 1999; Сборник

законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий/Сост. Зайцев Е.А. – М., 1993.

42. См., напр.: Увезенные: 14 июня 1941 года. Книга Памяти. – Рига, 2001; Латвийский мартиролог Вятлага (1938-1956)/Сост.: Стродс Х., Веремьев В. – Рига: 2006.

43. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.

44. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

45. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М.: 1994; Он же. Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928-1933. – М., 2000; Он же. Судьба раскулаченных в СССР. – М., 2004.

46. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. – М., 1995.

47. Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930-1936. – Мурманск, 1993; Он же. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930-1954. – Мурманск, 1996; Он же. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. – Мурманск, 2000.

48. Проблемы репрессивной политики на Европейском Севере России (1917-1956 гг.). – Сыктывкар: 1993; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг.: Документы и материалы./Науч. ред. Ивницкий Н.А., Макуров В.Г. – Петрозаводск: 1991; Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск, 1990; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.): Сборник документов. – Екатеринбург, 1993; Спецпоселки в Коми области (по материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): Сборник документов./Сост. Г.Ф.Доброноженко, Л.С.Шабалова. – Сыктывкар, 1997.

49. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 гг./Сост. Красильникова С.А., Кузнецова В.П., Осташко Т.Н. и др. – Новосибирск, 1992; То же: Весна 1931 – начало 1933 гг. – Новосибирск, 1993; То же: 1933-1938. – Новосибирск: 1994; То же: 1939–1945 гг. – Новосибирск, 1996.

50. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.1-2. – Сыктывкар, 2001.

51. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы в 5 томах/Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. – М., 1999-2001.

52. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: В 2 кн./Отв. ред. Н.Н.Покровский, В.П.Данилов, С.А.Красильников, Л.Виола. – М., 2005-2006.

53. Неизвестная Россия. XX век. Т.1. – М., 1992.

54. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - Франкфурт-на-Майне – М., 1999.

55. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. – М., 2004.

56. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М., 1997.

57. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. – Сыктывкар, 1997.

58. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. – М., 1999.

59. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. документов/Сост. М.И.Хлусов. – М., 1998.

60. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник/Сост. М.Б.Смирнов. - М.: 1998.

61. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги/Сост.: Н.А.Араловец, В.Б.Жиромская, И.Н.Киселев. – М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги/Сост.: Ю.А.Поляков, В.Б.Жиромская, А.А.Исупов, И.Н.Киселев. – М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Основные итоги/Сост.: В.Б.Жиромская. – СПб., 1999.

62. Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. - München, 1992; Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. – Köln, 1996; Dahlmann D. „Operation erfolgreich durchgeführt“: Die

Deportationen der Wolgadeutschen 1941//Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. – Wien, 1994; Dahlman D., Hirschfeld G. Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. – Essen, 1999.

63. Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus//Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg.46. Heft 5/6.

64. Gelb M. The Westerns Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations//Nationalities Papers. 1996. Vol.24. № 2.

65. Holquist P. “Conduct merciless mass terror”: declassification on the Don, 1919//Cahiers du Monde russe. 1997. Vol.28. No. 1-2. P.127-162.

66. Pohl J.O. The Stalinist Penal System: A Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930-1953. Jefferson, 1997.

67. Naimark N.M. Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe/The Donald W. Treagold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. – The Henry M. Jackson School of International Studies. The University of Washington. – October 1998. - № 19. – 54 p.; Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing//The Journal of Modern History. December, 1998, Vol.70. № 4.

Из зарубежных ученых, которые исследуют различные аспекты принудительных миграций и спецпоселенчества либо (в той или иной степени) проблемы политической репрессий в СССР, можно упомянуть также С.Виткрофта, Л.Виолу, Р.Маннинг, Ш.Фицпатрик, Д.Харриса, Д.Пеннер, Г.Алексопулос, Р.Джонсона, П.Соломона, Р.Дэвиса, Ю.Таниучи, А.Грациози, Т.Томита, Х.Окуда, А.Гетти, М.Таугера, М.Якобсона. (См., напр.: Wheatcroft S. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings. 1930-1945//Europe-Asia Studies. 1996. Vol.48. № 8; Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System. 1917-1934. - Louisville, 1993.

Глава I

1. Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции, Киров, 25 мая 1996 г. – Киров, 1997. С.110.
2. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. С.245.
3. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий/Сост. Зайцев Е.А. – М., 1993. С.104-107.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая У Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.//Собрание узаконений (законов) РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 51. Ст.582.
5. Конституция (Основной Закон) РСФСР (1924 г., января 31). - М.: Изд. ВЦИК, 1925. С.12.
6. Из истории вятских спецслужб. С.110-111.
7. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 марта 1957 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М., 1957. С.16-17.
8. Уголовный кодекс РСФСР. С.146-147; Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М., 1986. С.149, 253.
9. Инструкция Народного Комиссариата Юстиции РСФСР по применению положения ОГПУ о ссылке и высылке от 11 января 1930 г.//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. – Сыктывкар, 2004. Т.6. С.245-248.
10. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. – М., 2005. С.17.
11. Полян П.М. Ук. соч. С.245.

12. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг./Под ред. В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого. – М., 1989. С.12.
13. Бердинских В.А. Ук. соч. С.22-23.
14. Игнатов Н.М. Государственная политика спецпереселения: общие направления и Коми региональные особенности// Политические репрессии в России. XX век: Материалы региональной научной конференции. – Сыктывкар, 2001. С.63-64.
15. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Кн.1. Социализм в одной стране//История России 1917-1995: В 4-х тт. Т.1. – М., 1996. С.149.
16. См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: В 2 кн. Кн.2/Отв. ред. Н.Н.Покровский, В.П.Данилов, С.А.Красильников, Л.Виола. – М., 2006. С.7.
17. Документы свидетельствуют. С.315.
18. Покаяние. - Сыктывкар, 2001. Т.4. Ч.1. С.18, 134-135.
19. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б)/Сост. Алибеков Г.М. //Исторический архив. 1994. № 4. С.147-152.
20. Неизвестная Россия. XX век. Т.1. – М., 1992. С.238.
21. Там же. С.239.
22. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. – М.-Л., 1931. С.67-69.
23. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». С.147.
24. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – М., 2004. С.36.
25. Неизвестная Россия. С.240-241.
26. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.37-38.
27. Неизвестная Россия. XX век. С.240.
28. Там же.
29. Там же. С.246-247.
30. Там же. С.248-249.

31. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994. С.278.
32. Полян П.М. Ук. соч. С.93-94.
33. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.725. Л.67.
34. Покаяние. Т.4. Ч.1. С.677.
35. Полян П.М. Ук. соч. С.84.
36. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930-1954 гг.)//Отечественная история. 1994. № 1. С.124-125.
37. Подсчитано автором по: Покаяние. Т.4. Ч.1. С.677-680.
38. Бердинских В.А. Ук. соч. С.56.
39. См.: ГАРФ. Ф.9479.Оп.1.Д.89.
40. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1.Д.48.Л.9-10
41. ГАРФ. Ф.9479.Оп.1.Д.89.Л.213-214
42. Полян П.М. Ук. соч. С.96.
43. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг.//Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. – М., 1997. С.117-120.
44. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М., С.84-86.
45. ГАРФ. Ф.9479.Оп.1.Д.89.Л.221.
46. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. С.14.
47. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.316; Д.87. С.143.
48. Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 года в Латвии//Увезенные: 14 июня 1941 года. Книга Памяти. – Рига, 2001. С. 730-731.
49. Полян П.М. Ук. соч. С.100.
50. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР. С.132.
51. Там же. С.132-133.
52. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.90.
53. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР. С.135.

54. Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом: Документы о литовских событиях 40-50-х гг.//Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С.134.
55. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР. С.136.
56. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.316.
57. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.90-91.
58. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С.112.
59. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.189-191.
60. Там же. Д.76. Л.67.
61. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.100.
62. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.139. Л.29.
63. Там же. Л.17, 137, 138, 234, 235.
64. Подробнее см.: Емельянов Ю. Лжепророки. Охота на внутреннего врага.//Пульс-Информ. 1991. № 5. С.53-55; Осипов С. Американский ГУЛАГ//Аргументы и факты. 2001, № 43. С.10; Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав»//Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С.35-39; Кузнецов А.А. Депортация народов СССР в 1943-1944 годах//Политические репрессии в истории России. – Пермь, 2000. С.76-81; Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. – Пермь, 2005. С.167-169.
65. Полян П.М. Ук. соч. С.103.
66. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936 г., декабря 5)//Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283. 16 декабря.
67. Конвенция ООН от 9 декабря 1948 года «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него»//Права человека: Сборник международных документов. – М., 1986. С.83; Увезенные. С.741-742; 50/50: Опыт словаря нового мышления/Под общ. ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. – М., 1989. С.53-59.
68. В общей сложности речь шла о перемещении примерно 1.400.000 этнических немцев, расселявшихся к 1941 году: в России (862.500 человек, в

том числе 366.700 – в АССР немцев Поволжья), в Украине (392.700), в Казахстане (92.700), в Азербайджане (23.100) и в Грузии (20.500 человек) – Полян П.М. Ук. соч. С.104.

69. Бердинских В.А. Ук. соч. С.730.

70. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину. С.39-40.

71. Бердинских В.А. Ук. соч. С.730-733.

72. Полян П.М. Ук. соч. С.113-114.

73. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.300-305; Д.900. Л.181-182.

74. Бердинских В.А. Ук. соч. С.732.

75. Полян П.М. Ук. соч. С.115.

76. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.328. Л.43-44.

77. Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917-1960. Справочник/Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. – М., 1997. С.64.

78. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны//Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С.32-33.

79. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.300-305.

80. Там же. Ф.9401. Оп.12. Д.207. Б/л.

81. Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.107. Л.27-30.

82. Коцонис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30-е – 50-е годы//Понтийские греки. – Краснодар, 1997. С.83-88.

83. Полян П.М. Ук. соч. С.116.

84. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...».М.,1995. С.74-75

85. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. – М., 1998. С.121, 127-130.

86. Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов Чечено-Ингушской АССР. 1943-1944//Исторический архив. 2000. № 3. С.57-76, 78, 79-80.

87. Шаббаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. – Нальчик, 1994. С.47-51.

88. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.14.
89. Червоная С.М. Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е годы//Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. – М., 1997. С.15.
90. Бугай Н.Ф. Депортация. Берия докладывает Сталину//Коммунист. 1991. № 3. С.109.
91. Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопросы истории. 1990. № 7. С.41.
92. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.14; Д.641. Л.397; Оп.2. Д.83. Л.70.
93. Там же. Оп.1. Д.641. Л.310.
94. Там же. Д.186. Л.104; Д.641. Л.130.
95. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.115.
96. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину. С.215, 219.
97. Полян П.М. Ук. соч. С.131.
98. ГАРФ. Ф.9479.Оп.1. Д.643. Л.3; Д.157. Л.106; Д.257. Л.127-129.
99. Там же. Д.257. Л.2.
100. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.121.
101. Характерный пример: ведомственный акт - приказ НКВД СССР № 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» - датирован 27-м августа 1941 года. Под законодательным же документом по этому поводу - Указом Президиума Верховного Совета СССР - стоит дата «28 августа 1941 года».
102. Бердинских В.А. Ук. соч. С.745.
103. Шендерюк М.Г. Кто они – первые переселенцы в самую западную?//Тезисы докладов и сообщений У1 конференции Ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 26-29 марта 1998 г.). Инф. бюлл. № 23. Март 1998 г. – М., 1998. С.142-144, со ссылкой на: ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.139. Л.104-105, 194-197.
104. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С.113-114.

105. Бердинских В.А. Ук. соч. С.740.
106. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М., 1997. С.77.
107. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.122.
108. ГАРФ. Ф.9408. Оп.1. Д.7. Л.16.
109. Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.17.
110. Там же. . Л.14.
111. Уголовный кодекс РСФСР. С.49.
112. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.573. Л.385; Ф.9401. Оп.2. Д.451. Л.126.
113. Бердинских В.А. Ук. соч. С.741-742.
114. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. – М., 1999. С.96.
115. Бердинских В.А. Ук. соч. С.744.
116. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С.46.
117. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.642. Л.270, 281-284; Д.643. Л.3.
118. Там же. Д.641. Л.10, 309.
119. Там же. Д.436. Л.17.
120. Там же. Д.641. Л.311.
121. Там же. Д.267. Л.238.
122. Стродс Х.П. Депортация населения прибалтийских стран//Вопросы истории. 1999. № 9. С.134.
123. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.235. Л.27, 35.
124. Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.597. Л.16-17; Д.641. Л.38-40, 58-59, 297.
125. Там же. Д.641. Л.386.
126. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину. С.232, со ссылкой на: ГАРФ. Ф.Р-7523. Оп.109. Д.195. Л.52, 53.
127. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.725. Л.86.
128. Там же. Д.641. Л.308.
129. Там же. Д.436. Л.19-20.
130. Там же. Д.482. Л.12, 18.

131. Бердинских В.А. Ук. соч. С.745.
132. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.157.
133. Иванова Г.М. Ук. соч. С.62-63.
134. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.104, 200-202.
135. Там же. Л.197.
136. Там же. Л.199.
137. Там же. Л.198.
138. Полян П.М. Ук.соч. С.143.
139. ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.2410. Л.178; Оп.12. Д.207. Б/л.
140. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.135.
141. ГАРФ Ф.9410. Оп.12.Д.207. Б/л..
142. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст.345.
143. Бердинских В.А. Ук. соч. С.727, 734.
144. ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.2823. Л.142-143.
145. Там же. Ф.5446. Оп.48а. Д.2544. Л.3.
146. Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.265. Л.77.
147. Бердинских В.А. Ук. соч. С.743.
148. ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.2466. Л.187.
149. Освобождение из спецпоселения «бывших кулаков» в Кировской области произведено (параллельно с Якутской АССР) в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 июля 1947 года № 2598-802сс и приказом МВД СССР от 28 июля 1947 года № 00803. (ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.29-32; Д.488. Л.307-310).
150. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.29-32; Д.488. Л.307-310.
151. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.146, 148.
152. ГАРФ. Ф.9479.Оп.1Д.436. Л.18; Д.492. Л.82-84, 100, 103; Д.643. Л.3.
153. Там же. Д.363. Л.322, 324; Д.364. Л.268, 270; Д.365. Л.296, 298; Д.366. Л.282, 292; Д.848. Л.84.

154. См., напр.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев». (ГАРФ. Ф.9401. Оп.12. Д.207. Б/л).

155. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.69-70, 114, 121, 127.

156. Особого внимания заслуживает такой малоизученный аспект рассматриваемой темы, как содержание в системе спецпоселений иностранных подданных («иноподданных») и лиц без гражданства. По данным на 1 января 1953 года, на спецпоселении находились в наличии 28.388 «иноподданных» и лиц без гражданства, в том числе: подданных (граждан) Греции – 23.609, Ирана – 1.368, Турции – 568, Германии – 49, Польши – 31, Румынии – 9, Франции – 4, Чехословакии – 3, Голландии – 3, Венгрии – 2, Австрии – 2, Финляндии – 1, Югославии – 1 (всего – 13 государств). Лиц без гражданства насчитывалось 2.738. Более всего спецпоселенцев-«иностранцев» находилось в Казахстане (24.787), остальные были расселены еще в 21 регионе СССР либо содержались в ИТЛ или на спецстройках МВД (ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.89; Д.641. Л.74-75). Кроме того, на спецпоселении находились, очевидно, тысячи бывших «иноподданных», принятых в советское гражданство. Это в основном бывшие подданные Греции, Ирана и Турции. Однако обнаруженные к настоящему времени документальные источники об этих людях имеют фрагментарный, разрозненный и малосодержательный характер. (См. напр.: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.642. Л.119).

157. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.641. Л.22-68, 130-168.

158. Там же. Д.486. Л.218.

159. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину. С.251.

160. См., напр.: Амальрик А.А. Нежеланное путешествие в Сибирь. – Нью-Йорк, 1970. – 294 с.

ГЛАВА II

1. Покаяние. Т.4. Ч.1. С.71.

2. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 г.//Сост. Красильников С.А., Кузнецова Е.П., Осташко Т.Н. и др. – Новосибирск, 1992. С.37-42.
3. См., напр.: «Временное положение о поселковых комендатурах Северного края» от 19 июня 1930 года//Покаяние. Т.4. Ч.1. С.71-72.
4. Неизвестная Россия. С.251-252.
5. Там же. С.251-252.
6. Петров Н.В., Скоркин К.В. Организация и структура органов госбезопасности. 1921-1941 гг.//Кто руководил НКВД. 1934-1941: Справочник. – М., 1999. С.5.
7. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг.: Документы и материалы./Науч. ред. Ивницкий Н.А., Макуров В.Г. – Петрозаводск, 1991. С.142-143.
8. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг.: Сборник документов. – Новосибирск, 1993. С.309-310.
9. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.3. Л.132-141.
10. Из истории раскулачивания в Карелии. С.227-232.
11. Покаяние. Т.4. Ч.1. С.75, 372.
12. Из истории раскулачивания в Карелии. С.233-234.
13. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.123; Бердинских В.А. Ук. соч. С.724.
14. Берман Матвей Давыдович (1898-1939) – член Компартии с 1917 года; в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД – с октября 1918 года; с 1929 года – заместитель полпреда ОГПУ по Ивановской области; с июля 1930 года – заместитель начальника УЛАГа (с октября 1930 года – ГУЛАГа) ОГПУ; в 1931 году – начальник строительства Беломорско-Балтийского канала; в 1932-1937 годах – начальник ГУЛАГа ОГПУ (с 1934 года – НКВД); с 1933 года – начальник строительства канала Москва-Волга; с 1936 года – заместитель наркома внутренних дел СССР (одновременно – начальник переселенческого отдела НКВД); с августа 1937 года – нарком связи СССР; специальное звание (1935

год) – комиссар государственной безопасности 3-го ранга; арестован в декабре 1938 года, расстрелян 7 марта 1939 года; реабилитирован посмертно в октябре 1957 года.

15. Рапопорт Яков Давыдович (1898-1962) - член Компартии с 1917 года; в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД - с января 1918 года; в 1930-1932 годах – помощник начальника УЛАГа (с октября 1930 года – ГУЛАГа) ОГПУ; в 1932-1939 годах – заместитель ГУЛАГа ОГПУ-НКВД СССР; с 1939 года – на руководящих административно-хозяйственных должностях в системе ГУЛАГа, а с 1953 года – Минстроя СССР; уволен в запас в июне 1956 года; специальные звания: старший майор государственной государственной безопасности (1940 год), генерал-майор инженерно-технической службы (1943 год).

16. Фирин-Пупко Семен Григорьевич (?-1937) – член Компартии с 1918 года; в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД – с 1931 года; в 1920-1930 годах – сотрудник внешней разведки (ГРУ) РККА (находился за рубежом); с 1931 года – сотрудник Особого отдела ОГПУ; с 1933 года – начальник Дмитлага ОГПУ-НКВД, одновременно – заместитель начальника ГУЛАГа; арестован в апреле 1937 года, расстрелян 14 августа 1937 года; реабилитирован посмертно в 1956 году.

17. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С.24-25.

18. Петров Н.В., Скоркин К.В. Ук. соч. С.5.

19. Территориальный аппарат по руководству местами лишения свободы (в зависимости от преимущественного их наличия в том или ином регионе) мог именоваться по-разному: отдел мест заключения (ОМЗ), отдел лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ОЛТП и МЗ), отдел трудовых поселений и мест заключения (ОТП и МЗ), отдел трудовых колоний (ОТК).

20. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.13; Покаяние. Т.4. Ч.2. С.21; Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском районе Урала. 1920 – 1950-е годы. – Нижний Тагил, 1997. Т.2. С.161, 162; Петров Н.В., Скоркин К.В. Ук. соч. С.1-6.

21. Закарьян Григорий Петрович (1897-1938) – член Компартии с 1919 года; с 1931 года – начальник отдела ОГПУ СССР по спецпереселенцам; с 1934 года – заместитель начальника Ухтинско-Печерского ИТЛ НКВД СССР; с 1937 года – начальник отдела кадров, начальник Горного отдела ГУЛАГа НКВД СССР; арестован в 1938 году, приговорен к 20 годам ИТЛ, умер в заключении; реабилитирован посмертно. (Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.565, 566, 573, 576, 604, 722, 1057, 1073).

22. Плессе-Вишневский Стефан Иосифович (1895-1938) – член Компартии с 1919 года; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД – с 1920 года; с 1931 года – начальник отделения ГУЛАГа ОГПУ СССР; с 1935 года – временно исполняющий обязанности начальника отдела трудовых поселений ГУЛАГа; арестован в июне 1938 года, расстрелян; реабилитирован посмертно.

23. Плинер Израиль Израилевич (1896-1939) – член Компартии с 1922 года; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД – с октября 1926 года; с 1932 года – помощник, а с 1935 года – заместитель начальника ГУЛАГа ОГПУ-НКВД СССР; с 1936 года – заместитель начальника, а затем – начальник переселенческого отдела НКВД, одновременно – председатель аттестационной комиссии ГУЛАГа; с апреля 1937 года – начальник ГУЛАГа НКВД СССР; специальное звание (1936 год) – дивизионный интендант; арестован в ноябре 1938 года, расстрелян в 1939 году; реабилитирован посмертно в октябре 1956 года.

24. Филаретов Глеб Васильевич (1901-1979) – член Компартии с 1919 года (исключен в 1943 году); в 1938 году – нарком местной промышленности РСФСР; в органах НКВД – с октября 1938 года (заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей, мест заключения и трудовых поселений); с 1939 года – на руководящих административно-хозяйственных должностях в системе Наркомата тяжелой промышленности СССР.

25. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.600, 606, 615, 1085.

26. Там же. С.1075.

27. Чернышов Василий Васильевич (1896-1952) – член Компартии с 1917 года; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД-МВД – с октября 1920 года; с 1936 года – заместитель начальника УНКВД по Дальневосточному краю; с 1937 года – заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции НКВД СССР, начальник ГУЛАГа НКВД СССР; с февраля 1941 года – заместитель наркома-министра внутренних дел СССР; специальное звание (1945 год) – генерал-полковник.
28. Иванов Иван Васильевич (1902-1976) – член Компартии с 1926 года; в органах НКВД-МВД – с 1939 года; с 1939 года – начальник УНКВД-УНКГБ по Свердловской области; с августа 1941 года – начальник отдела спецпоселений НКВД СССР; в дальнейшем – на руководящих административно-хозяйственных должностях в системе НКВД-МВД СССР; специальное звание (1943 год) – полковник госбезопасности; с 1956 года - пенсионер.
29. Полян П.М. Ук. соч. С.237, 306.
30. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.151, 205.
31. ГАРФ.Ф.9479.Оп.1.Д.725.Л.3.
32. Коржихина Т.П. Ук. соч. С.186.
33. Петров Н.В., Скоркин К.В. Ук. соч. С.500.
34. Там же.
35. Покаяние. Т.4. Ч.2. – Сыктывкар, 2001. С.21.
36. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.2. Л.17; Д.10. Л.2; Д.48. Л.1, 9-13; Д.949. Л.77.
37. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.258-259.
38. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.121.
39. Бердинских В.А. Ук. соч. С.740.
40. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939-45 гг.: Документы и материалы. – Новосибирск, 1996. С.120.
41. Покаяние. Т.4. Ч.2. С.231-232.
42. Там же.
43. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Ук. соч. С.232, 249.

44. Белковец Л. Спецпоселение немцев в Западной Сибири// Репрессии против советских немцев. Наказанный народ/Ред.-сост. Щербакова И.Л. – М., 1999. С.158-160.
45. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.177. Л.78-81.
46. Белковец Л. Спецпоселение немцев в Западной Сибири// Репрессии против советских немцев. Наказанный народ/Ред.-сост. Щербакова И.Л. – М., 1999. С.159.
- 47) Бердинских В.А. Ук. соч. С.624.
48. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны//Социологические исследования. 1992. № 2. С.23.
49. Покаяние. Т.4. Ч.2. С.263.
50. ГАРФ. Коллекция документов.
51. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.109.
52. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.177. Л.78-81.
53. ГАКО. Ф.2943. Оп.13. Д.659.Л.1-3.
54. Там же.
55. Бердинских В.А. Ук. соч. С.79.
56. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.157.Л.115-127.
57. Там же.
58. Именно такого рода структуру впоследствии широко развернули в нескольких странах с тоталитарными режимами, в частности, в Северной Корее, строя там социализм с национальной и иной спецификой.
59. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.98-99.
60. Там же.
61. Там же. Д.725. Л.2.
62. Там же. Д.436. Л.44-47.
63. Там же. Д.725. Л.16.
64. Там же.
65. Там же. Л.97.
66. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.39; Сталин И.В. Соч. Т.12. С.287.

67. Колхозы в 1930 г. – М.-Л., 1931. С.200-223.
68. ГАРФ. Ф.5446. Оп.1. Д.457. Л.40-41.
69. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.40.
70. Там же, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.9. Д.20. Л.274.
71. Там же.
72. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 гг. С.81.
73. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.41-42, со ссылкой на: АП РФ. Ф.3. Оп.30. Д.195. Л.56-56об
74. ГАРФ. Ф.5446. Оп.12а. Д.850. Л.7-13.
75. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С.17.
76. ГАРФ. Ф.5446. Оп.1. Д.469. Л.236.
77. См. параграф первый главы первого настоящего исследования.
78. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.42.
79. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933-1938. – Новосибирск, 1994. С.218-242.
80. В период «стольпинских переселений» в Сибирь в начале XX века доля административно-управленческих расходов была намного меньше – не более 10 процентов в общей массе выделенных государством средств. (Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.52).
81. Там же. С.43.
- В советской литературе отмечалось, что на переселение, хозяйственное устройство и обслуживание бывших кулаков в 1930-1932 годах советское государство отпустило около 250.000.000 рублей, то есть в среднем на одно раскулаченное хозяйство для указанных целей выделялось около 1.000 рублей. По другим расчетам, этот показатель в те же 1930-1932 годы составлял в пределах 630-660 рублей - да и то при условии, что все выделенные деньги пошли строго по назначению, в чем есть весомые основания сомневаться.
82. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.43, со ссылкой на: ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.6906. Л.55.
83. ГАРФ. Ф.5446. Оп.1. Д.486. Л.120.

84. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.281.
 85. Расчеты автора по: Валюты стран мира: Справочник. – М., 1987. С.11.
 86. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.43.
 87. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.48. Л.25, 26.
 88. Там же. Л.3-5.
 89. Там же. Л.6-7.
 90. Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930-1936. – Мурманск, 1993. С.60.
- В этом же регионе спецпереселенцы стали даже превосходить по численности коренное население в целом. Так, в 1929 население Кольского Севера составляло 27.000 человек (только постоянные жители), а спецпереселенцев в 1930-1935 годах поступило сюда свыше 35.000. Это, однако, не означало, что спецпереселенцы стали составлять абсолютное большинство в населении данной территории, поскольку одновременно со спецпереселенческим потоком происходило еще более интенсивное прибытие «добровольных переселенцев» и «вербованных» - за 1930-1935 годы около 45.000. Таким образом, в 1935 году в составе населения Кольского Севера на первом месте по численности находились «добровольные переселенцы» и «вербованные», прибывшие в 1930-1935 годах, на втором – спецпереселенцы и лишь на третьем – местное население, жившее здесь до 1929 года.
91. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С.251.
 92. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.48. Л.16а.
 93. Там же. Л.22.
 94. Там же.
 95. Там же. Л.16а, 17, 19, 24.
 96. Непосредственно на обслуживании неуставных сельхозартелей трудпоселенцев специализировались тогда 24 машинно-тракторные станции (МТС) и 21 машинно-тракторная мастерская (МТМ), имевшие около 1.000 тракторов, 100 комбайнов и 200 автомашин. Тем не менее в трудпоселенческом

сельском хозяйстве резко преобладал ручной и конно-ручной труд. (Там же. Д.60. Л.28-29; Д.74. Л.44; Д.77. Л.68, 87-88, 90, 92).

97. Там же. Д.48. Л.17-18.

98. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.176.

99. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.48. Л.21.

100. См. параграф четвертый настоящей главы.

101. Там, где такого рода мотивация отсутствовала, ситуация складывалась совершенно иначе. Так, в рапорте помощника начальника ГУЛАГа ОГПУ И.И.Плинера от 29 июля 1933 года на имя заместителя председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды говорилось: «Направляемый в трудпоселки ОГПУ т.н. деклассированный элемент из Москвы и Ленинграда преимущественно состоит из злостного рецидива, имеющего многочисленные приводы и судимости. Указанный контингент, как показал опыт пребывания его на пересыльных пунктах, а также в местах нового расселения, не может быть освоен в обычных условиях свободного режима трудпоселенцев, не поддается трудовому воздействию сам и деморализующе действует на весь остальной контингент...». (ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.19. Л.9).

В ноябре 1940 года УИТЛиК и ТП ГУЛАГа НКВД СССР составило следующую характеристику спецпоселенцам-«польским беженцам»: «Большинство из них раньше физическим трудом не занималось. Среди них много бывших торговцев, фабрикантов, держателей ресторанов, коммивояжеров и лиц неопределенных профессий. В их числе некоторая часть трудовой интеллигенции и ремесленников. Крупных специалистов, научных работников среди них 551 человек. Их освоение в цветной промышленности и промышленности Наркомцветмета на первых порах проходит болезненно: не умеют работать, боятся работы, не хотят работать, думают, что приехали на время – отсюда «чемоданные» настроения. Часть из них материально обеспечена и не заинтересована в работе. Эти ведут себя вызывающе, готовы нанять за себя человека для работы в лесу (Молотовская область), некоторые используют своих прислуг, которые приехали с ними на правах членов семьи

(Марийская АССР). Получается двойная эксплуатация: работают за своих хозяев в лесу и, придя домой, обслуживают их как домашние работницы. Небольшая часть беженцев уже приобщилась к работе и перевыполняет нормы. Специалисты и ремесленники требуют работу по специальности. Разрешить этот вопрос без нарушения принципа расселения в спецпоселках НКВД пока не удается». (Там же. Д.61. Л.9).

102. Так И.В.Сталин ответил однажды на заданный ему вопрос: какой из партийных уклонов хуже – «левый» или «правый»? (Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.51).

103. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.40.

104. Там же. Ф.9401. Оп.12. Д.207. Б/л.

105. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.120.

106. ГАРФ.Ф.9479. Д.949. Л. 110.

107. См., напр.: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М., 2005.

108. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах/Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 г./Отв. ред. В.Данилов. – М., 1999. С.377-380.

109. Покаяние. Т.1. – Сыктывкар, 1998. С.640.

110. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1943. Л.107-109.

111. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.243-244.

112. Долгих Иван Иванович (1896-?) – член Компартии с 1905 года; член партии «левых» социалистов-революционеров в 1917-1918 годах; в органах ОГПУ-НКВД-МВД – с 1926 года; с 1930 года - начальник комендантского отдела Западно-Сибирского крайисполкома (полпредства ОГПУ по Западной Сибири, с 1934 года – ОТП УНКВД), заместитель начальника Сиблага ОГПУ-НКВД; в 1938-1939 годах – заместитель начальника Краслага НКВД; в 1939-1941 годах – начальник Вятлага НКВД; с 1941-го по 1950 год – начальник Ивдельлага, Южкузбасслага МВД; специальное звание – полковник; награжден орденом Красного Знамени (1922 год); уволен в 1950 году.

113. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 гг. С.227.

114. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. С.179.
115. Шиляева Р.С. Из истории спецпоселений на территории Кировской области (1930-1955 гг.)//Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). – Киров, 2002. С.65.
116. Шиляева Р.С. Ук. соч. С.64-65.
117. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.): Сборник документов. – Екатеринбург, 1993. С.197.
118. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.74. Л.37, 38, 45; Д.59. Л.266.
119. Там же. Д.74. Л.38, 45.
120. КРГА ОПФД. Ф.1. Оп.3. Д.671. Л.90.
121. В документах ОТП ГУЛАГа 1940-х годов вновь прибывающих в спецсылку называли «спецпереселенцами», «высланными» (поляков – «рабочими 2-й и 3-й категории»), а «бывших кулаков» - «промкадром», «старым промкадром» и даже «бывшими спецпереселенцами».
122. НА РК. Ф.605. Оп.4. Д.80. Л.2.
123. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.157. Л.107-108.
124. КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.3. Д.729. Л.52.
125. Там же. Д.720. Л.95-101.
126. НА РК. Ф.144. Оп.1. Д.3317. Л.11.
127. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.269. Л.150.
128. Трагедия советской деревни. Т.2. С.353-354.
129. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.83.
130. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1943. Л.108.
131. КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.807. Л.38-44.

Крайне низкими были нормы снабжения спецпереселенцев и в Вятском округе (ныне Кировская область). Продовольствия не хватало, то и дело отмечались перебои с хлебом, на почве голода росла заболеваемость и смертность, снижалась производительность труда. В мае 1930 года Вятский окружной отдел ОГПУ сообщал, что в поселке № 3 молоко выдается по одному стакану на 2-3 дня. Плохо снабжались спецпереселенцы и промтоварами. Многие по

прибытии не имели даже второй пары нижнего белья. «Сейчас ряд поселков нуждается в срочной заброске хотя бы нескольких сотен лаптей, холщовых или полубрезентовых рабочих костюмов, фуражек, рукавиц и для ремонта обуви – кожаного лоскута», - говорится в упомянутом сообщении. (ГАКО. Ф.877. Оп.2. Д.10. Л.513, 514). Плохое снабжение «породило шатание» спецпереселенцев за хлебом, картофелем и другими сельхозпродуктами в прилегающие деревни.

Спустя десять лет, в феврале 1941 года, прокурор Кировской области Набатов в письме в облисполком отмечал явно неудовлетворительные условия содержания польских «осадников» в спецпоселке Маромица Опаринского района. «По 15-16 человек живут в одной комнате вместе по 2-3 семьи, а средняя площадь по 2 квадратных метра на человека... Столовая за день на 8 человек семьи отпускает одну порцию каши, выдача хлеба спецпереселенцам, работающим на производстве, производится по 650 граммов в день, а их иждивенцам по 300 граммов в день... Дети спецпереселенцев ввиду сильного истощения не могут ходить по комнате, не говоря уже о посещении школы... Имеются случаи заболеваний среди взрослых, подростков и детей туберкулезом желез, куриной слепотой, туберкулезом легких и другими болезнями». (Там же. Ф.2943. Оп.8. Д.16. Л.51).

132. Неизвестная Россия. С.252.

133. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С.29-31.

134. НА РК. Ф.136. Оп.1. Д.366. Л.9-16, 95-101.

135. АОА ОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.972. Л.39-41.

В докладной записке председателя правления Комиоблпотребсоюза от 29 марта 1933 года о состоянии питания спецпереселенцев в спецпоселках Сыктывдинского района (область Коми) сообщалось: «Поселки имеют по 8-10 лошадей и по 5-6 коров. Вид очень изнуренный. Скотные дворы очень плохие, уход также не важный. Корм – лесное сено плохого качества и уборки, резка из соломы, веточный корм и силос, последние лишь выводят из положения гибели

скота. С кормами хотя и плохо, но до подножного дотянут. Молока корова отела дает по 2-3 чайных чашки и то негодного к употреблению. Со своих огородов снято было овощей очень незначительное количество, даже не снято для семян». (Там же).

136. КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.3. Д.26. Л.140-143.

137. Там же. Оп.2. Д.909. Л.77.

138. Там же. Оп.3. Д.26. Л.131-139.

139. НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.2375. Л.45-46.

140. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.16. Л.15.

141. КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.970. Л.133-134.

142. НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.2428. Л.111-114; КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.972. Л.39-41, 133-134; Д.1507. Л.207-209.

По этому поводу били тревогу и низовые сотрудники спецпоселений. Так, 17 января 1933 года комендант спецпоселка Вуктыль (Северный край) рапортом в спецкомендатуру докладывал: «...Довожу до вашего сведения, что в связи с уменьшением нормы снабжения на нетрудоспособных... положение спецпереселенцев с каждым днем обостряется и становится угрожающим. Народ еле двигается. На почве недоедания население начинает пухнуть. Среди детей болезнь «трахома», есть случаи, когда дети совсем ослепли. Все это на почве недоедания. Прошу принять срочные меры, дополнительно выдать пайки». (Там же. Ф.938. Оп.1. Д.10. Л.13).

В апреле 1933 года врач спецпоселка «Вежа» (Северный край) в докладной записке председателю Коми облисполкома сообщал, что «...положение в поселке самое скверное. Все население, за малым исключением, истощено настолько, что еле бродят 30 процентов приблизительно с голодными отеками... Вследствие недостатка пайка употребляют в пищу – березовую кору, силос, листья и даже коровий помет». В результате этого в спецпоселках только пяти районов Коми области, в которых были размещены 26.922 спецпереселенца, до лета 1933 года умерли 2.827 (то есть 10,5 процента). (Спецпоселки в Коми области. С.251-253, 259).

143. В северных регионах спецпереселенцы делали так называемую «гнилушку»: из гнилого ствола березы изготавливали сыпучую субстанцию, а затем добавляли ее (в пропорции 75-95 процентов) к натуральной муке, заливали эту смесь водой, запекали и получали некое подобие «хлеба». (НА РК. Ф.3. Оп.1. Д.130. Л.36; КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.970. Л.42-62; Д.972. Л.39-41).
144. Так, в акте обследования спецпоселка Тимшер области Коми (июнь 1933 года) отмечено, что у 12-летнего умершего и погребенного мальчика при вскрытии могилы обнаружена «обрубленная задняя часть тела,... предполагается, что пошло на мясо». (КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.2. Д.971. Л.163-168).
145. НА РК. Ф.937. Оп.1. Д.1. Л.365.
146. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.206-207.
147. В спецпоселках области Коми в 1933 году умерли 3.095 человек (1.858 мужчин, 1.242 женщины, 119 детей в возрасте до 1 года), то есть около 10 процентов всего «спецнаселения». (НА РК. Ф.140. Оп.5. Д.5. Л.17).
148. Одна из самых трагических страниц истории спецпереселенчества – события, имевшие место в 1933 году на острове Назино Нарымского округа. В мае 1933 года сюда были водворены 6.000 спецпоселенцев. Несколько дней на остров не доставляли продовольствия. От голода и полного отчаяния жизнь на острове потеряла последние признаки социальной организации, началось (сначала – изредка, а потом – с устрашающей регулярностью) людоедство. В течение трех недель в районе острова погибли не менее 3.000-3.500 человек. К сентябрю 1933 года из 6.000 прибывших сюда числилась в живых только одна треть. Случай был настолько вопиющим, что стал предметом разбирательства в Москве. (Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928-41 гг. – Новосибирск, 1997. С.79).
149. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборание документов в 7 т. Т.4: Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. – М., 2004. С.55.
150. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.22-25.

151. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.217.

152. НА РК. Ф.937. Оп.1. Д.4. Л.18.

153. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.59. Л.267.

154. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.262-263.

155. КРГА ОПДФ. Ф.1. Оп.3. Д.1204. Л.120.

Примечательно, что в системе ГУЛАГа существовали (помимо прочих) так называемые «норильские нормы» (на человека, килограммов в месяц): крупа – 3,0; мясо-рыба – 7,0; жиры – 1,8; сахар – 1,5, а также 1 килограмм хлеба в день. По данным нормам, в частности, должны были снабжаться заключенные Воркутлага в 1944 году. (Там же. Д.1187. Л.74).

156. Там же. Оп.4. Д.30. Л.203.

157. Однако в военные годы положение местного населения мало отличалось от ситуации в спецпоселках. Так, по Коми АССР (в частности в Летском районе) отмечалось множество случаев истощения колхозников, а также «кусочничества» («побирания по домам»). (Там же. Оп.3. Д.1037. Л.6).

158. НА РК. Ф.136. Оп.1. Д.389. Л.52.

160. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.436. Л.14.

161. КРГА ОПДФ. Оп.3. Д.1188. Л.64; Оп.5. Д.135. Л.18.

162. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.55.

163. НА РК. Ф.605. Оп.4. Д.68. Л.97.

164. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.3. Л.132-141.

165. Вялые попытки изменить основной нормативный документ, определявший жизнедеятельность спецпоселений, предпринятые по инициативе руководства НКВД в конце 1930-х – начале 1940-х годов, не увенчались успехом.

166. Этот пункт был внесен в соответствии с принятым 3 июля 1931 года постановлением ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» (СЗ СССР. 1931. № 44. Ст.298) и являлся предметом особой нормативно-директивной манипуляции поведением спецпереселенцев со стороны руководства ОГПУ-НКВД на протяжении 1930-х годов, поскольку (по определению) допускал и право выезда из спецпоселения восстановленных

в правах «бывших кулаков». Но по ходатайству НКВД СССР данная практика была скорректирована постановлением ЦИК СССР от 25 января 1935 года, в котором указывалось, что «восстановление в правах не является основанием для выезда» из ссылки (Архив МВД РК. Ф.31. Оп.2. Д.27. Л.7. Копия). В дальнейшем руководство НКВД предлагало закрепить норму, по которой «раскулаченные» могли бы покинуть места ссылки через пять лет после своего «восстановления в правах». Однако данное намерение осталось неподкрепленным ни законодательно, ни нормативно. (Покаяние. Т.4. Ч.1. С.354-355, 666).

167. В действительности, как признавал ГУЛАГ ОГПУ, «в ряде спецпоселков находится значительное число детей различного возраста – сирот, беспризорных, больных и т.п.», которые «влачат полуголодное существование, подвержены всякого рода заболеваниям, которые в большинстве случаев приводят их к гибели». (Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.135).

168. Этот пункт «Временного положения» также не выполнялся, во-первых, потому, что школы имелись далеко не во всех спецпоселках, а «местные» населенные пункты, в которых школы наличествовали, находились на значительном удалении от спецпоселений; во-вторых, многие дети спецпереселенцев не могли посещать школу по той простой причине, что у них не было одежды, обуви, элементарных учебных принадлежностей; в-третьих, практически был закрыт доступ «кулацких» детей в учреждения профессионального образования. В циркуляре ГУЛАГа ОГПУ от 16 ноября 1931 года откровенно говорилось о том, что в спецпоселках 1931/32 «учебный год фактически сорван. Обеспеченность школами не превышает 10%, местами падая до 5-6%». (ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.12. Л.6). Количество детей школьного возраста только в спецпоселках Урала, Восточной Сибири и Северного Кавказа в 1931 году превышало 129.000, из них охвачено учебой было не более 3 процентов. (Там же. Д.1945. Л.74).

К середине 1930-х годов такое положение в значительной степени удалось выправить, и большинство детей обучалось в школах. Органы власти

придавали этому особое значение, поскольку школьное воспитание и обучение рассматривалось как важный инструмент «отрыва детей от влияния на них реакционных родителей». В сентябре 1938 года в трудпоселках имелось 1.106 начальных, 370 неполных средних и 136 средних школ, а также 230 школ профтехобразования и 12 техникумов, насчитывалось 8.280 учителей, из которых 1.104 являлись трудпоселенцами. Всеми учебными заведениями трудпоселений были охвачены 217.454 ребенка, сетью дошкольных учреждений – 22.029 малолетних детей, с которыми занимались 2.749 воспитателей. Кроме того, 5.472 ребенка, не имевшие родителей, размещались в поселковых детских домах. В трудпоселках имелось 813 клубов, 1.202 избы-читальни и красных уголка, 440 кинопередвижек, 1.149 библиотек. (Там же. Д.48. Л.12-13).

169. На практике все письма спецпереселенцев перлюстрировались органами ОГПУ. Так, только за 10 дней июля 1930 года в Северном крае «прошли контроль и прочитаны» 16.790 писем спецпереселенцев, из них 8.871 – конфисковано. Примечательно, что из общего количества перлюстрированных писем только 143 (0,9 процента) «имели положительное содержание». (Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.136, со ссылкой на: ЦА ФСБ. Ф.2. Оп.8. Д.204. Л.376).

170. Учитывая материальное положение подавляющего большинства спецпереселенцев в то время (да и в дальнейшем), можно сказать, что это была всего лишь декларация.

171. Политбюро и крестьянство. Кн.2. С.458, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.8. Д.2. Л.203.

172. Впрочем, здесь с самого начала и в дальнейшем имелись всякого рода «негласные» ограничения. Так, после 1930 года практически до минимума был сведен прием жалоб на «неправильную высылку», поскольку в соответствии с директивным указанием ОГПУ такие заявления принимались «только от семей красноармейцев, участников гражданской войны, красных партизан, лиц, заявляющих о их высылке в результате кулацкого засилья». (ГАРФ. Ф.9479.

Оп.1. Д.12. Л.6). Причем заявления эти, как правило, проверялись местными органами ОГПУ, то есть теми, кто выселял и против кого эти жалобы были направлены. (Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С.136, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.8. Д.204. Л.49).

173. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.53. Л.2-6.

174. Покаяние. Т.4. Ч.1. С.677-680.

175. Это постановление упоминается и в числе «ограничительных» документов (см. выше).

176. Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.

177. ГАРФ. Ф.5446. Оп.1в. Д.501. Л.70.

178. Там же. Ф.9479. Оп.1. Д.62. Л.1-2.

179. Там же. Ф.5446. Оп.46а. Д.4395. Л.7.

180. Шиляева Р.С. Ук. соч. С.66.

181. Там же. С.67-68.

182. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.5. Л.43.

183. Там же. Д.9. Л.17-18.

184. Там же. Д.39. Л.4; Д.11. Л.39; Д.48. Л.16; Д.33. Л.10.

185. Там же. Д.56. Л.2.

186. Шиляева Р.С. Ук. соч. С.67.

187. См., напр., указания ГУЛАГа НКВД СССР: от 12 января 1942 года «О порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» (ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.328. Л.43-44); от 7 марта 1942 года «О порядке производства расходов по организации отрядов немцев, мобилизованных в рабочие колонны» (Там же. Д.45. Л.258-259); от 18 мая 1942 года «О медицинской помощи в ИТЛ НКВД немцам, мобилизованным в рабочие колонны» (Там же. Д.2762. Л.57) и др.

188. См.напр.: Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. – М., 1998.

189. Суслов А.Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. XX в. Рукопись. – Архив автора. С.5-6; ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.199. Л.206; Оп.12. Д.207. Б/л.
190. См.напр., воспоминания бывших спецпоселенцев: Вольтер Г.А. Ук. соч. С.343; Миллер Е. Ветер в лицо//Волга. 1990. № 7. С.159; Покаяние. Т.4. Ч.2. С.257.
191. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». (ГАРФ. Ф.9401. Оп.12. Д.207. Б/л).
192. Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.). Сравнительный анализ.//Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М., 1999. С.111.
193. Бердинских В.А. Ук. соч. С.82.
194. Немцы России. С.685, 687, 688.
195. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.188.
196. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.614. Л.165-166.
197. Ожегин П.Т. Ук. соч. С.119; Энциклопедия Земли Вятской. Откуда мы родом. Том 9. Культура. Искусство. - Киров, 1999. С.548-549; Немцы России. Т.1. С.600; Архив Вятского УЛИУ. Коллекция документов; Веремьев В.И. Личный архив.
198. Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг.//Социологические исследования. 1991. № 2. С.74-75.
199. Бердинских В.А. Ук. соч. С.83.
200. Бугай Н.Ф. «Согласно Вашему указанию...»//Кабардино-Балкарская правда. 1990. 19 июля.
201. Суслов А.Б. Ук. соч. С.7.
202. Бердинских В.А. Ук. соч. С.85.
203. Женская тема, в том числе проблемы патогенного влияния каторжных условий лагерей и спецпоселений на женский организм, почти совершенно не

разработаны в научном «гулаговедении», хотя в мемуарной литературе уже накоплено немало свидетельств на этот счет. Так, в воспоминаниях Е.А.Керсновской, высланной в июне 1941 года из Бессарабии и прошедшей все адомы круги спецпоселений и ГУЛАГа, зафиксировано в частности: «...У меня не было бюстгальтера на смену, и вначале меня это беспокоило: как быть, когда он порвется? Но вот пришло время, и я, выбросив порвавшийся бюстгальтер, с удивлением заметила..., что эта деталь туалета мне не нужна. Должна заметить как курьезный факт самозащиты организма, что у меня прекратилась менструация. В последний раз она была в тот день, когда нас выслали - 13 июня (1941 года. – И.Б.): через месяц - лишь сильно болела голова и только. Продолжалась эта пауза ... 4 года...». (Керсновская Е.А. Наскальная живопись//Знамя. 1990. №№ 3-5. - № 4. С.101).

204. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.89. Л.205, 214, 216.

205. Немцы России. Т.1. С.686.

206. Архив УВД Кировской области. Фонд «Спецпоселенцы». Личные дела 107-132.

207. Там же. Личные дела 141-148.

208. Бруль В. Ук. соч. С.115.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. См., напр.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С.280; Емельянов Ю. Ук. соч. С.53-55; Немцы России: Энциклопедия. Т.1. С.696-697; Осипов С. Ук. соч. С.10; Полян П.М. Ук. соч. С.23-45; Тряхов В.Н. Ук. соч. С.141-144.

2. Сорокин П., цит. по: Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма//Актуальные проблемы истории советской Сибири. – Новосибирск, 1990. С.181.

3. «Депортация» (от лат. «deportatio») – изгнание, ссылка; «репрессия» (от лат. «repressio») – карательная мера, наказание, имеющее целью подавить, пресечь что-либо.

«Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни

или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворение из страны и лишение гражданства, выселение групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями». (Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий», статья 1. – Льготы и компенсации для жертв политических репрессий: Документы. Комментарии. Разъяснения//Библиотечка «Российской газеты». Вып.№ 4. – М., 1997. С.19).

4. Депортация малых народов служила здесь, в СССР, целям ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе. Одновременно на исторической родине депортированных народов расселялись представители других национальностей, в основном русские и украинцы, что, в свою очередь, служило ускорению ассимиляции малых народов, не подвергавшихся тотальному выселению (например, кабардинцы, адыгейцы и др.).

5. Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? - Новый мир. 1988. № 11. С.174, со ссылкой на: Голдсмит Р. Сопоставление национальных балансов (1688-1978 гг.). - Чикаго, 1985. С.36.

6. Известия. 1989. 25 ноября. Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

- Фонд 5446 - Управление Делами СНК (Совета Министров) СССР
- Фонд 9401 - Секретариат НКВД-МВД СССР
- Фонд 9408 - Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР
- Фонд 9414 – Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) НКВД-МВД СССР
- Фонд 9478 - Главное управление по борьбе с бандитизмом НКВД-МВД СССР)
- Фонд 9479 – 4-й Спецотдел Министерства внутренних дел СССР
- Фонд 9492 - Министерство юстиции СССР)
- Фонд 9526 - Управление Уполномоченного СНК (Совета Министров) СССР по делам репатриации
- Фонд 7523 - Верховный Совет СССР)
- Фонд 8131 - Прокуратура СССР

2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- Фонд 644 - Государственный Комитет Оборона СССР

3. Государственный архив Кировской области (ГАКО)

- Фонд 877 – Вятский окружной исполнительный комитет
- Фонд 1014 – Нагорский районный исполнительный комитет
- Фонд 1259 – Вятский окружной административный отдел
- Фонд 1307 – Поломский районный исполнительный комитет
- Фонд 1583 – Омутнинский районный исполнительный комитет
- Фонд 2333 – Кировский краевой отдел народного образования
- Фонд 2342 - Кировский областной отдел народного образования

Фонд 2943 – Кировская областная прокуратура

Фонд 3058 – Лальский районный исполнительный комитет

4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО)

Фонд 5991 - Политотдел Вятского ИТЛ (Учреждения К-231) НКВД-МВД СССР

5. Архив Управления внутренних дел Кировской области.

Фонд «Личные дела спецпоселенцев»

6. Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК НА РК).

Фондохранилище № 1

Фонд 144 – Государственный лесопромышленный комплекс «Комилес»

Фонд 605 – Совет Министров Коми АССР

Фондохранилище № 2

Фонд 1 – Коми республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР

6. Архив Министерства внутренних дел Республики Коми

Фонд 31 – Отдел трудпоселений

7. Ведомственный архив Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР/Учреждения К-231 МВД СССР/Вятского УЛИУ Минюста Российской Федерации.

Коллекция документов.

II. Опубликованные источники

1. Депортации народов СССР (1930-е - 1950-е годы)/Сост. О.Л.Милова. Ч.1: Документальные источники Центрального Государственного Архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, 1992. – 353 с.

2. Депортации народов СССР (1930-е - 1950-е годы)/Сост. О.Л.Милова. Ч.2: Депортация немцев (Сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, 1995. – 247 с.
3. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг./Под ред. В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.
4. Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг.: Документы и материалы./Науч. ред. Ивницкий Н.А., Макуров В.Г. – Петрозаводск, 1991. – 295 с.
5. История российских немцев в документах./Сост.: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. Т.1 (1762-1992 гг.). – М.: МИГУП, 1993. – 447 с.
6. Льготы и компенсации для жертв политических репрессий: Документы. Комментарии. Разъяснения//Библиотечка «Российской газеты». Вып.№ 4. – М.: Российская газета, 1997. – 191 с.
7. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.1/Сост. Г.Ф.Доброноженко и Л.С.Шабалова. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. – 1168 с.
8. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.2/Сост. Н.М.Игнатова. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. – 608 с.
9. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.6/Сост. Г.Ф.Доброноженко и Л.С.Шабалова. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2004. – 1184 с.
10. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: В 2 кн. Кн.2/Отв. ред. Н.Н.Покровский, В.П.Данилов, С.А.Красильников, Л.Виола. – М.: РОССПЭН, 2006. – 1120 с.
11. Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 205 с.

12. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.): Сборник документов/Сост.: Славко Т.И., Бедель А.Э. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 221 с.
13. Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии/Сост. Н.Ф.Бугай. – М.: Капь, 1994. – 259 с.
14. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий/Сост. Зайцев Е.А. – М.: Республика, 1993. – 223 с.
15. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 - весна 1931 г.//Отв. ред.: Данилов В.П., Красильников С.А. – Новосибирск: Наука, 1992. – 286 с.
16. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 года/Сост.: Красильников С.А., Кузнецова В.Л., Осташко Т.Н. и др. – Новосибирск: Экор, 1993. – 341 с.
17. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945: Документы и материалы/Отв. ред.: Данилов В.П., Красильников С.А. – Новосибирск: Экор, 1996. – 302 с.
18. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б), 1930-1932 гг./Сост. Адиебеков Г.М.//Исторический архив. 1994. № 4. С.145-180.
19. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Т.1, кн.1. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993. – 264 с.
20. Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х томах/Сост. и ред. С.У.Алиева. Т.1: Корейцы. Курды. Немцы. Карачаевцы. И прочие советские народы. – М.: Инсан, 1993. – 336 с.
21. Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х томах/Сост. и ред. С.У.Алиева. Т.2: Карачаевцы. Калмыки. Ингуши. Чеченцы. Балкарцы. И прочие советские народы. – М.: Инсан, 1993. – 335 с.

22. Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919-1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х томах/Сост. и ред. С.У.Алиева. Т.3: Балкарцы. Крымские татары. Греки. Месхетинские турки. И прочие советские народы. – М.: Инсан, 1993. – 351 с.
23. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927-1939. Документы и материалы в 5 томах/Под ред.: В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы др. Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930/Отв. ред.: Ивницкий Н. и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – 927 с.
24. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927-1939. Документы и материалы в 5 томах/Под ред.: В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы др. Т.3. Конец 1930 – 1933/Отв. ред.: Зеленин И. и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.
25. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е годы: Сборник документов/Сост. М.И.Хлусов. – М.: Наука, 1998. – 172 с.

III. Источники мемуарного характера.

1. Амальрик А.А. Нежеланное путешествие в Сибирь. Нью-Йорк, 1970.– 294с.
2. Боков Х. Эхо невозвратного прошлого//Москва. 1989. № 1. С.160-167.
3. Волков О. Погружение во тьму: из пережитого. М., 1992. – 432с.
4. Вольтер Г.А. Зона полного покоя. Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев. – М.: Варяг, 1998. – 416с.
5. Ким С. Исповедь сорен-сарам-советского человека//Дружба народов. 1989. № 4. С.168-195.
6. Миллер Е. Ветер в лицо//Волга. 1990. № 7. С.153-162.
7. Неизвестная Россия. XX век. Т.1. – М.: Историческое наследие, 1992. –352с.
8. Осина Ф. Когда зачерствеют будни твои. Резекне, 2000. – 106с.
9. Панин Д. Лубянка – Экибастуз. М., 1990. 248с.
10. Разгон Л. Чужие // Детектив и политика. 1990. №6. С.320-336.

11. Сейфуллаев И. Выселение крымско-татарского народа на основе огульных обвинений // Репрессированное поколение крымско-татарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Симферополь, 2001. С. 236-245
12. Страдиньш А. Лагерный дневник (Вятлаг: 1941-1943). Киров, 2004. - 84с.
13. Федоров Е. Жареный петух. М., 1992. – 252с.
14. Шемьи-Заде А. Заметки о жизни поэта в условиях спецпоселения // Репрессированное поколение крымско-татарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Симферополь, 2001. С. 256-272

Литература

1. Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М.. Черекская трагедия. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 201 с.
2. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. - М.: Весть, 1992. – 352 с.
4. Белковец Л.П. Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941-1955 гг.)// Репрессии против советских немцев. Наказанный народ/Ред.-сост. Щербакова И.Л. – М.: Звенья, 1999. С.158-179.
5. Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). – М.: Арграф, 2001, - 463 с.
6. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 768 с.
7. Бердинских И.В. Депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны//Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С.139-142.
8. Бердинских И.В. Депортация латышей 1941 г.//Гуманитарные ценности общества: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции 24-25 ноября 2005 г. – Киров, 2005. С.157-160.

9. Бердинских И.В. Законодательная база и политическая ссылка в Советском Союзе 1930-1940-х гг.//Вестник Академии российских энциклопедий. – Челябинск. 2005. № 2(16). С.27-30.
10. Бердинских И.А. Нормативные основы политической ссылки в СССР (30-50-е гг. XX в.)//Проблемы истории российских спецслужб. – Киров, 2004. С.74-79.
11. Бердинских И.В. Особенности депортации советского населения в 1941-1945 гг. (на примере Кировской области РФ)//Российская провинция в эпоху тоталитаризма (1930-1940-х годов). Материалы немецко-российского проекта. – Франкфурт-на-Одере – Киров, 2005. На русском и немецком языках. С.56-68.
12. Бердинских И.В. Проблемы депортаций в эпоху сталинской диктатуры//Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. Материалы XIX Международной научной конференции в Санкт-Петербурге 15-16 мая 2006 г. – СПб., 2006. Часть 2. С.33-37.
13. Бердинских И.В. Спецпоселенцы в начале Великой Отечественной войны//Вопросы истории. 2007. № 4. С.153-155.
14. Бройдо Я.Б., Прохоров В.Ю. Турки-месхетинцы//Народы России. Энциклопедия/Отв. ред. В.А.Тишков. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С.342-343.
15. Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.). Сравнительный анализ.//Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М.: Звенья, 1999. С.95-117.
16. Бугай Н.Ф. Власть сатаны: О депортациях народов из Прибалтики в 1940-1950 годы//Молодая гвардия. 1993. № 4. С.40-48.
17. Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока//Вопросы истории. 1994. № 5. С.141-148.
18. Бугай Н.Ф. 20-40-е годы: депортация населения с территории Европейской России//Отечественная история. 1992. № 4. С.37-49.
19. Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. – М.: Дружба народов, 1992. – 286 с.

20. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: «Согласно Вашему указанию...». - М.: АИРО-XX, 1995. – 320 с.
21. Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И.Сталин»: Сборник документов (1940-е годы). – М.: Готика, 1998. – 350 с.
22. Бугай Н.Ф. О депортациях иранцев из Азербайджана в Казахстан//Восток. 1994. № 6. С.146-154.
23. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. – 88 с.
24. Бугай Н.Ф. О переселении и депортациях еврейского населения в СССР//Отечественная история. 1993. № 2. С.175-185.
25. Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944-1994). – М.: РОСС, 1994. – 162 с.
26. Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен (20-60-е годы). – М.: Капъ, 1993. – 192 с.
27. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998. – 368 с.
28. Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков» (О депортации греков в 1930-1960 годы). – М.: ИНСАН, 1999. – 167 с.
29. Вормсбехер Г. Немцы в СССР//Знамя. 1988. № 11. С.193-203.
30. Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны//Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С.26-44.
31. Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни. В 2-х частях. - М.: Чеченский культурный центр, 1997. – 474 с.
32. Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 516 с.
33. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Кн.1. Социализм в одной стране//История России 1917-1995: В 4-х тт. Т.1. – М.: МИК-Агар, 1996. – 500 с.
34. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М.: Готика, 1996. – 270 с.

35. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 гг.: Справочник/Сост.: А.И.Кокурин и Н.В.Петров. – М.: Материк, 2000. – 888 с.
36. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - Франкфурт-на-Майне – М.: Международное общество прав человека, 1999. – 457 с.
37. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда/Под. ред. Бородкина Л.И., Грегори П., Хлевнюка О.В. – М.: РОССПЭН, 2005. – 320 с.
38. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г.//Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. – М.: Звенья, 1997. С.137-175.
39. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг.//Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. – М.: Звенья, 1997. С.114-136.
40. Дизендорф В.Ф. Десять лет в «Возрождении». - М.: Общественная академия наук российских немцев, 2000. – ХУ11+634 с.
43. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. – М.: Наука, 1999. – 103 с.
41. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект//История СССР. 1991. № 5. С.151-165.
42. Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг.//Социологические исследования. 1991. № 2. С.74-75.
43. Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-е годы//Отечественные архивы. 1993. № 1. С.20-42.
44. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
45. Земсков В.Н. Спецпоселенцы. (1930-1959 гг.)//Население России в 1920-1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. – М., 1994. С.145-194.
46. Ибрагимбейли Х.М. Сказать правду о трагедии народов//Политическое образование. 1989. № 4. С.58-63.

47. Иванов В.А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль-март 1935 г.)//Новый часовой. Русский военно-политический журнал (Санкт-Петербург). 1998. № 6/7. С.118-130.
48. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М.: Московский общественный научный фонд, 1997. - 228 с.
49. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М.: Магистр, 1996. – 287 с.
50. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.
51. Игнатова Н.М. Правовое положение спецпереселенцев – «бывших раскулаченных» в середине 1930-х – 1950-е гг.//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.2/Сост. Н.М.Игнатова. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. С.224-237.
52. Игнатова Н.М. Формы протеста спецпереселенцев//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.2/Сост. Н.М.Игнатова. – Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. С.255-265.
53. Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции, Киров, 25 мая 1996 г. – Киров: Триада, 1997. – 175 с.
54. Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). – Киров, 2002. – 92 с.
55. Керсновская Е.А. Наскальная живопись: «...Беззакония наши свидетельствуют против нас». – М.: Квадрат, 1991. – 382 с.
56. Кокурин А.И. Спецпоселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения//Отечественные архивы. 1993. № 5. С.98-111.
57. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М.: Высшая школа, 1986. – 399 с.
58. Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917-1960. Справочник/Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. – М.:МФД, 1997. – 352 с.

59. Макшеев В.Н. (сост.) Нарымская хроника (Сер.: Исследования новейшей русской истории). Т.3. – М.: Русский путь, 1997. – 256 с.
60. Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942-1948 гг.//Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М.: Звенья, 1999. С.128-145.
61. Медведев Р. Наш иск Сталину//Московские новости. 1988. 27 ноября.
62. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. – 190 с.
63. Морозов Н.А. Истребительно-трудовые годы//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.1/Сост. Г.В.Невский. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998. С.15-237.
64. Народы России. Энциклопедия/Отв. ред. В.А.Тишков. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. – 479 с.
65. Некрич А. Наказанные народы. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 170 с.
66. Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав»//Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С.32-42.
67. Немцы России: Энциклопедия. Т.1: А-И/Редколлегия: В.Карев (пред. коллегии) и др. – М.: ЭРН, 1999. – 832 с.
68. Ожегин П.Т. Административные высылки и спецпоселения на территории Вятского края//Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX - первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции. Киров, 25 мая 1996 г. – Киров, 1997. С.110-120.
69. Ожегин П.Т. Культура и искусство Вятлага//Энциклопедия Земли Вятской. Откуда мы родом. Том 9. Культура. Искусство. - Киров, 1999. С.533-550.
70. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк/Авторский коллектив: Некрасов В.Ф. (руководитель) и др. – М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. – 463 с.
71. Осипов С. Американский ГУЛАГ//Аргументы и факты. 2001. № 43.

72. Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939-1941 гг.//Новая и новейшая история. 1989. № 2. С.26-44.
73. Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы: 1940-1950. – М.: Терра, 1994. – 800 с.
74. Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941: Справочник. – М.: Звенья, 1999. – 503 с.
75. Полиция и милиция в России: Страницы истории/Коллектив авторов: Борисов А.В. и др. – М.: Наука, 1993. – 318 с.
76. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 328 с.
77. Проблемы истории российских спецслужб: Сб. статей. – Киров, 2004. – 142 с.
78. Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1/Сост. Гурьянов А.Э. – М.: Звенья, 1997. – 240 с.
79. Репрессии против советских немцев. Наказанный народ/Ред.-сост. Щербакова И.Л. – М.: Звенья, 1999. – 288 с.
80. Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 года в Латвии//Увезенные: 14 июня 1941 года. Книга Памяти. – Рига, 2001. С.725-744.
81. Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940-1944 годах. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Сыктывкар, 2005. – 204 с.
82. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч.1-2. - М.: Просвет, 1991. – 261с.;284с.
83. Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов Чечено-Ингушской АССР. 1943-1944//Исторический архив. 2000. № 3. С.66-89.
84. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник/Сост. М.Б.Смирнов. - М.: Звенья, 1998. – 559 с.
85. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936. – М.: Мосгорархив, 1995. – 174 с.

86. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: опыт художественного исследования. В 3 томах и 7 частях. Т.1. Гл.2.– М: Новый мир, 1990. – 285 с.
87. Стродс Х.П. Депортация населения Прибалтийских стран//Вопросы истории. 1999. № 9. С.130-136.
88. Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. – Пермь: Пушка, 2005. – 400 с.
89. Убушаев В. Калмыки: Выселение и возвращение, 1943-1957 гг. – Элиста: Санан, 1991. – 92 с.
90. Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939-1941 гг.//Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. – М.: Звенья, 1997. С.44-76.
91. Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы//Вопросы истории. 1989. № 4. С.175-181.
92. Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941-1945 гг.)//Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. – М.: Звенья, 1999. С.118-127.
93. Чудиновских Е.Н. «Мы люди, преданные Советскому Союзу»//Кировская правда. 1997. 14 февраля.
94. Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 288 с.
95. Шиляева Р.С. Из истории спецпоселений на территории Кировской области (1930-1955 гг.)//Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). – Киров, 2002. С.62-70.
96. Conquest R. Soviet deportations of nationalities. - L.–N.Y., 1960. – 204 p.
97. Dahlmann D. „Operation erfolgreich durchgeführt“: Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941//Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdraengung. – Wien: Picus-Verlag, 1994. S.201-226.

98. Dahlman D., Hirschfeld G. Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. – Essen: Klartextverlag, 1999. – 600 s.
99. Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. – 555 s.
100. Gelb M. The Westerns Finnic Minoriten and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations//Nationalities Papers. 1996. Vol.24. № 2. P.237-267.
101. Gilbert M. Atlas of Russian History. – Doprset Press, 1985. – 148 p.
102. Holquist P. “Conduct merciless mass terror”: decosackization on the Don, 1919//Cahirs du Monde russe. 1997. Vol.28. No. 1-2. P.127-162.
103. Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing//The Journal of Modern History. December, 1998, Vol.70. № 4. P.812-861.
104. Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus//Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg.46. Heft 5/6. S.277-301.
105. Naimark N.M. Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe/The Donald W.Treagold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. – The Henry M.Jackson Scholl of International Studies. The University of Washington. – October 1998. – No. 19. – 54 p.
106. Pohl J.O. The Stalinist Penal System: A.Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930-1953. - Jefferson, North Carolina and London: McFarland&Company, Inc., Pubishes, 1997. – 165 p.
107. These Names Accuse. Nominal List of Latvians Deported to Russia in 1940-1941. – Stockholm, 1982. – 678 p.

Список сокращений

Автодор – Всесоюзное общество содействия автомобильному и дорожному транспорту

АПРФ – Архив Президента Российской Федерации (бывший Архив Политбюро ЦК КПСС)

а/с - антисоветский

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика

АССР НП – АССР немцев Поволжья

АСЭ – антисоветский элемент

АЧК – Азово-Черноморский край

БАМ – Байкало-Амурская магистраль

Батрачком – батрацкий комитет

ББК, Белбалтлаг – Беломорско-Балтийский комбинат (ИТЛ) НКВД СССР

БВО – Белорусский военный округ

ВятГГУ – Вятский государственный гуманитарный университет

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ВМН – высшая мера наказания

В/н – вольнонаемные

ВОХР – военизированная охрана

ВПК – Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР

ВС – Верховный Совет

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства)

ГАСПИ (РГАСПИ) – Государственный архив социально-политической истории (бывший РЦХИДНИ – Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории; ранее ЦПА ИМЭЛ – Центральный партийный архив Института Маркса-Энгельса-Ленина)

ГКК – Гражданская Кассационная Коллегия (Верховного суда)

ГКО – Государственный Комитет Оборона СССР

ГОРОНО – городской отдел народного образования

ГП – Генеральная прокуратура СССР

ГУ – Главное управление

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности

ГУИТУ – Главное управление исправительно-трудовых учреждений

ГУЛАГ – Главное управление лагерей (исправительно-трудовых лагерей и колоний) НКВД-МВД СССР

ГУЛЖДС – Главное управление лагерей железнодорожного строительства

ГУМЗ – Главное управление мест заключения

ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных (до 1945 года – УПВИ)

ГУРК НА РК - Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми»

ГУСМП, Главсевморпуть – Главное управление Северного морского пути

ГУШОСДОР – Главное управление шоссейного и дорожного строительства

ДВК – Дальне-Восточный край

ЕПО – единое потребительское общество

ЗСК – Западно-Сибирский край

избач – руководитель избы-читальни

ИНФАГО – информационно-агентурный отдел

ИНФО (Информотдел) – информационный отдел

Инфстатчасть – информационно-статистическая часть

ИПХ – «Истинно православные христиане»

ИТД – исправительно-трудовой дом

ИТК – исправительно-трудовая колония

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

ИТП – инженерно-технический персонал

ИТР – исправительно-трудовые работы (также: инженерно-технические работники)

КГБ – Комитет государственной безопасности

КК – контрольная комиссия

Комилес – Государственный трест Наркомата лесной промышленности Коми области (АССР)

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

к-р – контрреволюционный

крайисполком (КИК) – краевой исполнительный комитет

крайком (КК) – краевой комитет

КРО – контрразведывательный отдел

кустпромартель – кустарно-промысловая артель

кустпромсоюз – союз кустарно-промысловой кооперации

леспродторг – отдел торговли лесопромышленного предприятия (объединения, треста)

лесрабкооп – лесной рабочий кооператив

лечучреждение – лечебное учреждение

ЛВО – Ленинградский военный округ

ЛПХ, леспромхоз – лесопромышленное хозяйство

ЛТХ, лестранхоз – лесопромышленное хозяйство транспортного предприятия

л/участок – лесной участок

МВД – Министерство внутренних дел

МГБ (НКГБ) – Министерство (Наркомат) государственной безопасности

МКК – Международный Красный Крест

МОПР – Международная организация помощи борцам революции

МПЛ, мехлесопункт – механизированный лесопромышленный пункт

МТС – машинно-тракторная станция

Нарком – народный комиссар

Наркомат – народный комиссариат

Наркомвнудел (НКВД) – Народный комиссариат внутренних дел

Наркомвод – Народный комиссариат водного транспорта

Наркомздрав (НКздрав) – Народный комиссариат здравоохранения

Наркомзем (НКЗ, НКЗем) – Народный комиссариат земледелия

Наркомкомхоз – Народный комиссариат коммунального хозяйства

Наркомлес (Нклес, НКЛП) – Народный комиссариат лесной промышленности

Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности

Наркомпочтель (НКПочтель) – Народный комиссариат почт и телеграфов

Наркомпрос (НКПрос) – Народный комиссариат просвещения

Наркомснаб (НКСнаб, Союзнаркомснаб) – Народный комиссариат снабжения

Наркомсобес (НКСобес) – Народный комиссариат социального обеспечения

Наркомторг (НКТ, НКТорг) – Народный комиссариат торговли

Наркомтруд (НКТруд) – Народный комиссариат труда

Наркомфин (НКФ, НКФин) – Народный комиссариат финансов

Наркомцветмет – Народный комиссариат цветной металлургии

Наркомюст (НКЮ, НКЮст) – Народный комиссариат юстиции

н/артель – неуставная артель

НВК – Нижне-Волжский край

Нижкрай – Нижегородский край

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности

НКИД – Народный комиссариат иностранных дел

НКО – Народный комиссариат обороны

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения

НТС – Народно-Трудовой Союз

облкустпромхоз – областной союз промысловой кооперации

ОГПУ – Объединенное главное политическое управление при СНК СССР
ОДД – Общество «Друг детей»
ОДН – Общество «Долой неграмотность»
ОЗУ, Облзу – земельное управление областного исполнительного комитета
ОИК, облисполком – областной исполнительный комитет
ОИТК – Отдел (отделение) исправительно-трудовых колоний
ОК, обком, областком – областной комитет
ОКР – отдел контрразведки
ОЛП – отдельный лагерный пункт
ОЛТП – отдел лагерей и трудовых поселений
ОМЗ – отдел мест заключения
ОО – особый отдел
ОСНАЗ – особого назначения
ОСО – Особое совещание
ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР
ОТК – отдел трудовых колоний
ОТП (ОСП) – отдел трудовых (специальных) поселений
ОТП МЗ – отде трудовых поселений и мест заключения
ОТСП – отдел трудовых и специальных поселений
ОУН – Организация украинских националистов
ПВС – Президиум Верховного Совета
ПГКО – постановление ГКО
п/комендант – поселковый комендант
ПП ОГПУ – полномочное представительство ОГПУ
ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь
ПФП – проверочно-фильтрационный пункт
РАП – районный административный пункт
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории (бывший ЦХСД – Центр хранения современной документации)

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ – Российский государственный архив экономики (бывший ЦГАНХ – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР)

РГВА – Российский государственный военный архив (бывший ЦХИДК – Центр хранения историко-документальных коллекций, ранее ЦГОА – Центральный государственный особый архив)

РИК, райисполком – районный исполнительный комитет

РК, райком – районный комитет

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция

РКК – районная контрольная комиссия

РОА – Русская Освободительная Армия

РОВС – Российский общевойсковой союз

РОКК – Российское общество Красного Креста

РПУ – районное переселенческое управление

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СВБ (ОВБ)– Союз (общество) воинствующих безбожников

СВГ – Ставка Верховного Главнокомандующего (Главного командования)

СВК – Средне-Волжский край

СГУ – Сыктывкарский государственный университет

СЗ – Собрание законов (законодательства)

СК, Севкрай – Северный край

СКК – Северо-Кавказский край

СМ (Совмин) – Совет министров

СМЕРШ (ГУКР/СМЕРШ) – Главное управление военной контрразведки (от «Смерть шпионам!»)

СНК (Совнарком) – Совет Народных Комиссаров
 Собес – социальное обеспечение; отдел социального обеспечения
 Совторгфлот – акционерное общество «Советский торговый флот»
 СОУ – следственно-оперативное управление
 СОЧ – секретно-оперативная часть
 СОЭ – социально опасный элемент
 с/п, с/пер. - спецпереселенец
 с/п, с/поселок – специальный поселок
 Спецссылка, сп/ссылка – специальная ссылка (спецпоселение)
 Спец(труд)поселок – специальный (трудоу) поселок
 СПО – секретно-политический отдел
 СТО – Совет труда и обороны
 СЧЭ – социально чуждый элемент
 т/п, т/поселенец – трудпоселенец
 т/поселок – трудпоселок (трудпоселенцев)
УГБ – управление государственной безопасности
 УИТК – управление исправительно-трудоу колоний
 УИТЛК – управление исправительно-трудоу лагерей и колоний
 УИТЛК и ТП – управление исправительно-трудоу лагерей, колоний и трудоу поселений
 УИТУ – управление исправительно-трудоу учреждений
 УК – Уголовный кодекс
 УЛАГ – Управление лагерями ОГПУ (до 1930 года)
 УМВД (УВД) – территориальное (в краях и областях) Управление Министерства внутренних дел
 УНКВД – территориальное (в краях и областях) Управление НКВД
 УНКГБ (УМГБ) – территориальное (в краях и областях) Управление НКГБ (МГБ)
 УПА – Украинская повстанческая армия
 УПВС – Указ Президиума Верховного Совета

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс

ФСБ – Федеральная служба безопасности

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ (Подольск)

ЦАОДМ – Центральный архив общественных движений

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Цветметзолото – Государственный трест по переработке цветных металлов

Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ СССР

ЦГАКФ – Центральный государственный архив кинофотодокументов РФ

ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦО – Центральный отдел

ЦУДОТРАНС – Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта

ЦХДМО – Центр хранения документов молодежных организаций (бывший Архив ЦК ВЛКСМ)

ЦЧО – Центрально-Черноземная область

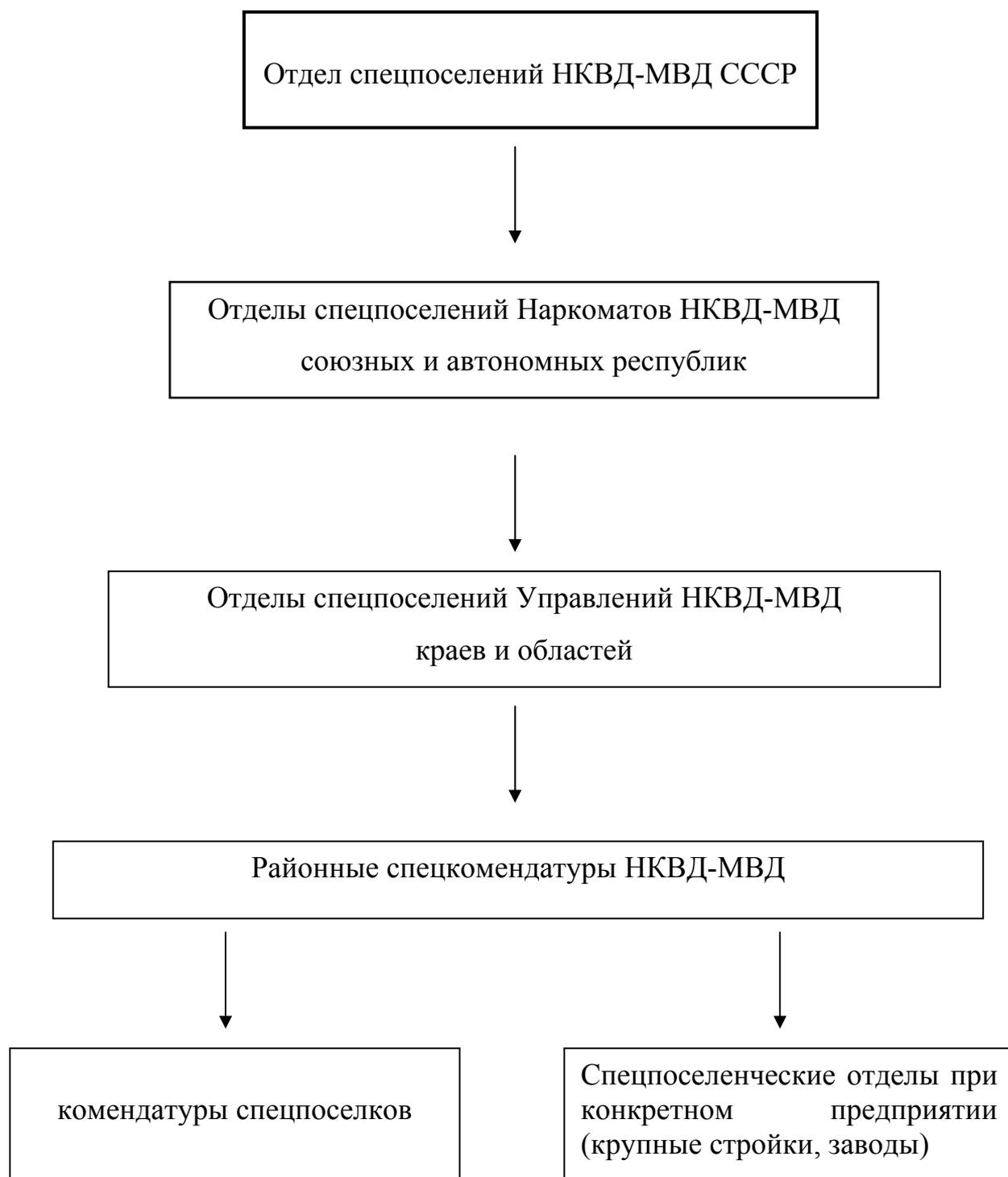
ЧСИР – член семьи изменника Родине

ШКМ – школа колхозной молодежи

Штрафкомендатура – штрафная комендатура (спецпоселение, спецпоселок)

ШИЗО (штрафизолятор) – штрафной изолятор

Схема управления системой спецпоселений
(по состоянию на 1945-1950гг.)

Источник: составлено автором на основании Постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О спецкомендатурах НКВД СССР» // справочная правовая система «Консультант-Плюс»

**Трудовое использование
спецпоселенцев по наркоматам
(по состоянию на 1 января 1938 года)**

Наркоматы и другие ведомства	Численность		Трудо- способные	В том числе	
	семей	человек		занято на работах	не исполь- вались на работах
Наркомтяжпром	97 859	362 429	165 861	142 311	23 550
Наркомлес	48 754	170 683	74 403	63 926	10 477
Сельское хозяйство неуставных артелей	48 158	169 842	90 874	73 654	17 220
Белбалткомбинат	8 823	28 130	15 266	12 483	2 783
Наркомзем	7 479	31 281	15 120	12 784	2 336
НКПС	5 629	18 516	8 485	7 755	730
Наркомпищепром	4 937	21 256	10 894	9 055	1 839
Наркомсовхозов	3 873	15 176	7 768	6 321	1 447
НКВД	3 688	13 336	6 413	4 928	1 485
Наркомлегпром и Наркомместпром	3 579	12 273	6 141	5 166	975
Трудколонии	1 224	3 045	1 224	967	257
Главсевморпуть	781	3 061	1 656	1 549	107
Прочие организации	12 243	30 979	16 510	13 028	3 482
ВСЕГО	247 027	880 007	420 615	353 927	66 688

**Трудовое использование
трудпоселенцев по регионам**
(по состоянию на 1 января 1938 года).

Регионы	Численность		Трудо- способные	В том числе	
	семей	человек		занято на работах	не исполь- вались на работах
Свердловская обл.	47.344	161.976	66.920	61.936	4.984
Новосибирская обл.	38.664	143.694	67.732	57.766	9.966
Красноярский край	14.847	55.293	28.272	23.408	4.864
Челябинская обл.	13.108	49.991	24.046	18.518	5.528
Архангельская обл.	12.675	35.586	18.956	17.206	1.750
Орджоникидзевский кр.	11.473	42.493	21.012	18.119	2.893
Дальневосточный край	10.556	43.142	19.560	15.447	4.113
Омская обл.	9.925	40.727	18.580	14.599	3.981
Белбалткомбинат НКВД	8.823	28.130	15.266	12.483	2.783
Иркутская обл.	7.927	27.801	11.638	11.145	493
Ленинградская обл.	6.265	20.007	13.690	11.668	2.022
Коми АССР	5.372	17.798	7.477	6.838	639
Башкирская АССР	3.028	12.176	4.335	4.277	58
Вологодская обл.	2.860	8.406	4.078	3.657	421
Кировская обл.	2.213	6.876	2.826	2.697	219
Карельская АССР	1.575	5.445	3.335	3.145	190
Якутская АССР	1.224	3.979	2.493	2.003	490
Куйбышевская обл.	885	3.187	1.704	1.249	455
Читинская обл.	874	3.422	1.911	1.389	522
Алтайский край	701	2.125	1.272	1.095	177
Оренбургская обл.	583	2.243	1.226	1.054	172
Бурят-Монгольская АССР	382	1.593	1.194	600	594
ИТОГО по РСФСР	201.304	716.090	337.523	290.209	47.314
Северный Казахстан	26.760	87.984	44.176	33.047	11.129
Южный Казахстан	8.345	34.194	17.530	12.864	4.666
Узбекская ССР	3.474	13.734	6.759	6.021	738
Таджикская ССР	2.818	9.150	5.449	4.524	925
Киргизская ССР	2.448	11.715	5.937	4.490	1.447
Украинская ССР	1.878	7.140	3.241	2.772	469
ИТОГО по другим союзным республикам	45.723	163.917	83.092	63.718	19.374
ВСЕГО по СССР	247.027	880.007	420.615	353.927	66.680

Численность и состав спецпоселенцев

(по состоянию на 15 июля 1949 года)

Контингенты	ВСЕГО	В том числе:		
		Мужчины	Женщины	Дети
Немцы	1.093.490	286.311	435.413	371.766
С Северного Кавказа	463.633	114.139	148.916	200.578
Из Крыма	192.953	55.594	75.346	62.013
Калмыки	77.663	22.380	29.577	25.706
Из Грузии в 1944 г.	81.575	19.421	25.107	37.047
Из Прибалтики в 1949 г.	91.204	24.022	40.877	26.305
Из Молдавии в 1949 г.	34.763	9.233	13.702	11.828
С "Черноморского побережья"	57.246	18.319	18.892	20.035
Всего выселенцев-спецпоселенцев («выселенные навечно»)	2.092.527	549.419	787.830	755.278
"Оуновцы"	95.552	22.569	48.583	24.400
"Власовцы"	131.394	131.130	264	-
Из Литвы в 1945-1948 гг.	46.456	13.453	19.698	13.305
По Указу ПВС СССР от 2 июня 1948 года	22.498	11.744	10.754	-
"Фольксдойчи"	3.232	515	1.879	818
"Немецкие пособники"	2.277	524	1.162	591
"Истинно православные христиане"	1.028	168	618	242
Бывшие кулаки	124.585	34.317	41.694	48.574
Поляки	32.488	8.580	12.473	11.435
Всего спецпоселенцев («выселенные на сроки»)	459.510	223.000	137.145	99.365
ИТОГО:	2.552.037	772.419	924.975	854.643

Источник: Земсков В.Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР)//Социологические исследования. 1990. № 11. С.12